
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00312896 4

А. М. Жемчужниковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1910

4075

Оглавленіе второго тома.

СТРАННАЯ НОЧЬ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

•

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Князь, 30-ти лѣтъ.

Княгиня, 22-хъ лѣтъ.

Арсеній Семёнычъ Ардатовъ, за 50 лѣтъ, — держится важно и прямо, говоритъ съ самоувѣренностью, сѣдой и завитой, одѣтъ изысканно.

Лакей.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ, близъ Петербурга.

Богато меблированная комната. Двери съ обѣихъ сторонъ. Въ глубинѣ большая отворенная дверь. Направо отъ зрителей каминъ; на немъ часы и зажженные канделябры. Налѣво письменный столъ и на первомъ планѣ окно. Въ растворенную дверь видна ярко освѣщенная зала, чрезъ которую проходитъ толпа гостей въ бальныхъ платьяхъ. У большой двери, по обѣимъ сторонамъ, стоятъ лакеи въ шитыхъ ливреяхъ. Черезъ нѣсколько времени по поднятіи занавѣса, когда всѣ гости прошли, подходитъ къ двери третій лакей.

I.

ЛАКЕЙ — *обращаясь къ тѣмъ, которые стоятъ у двери.*

Хоть вдовушкой была — дѣвицѣ не уступитъ;
Какъ подаритъ чѣмъ — что̀ ни взглянетъ, что̀ ни ступитъ.
А свадебныхъ гостей теперь пора за дверь.
И вы подите прочь — по той причинѣ:
Вотъ князь и съ молодой своей княгиней.

II.

Князь и Княгиня.

(*Князь ведетъ княгиню подъ-руку. Онъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ; она въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ. Всѣ три лакея уходятъ и затворяютъ дверь. Князь и княгиня подходятъ на аванъ-сцену.*)

КНЯЗЬ.

Княгиня, мы одни.

КНЯГИНЯ.

Князь, мы одни теперь.

КНЯЗЬ.

Одни мы наконецъ... повѣрьте мнѣ...

КНЯГИНЯ.

Я вѣрю.

КНЯЗЬ.

Вы шутите?

(*Княгиня смотритъ на него, улыбаясь, и жметъ ему руку.*)

Мой милый другъ, повѣрь...
Я вовсе не шучу, ничуть не лицемѣрю.
Но говорю отъ сердца... вѣрь, что я...
Что я люблю тебя безумно, страстно...
Непостижимо... Но напрасно
Я говорю... всего пересказать нельзя...
Ты такъ мила! ты такъ прекрасна!..
Послушай!

КНЯГИНЯ.

Что?

КНЯЗЬ.

Ужели ты моя?

КНЯГИНЯ.

Твоя жена.

КНЯЗЬ.

Меня ты любишь?

КНЯГИНЯ.

Очень!

КНЯЗЬ.

Боже!..
Но... мы изъ-подъ вѣнца... а черезъ десять лѣтъ
Ты скажешь: да, люблю немножко... Такъ ли?

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Какъ? ты черезъ десять лѣтъ опять мнѣ скажешь..

КНЯГИНЯ.

То же.

КНЯЗЬ.

Мой другъ, смотри же, помни... Ты сама
Сказала...

КНЯГИНЯ.

Я люблю тебя всей женской страстью
И никогда не разлюблю!

КНЯЗЬ—*цѣлуетъ ея руку и обнимаетъ ее.*

Я счастью
Не вѣрю своему!.. боюсь сойти съ ума!..
О, въ будущемъ намъ сколько наслажденій!..
Не жизнь, а рай судьба готовитъ намъ!..
Съ тобою...

(*Стучатъ у дверей.*)

КНЯГИНЯ.

Тсс! стучатъ!

КНЯЗЬ.

Стучатъ? кто тамъ?

III.

Тѣ же и Лакей.

КНЯЗЬ.

Что надобно тебѣ?

ЛАКЕЙ.

Арсеній
Семеновичъ Ардатовъ.

КНЯЗЬ.

Въ этотъ часъ?

КНЯГИНЯ — *смотритъ на часы.*

Двѣнадцатый.

ЛАКЕЙ — *князю.*

Они желаютъ видѣть васъ.

КНЯЗЬ.

Сказать, что дома нѣтъ.

ЛАКЕЙ.

Я ужъ сказалъ, что дома.
Они на почтовыхъ подъѣхали сюда.
Должно быть, при разъѣздѣ господа
Имъ не попались ли.

КНЯЗЬ.

Проси.

(*Лакей уходитъ.*)

IV.

Князь и княгиня.

КНЯЗЬ.

Ты не знакома
Съ Ардатовымъ?

КНЯГИНЯ.

Знакома, такъ, едва...
Я встрѣтилась съ нимъ какъ-то за границей,
Не помню гдѣ, въ Висбаденѣ иль въ Ниццѣ,
Назадъ тому три года или два.
А впрочемъ, можетъ быть, что я и ошибаюсь...
Онъ холостой или женатъ?

КНЯЗЬ.

Женатъ.

(*Лакей отворяетъ дверь.*)

КНЯГИНЯ.

Я васъ должна оставить.

КНЯЗЬ.

Виноватъ.

КНЯГИНЯ.

Но не надолго?

КНЯЗЬ.

Постараюсь.

(*Княгиня уходитъ направо. Ардатовъ показывается въ глубинѣ и останавливается въ дверяхъ. Онъ въ коротенькомъ сюртукѣ, клѣтчатыхъ шароварахъ и пестромъ жилетѣ.*)

V.

Князь и Ардатовъ.

АРДАТОВЪ.

Чтò это—раутъ или балъ?
Некстати, можетъ быть, на праздникъ я попалъ
Въ дорожномъ платьѣ и съ душой тревожной...
Что-жъ, князь, войти мнѣ можно, иль не можно?..

КНЯЗЬ.

Ужъ всѣ разъѣхались... Немножко поздно, но—
Я радъ.

(*Ардатовъ входитъ*).

Здорова ль Елена Николавна?

АРДАТОВЪ—*помолчавъ, смотритъ на него пристально.*

Князь, у меня къ вамъ дѣло есть одно.
О немъ узналъ я лишь недавно,—

Иначе я пріѣхалъ бы давно...
Елена Николавна? Слава Богу!
Мы жили вмѣстѣ всѣ въ деревнѣ, близъ Орла;
Но передъ тѣмъ, чтобъ мнѣ отправиться въ дорогу,
Хандра какая-то вдругъ на нее нашла.

(*Опять смотритъ пристально на князя.*)

Во-первыхъ, князь,—насъ не услышатъ люди?

КНЯЗЬ.

Мы здѣсь одни. Что вамъ угодно?

АРДАТОВЪ.

Можно сѣсть?

(*Князь показываетъ ему на кресла. Оба садятся.*)

АРДАТОВЪ—*съ разстановкою.*

Я долженъ вамъ сказать, что... гм!.. но безъ прилюдій...

(*Вынимаетъ изъ кармана письмо и даетъ князю.*)

Вотъ потрудитеся прочесть.

КНЯЗЬ.

Прочесть?

АРДАТОВЪ.

Такъ точно.

КНЯЗЬ—*беретъ письмо.*

Это?

АРДАТОВЪ.

Это.

(*Князь смотритъ на письмо и черезъ нѣсколько времени отдаетъ его Ардатову.*)

АРДАТОВЪ.

Прочли?

КНЯЗЬ.

Прочелъ.

АРДАТОВЪ.

Князь, вы писали?

КНЯЗЬ.

Я.

АРДАТОВЪ.

Къ кому—сказала мнѣ сама жена моя.

КНЯЗЬ.

Отъ непріятнаго избавленъ я отвѣта.

(*Ардатовъ встаетъ, потомъ князь.*)

АРДАТОВЪ—*поправляя воротничекъ.*

Письмомъ вы этимъ, князь, мнѣ запятнали честь.
Я честью не шучу, но дорожу я честью!..
Пятно я смыть хочу!

(*Молчаніе.*)

На это средство есть.

КНЯЗЬ.

Какое?

АРДАТОВЪ.

Я горю враждою къ вамъ и местью!
Смыслъ ясенъ, кажется, въ моихъ словахъ.

КНЯЗЬ.

Стрѣляться мы должны?

АРДАТОВЪ.

Въ пятнадцати шагахъ!
Надѣюсь, вы стрѣляете?

КНЯЗЬ — *оборачивается къ нему и смотритъ на него съ улыбкой.*

Отлично.

АРДАТОВЪ.

Положимъ такъ... но вы—смѣетесь неприлично!
Некстати, князь! Я не шучу!..
Иль васъ убить, иль самъ убитымъ быть хочу.
Безъ малаго я прожилъ ужъ полъ-вѣка.
Пускай умру! но проучу
Я молодого человѣка!..
И этотъ же урокъ послужитъ въ пользу намъ,
Всѣмъ добровольнымъ дуракамъ!
Отъучитъ насъ, между бездѣльемъ и досугомъ,
Съ безпечностью ввѣряться моднымъ львамъ...
Вы дружбу явную питаете къ мужьямъ,
А тайную любовь—къ ихъ молодымъ супругамъ!..

КНЯЗЬ.

Позвольте мнѣ сказать, что вамъ
Я кровной не хотѣлъ нанесть обиды.

АРДАТОВЪ.

Вы говорите это мнѣ-ль?
Какіе-жъ вы имѣли виды?
Какой предлогъ, какую цѣль,
Писавъ къ женѣ моей?.. Дуэль!!.
Вы не хотѣли мнѣ нанесть обиды кровной?
Допустимъ, что до той и не дошло-бъ обиды.

Мнѣ все равно! мнѣ нѣтъ нужды!
Вѣдь отъ записочки любовной
У васъ,
Увѣренъ я, дошло, само собой, какъ разъ
До слезъ, до мимики условной,
До тайныхъ вздоховъ, милыхъ фразъ,
Стишковъ альбомныхъ и картинокъ,
Миганій разныхъ, нѣжныхъ минокъ,
Ужимокъ сладенькихъ... нѣтъ! на смерть поединокъ!!

КНЯЗЬ.

Подумайте,—вѣдь вы отецъ!

АРДАТОВЪ.

И мужъ!
За честь жены стоять коли не мнѣ,—кому-жъ?

КНЯЗЬ.

Когда рѣшились вы... Что̀ дѣлать... какъ угодно.

АРДАТОВЪ.

А!.. слава Богу!.. ну!.. вотъ это благородно!..
Я думалъ, признаюсь, что вы, князь,—виноватъ!—
Отъ дула моего все пятились назадъ.
Но тяжкое теперь съ меня свалилось бремя.
Я радъ, князь, и готовъ...

КНЯЗЬ.

Готовъ я, но не радъ.
Угодно-ль будетъ вамъ назначить мѣсто, время?

АРДАТОВЪ—*подходитъ къ окну и поднимаетъ занавѣсъ.*

За этой рощею, когда вамъ все равно.

КНЯЗЬ.

Мнѣ все равно. Когда?

АРДАТОВЪ.

Пора бы ужъ давно!
Сейчасъ же, — ежели вамъ не противно это.

КНЯЗЬ.

Сейчасъ?

АРДАТОВЪ.

Намъ незачѣмъ ждать свѣта;
Ночь петербургская — какъ полинявшій день...
Смотрите, какъ бѣла, и вмѣстѣ всюду тѣнь.

КНЯЗЬ.

Но развѣ вы не знаете?..

АРДАТОВЪ.

Чего же?

КНЯЗЬ.

Того, что я сейчасъ изъ-подъ вѣнца.

АРДАТОВЪ — *въ радостномъ испугѣ.*

Что? что?.. что онъ сказалъ? О, милосердый Боже!..
(*Смотрится въ зеркало*).
Бьюсь объ закладъ, что нѣтъ на мнѣ лица!..
Постойте!.. на одно мгновенье замолчите!..

КНЯЗЬ.

Ни слова я не говорю.

АРДАТОВЪ—*беретъ князя за руку и подводитъ на самую аванъ-сцену.*

Тихонько и точь-въ-точь мнѣ снова повторите.

КНЯЗЬ.

Да, я изъ-подъ вѣнца сейчасъ.

АРДАТОВЪ.

Благодарю!
Я слышалъ ясно, точно, чисто, внятно.
Какъ было грустно мнѣ... такъ мнѣ теперь пріятно!
Не избѣжать вамъ, князь, небеснаго суда!
Стрѣляться будемъ мы!.. Не вѣрилъ никогда
Я безнаказанности преступленій...
Да, за соблазнъ чужой жены
Пускай же будете навѣки лишены
Вы съ собственной женой законныхъ наслажденій!..
Да, да.

КНЯЗЬ.

Вы странны.

АРДАТОВЪ—*не слушая его.*

Да! я знаю-ль ту дѣвицу?..

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я женился на вдовѣ.

АРДАТОВЪ.

Увы!..
Жену свою храните вы,
Какъ глаза своего зеницу.
Не вѣрю что-то я любви жены-вдовы!..

КНЯЗЬ.

Вы очень странны.

АРДАТОВЪ — *не слушая его.*

О! вѣка златые, гдѣ вы?
Когда невинныя на свѣтѣ жили дѣвы,
Супруги, матери... Все рабски пало ницъ
Предъ нашей современной модой,
И не на шутку мы разссорились съ природой:
У насъ нѣтъ больше вдовъ, нѣтъ женъ и нѣтъ дѣвицъ...
Есть только женщины—безъ всякаго отличья!..
Ну, гдѣ же нравственность? скажите, гдѣ жъ приличье?..
Нѣтъ! образованность пошла намъ, князь, не впрокъ!

КНЯЗЬ.

Меня клонитъ ко сну невольно.
И философствовать намъ, кажется, довольно...
А чтобъ на вызовъ вашъ я въ срокъ явиться могъ,
Покорнѣйше прошу другой назначить срокъ.

АРДАТОВЪ.

Дуэль!.. я не забылъ!.. и хоть мнѣ очень больно,
Но... завтра, если такъ.

КНЯЗЬ.

Когда?

АРДАТОВЪ.

Хоть въ семь часовъ.

КНЯЗЬ.

Къ услугамъ вашимъ въ часъ, не прежде, я готовъ.
(Ардатовъ пожимаетъ плечами.)
Такъ до свиданья!

АРДАТОВЪ.

До послѣдняго свиданья!

(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и возвращается*).

Дай Богъ, чтобъ васъ убить имѣлъ я завтра честь!

КНЯЗЬ.

Я приложу свое искусство и старанье,
Чтобъ завтра разнеслась о вашей смерти вѣсть.

АРДАТОВЪ—*кланяется и уходитъ почти до самой двери; потомъ, постоявъ немного, возвращается назадъ.*

Итакъ, въ извѣстный часъ и на извѣстномъ мѣстѣ,
Я съ нетерпѣніемъ васъ буду ожидать

КНЯЗЬ.

Коль не случится вамъ секундой опоздать,
Мы ровно въ часъ сойдемся оба вмѣстѣ.

АРДАТОВЪ—*въ сторону.*

Каковъ!..

(*Послѣ продолжительнаго молчанія*).

Прощайте, князь.

КНЯЗЬ.

Прощайте.

(*Ардатовъ уходитъ*).

VI.

КНЯЗЬ.

И пора!

Съ ума сошелъ! хотѣлъ до самаго утра
Меня—женатаго—оставить при невѣстѣ!

Что, мизантропъ онъ сталъ иль сдѣлался ревнивъ?
Къ лицу Ардатова все это не пристало.
Вѣдь онъ давно женатъ; а, слава Богу, живъ
И живы всѣ враги его... а ихъ не мало!
И наша съ нимъ дуэль окончится ничѣмъ.
Онъ образумится навѣрно; а межъ тѣмъ
Готовиться къ дуэли все-жъ мнѣ надо!
Такая на него кипитъ во мнѣ досада,
Что примириться съ нимъ не соглашуся я...
Нѣтъ! завтра застрѣлю его, какъ воробья,
Безъ состраданья и пощады!
Теперь... ахъ, да! чуть не забылъ.

(Подходитъ къ стѣнѣ и дергаетъ за звонокъ).

Мнѣ надо видѣться съ любезнымъ адъютантомъ.
Разнохарактернымъ онъ одаренъ талантомъ:
Онъ шаферомъ моимъ сегодня былъ, —
Пусть будетъ у меня онъ завтра секундантомъ.

VII.

Входитъ съ одной стороны сначала **Лакей**, *а потомъ, съ другой,* **Княгиня** *въ утреннемъ платьѣ.*

КНЯЗЬ — *лакею.*

Карету подавать сейчасъ.

(Лакей уходитъ).

КНЯГИНЯ.

Куда?

КНЯЗЬ.

Ахъ, Боже мой!

КНЯГИНЯ.

Ты уѣзжаешь?

КНЯЗЬ.

Да.

КНЯГИНЯ.

Теперь ты уѣзжаешь?!

КНЯЗЬ.

Другъ мой милый!
Съ Ардатовымъ случилася бѣда,
И я...

(Въ сторону).

Который часъ?.. Разстаться съ ней нѣтъ силы!..

КНЯГИНЯ.

Но что́ съ тобою?.. Ты смущенъ!..
Ты говоришь: съ Ардатовымъ?..

КНЯЗЬ.

Да, онъ...
Онъ долженъ драться на дуэли
И секундантомъ быть просилъ меня.

КНЯГИНЯ.

И ты?

КНЯЗЬ.

Я обѣщался.

КНЯГИНЯ.

Какъ? ужели
Тебѣ сказать ему нельзя...

КНЯЗЬ — *перебивая.*

Нельзя!

КНЯГИНЯ.

Да, предпочесть ему меня вы не хотѣли.

КНЯЗЬ — *беретъ ее за руку.*

Ты знаешь свѣтъ. Жестокъ и самовластенъ онъ.
Самъ онъ судья и самъ законъ.
Изъ правилъ свѣтскихъ нѣтъ ни для кого уступокъ;
За нарушенье ихъ прощенья нѣтъ;
И съ равной строгостью казнитъ холодный свѣтъ
И преступленье, и проступокъ!

КНЯГИНЯ — *смотритъ на него пристально.*

Дуэль Ардатова ужъ не съ тобой ли?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ.
Съ однимъ знакомымъ. Тотъ его обидѣлъ...
Ардатовъ... разсердился... вызвалъ... вотъ...

КНЯГИНЯ.

А онъ тебѣ знакомъ?

КНЯЗЬ.

Ардатовъ? Какъ же!...

КНЯГИНЯ.

Тотъ —
Другой?

КНЯЗЬ.

Случалось, что его я видѣлъ.

КНЯГИНЯ.

Онъ долженъ быть шалунъ большой?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, не скажу... Онъ съ вспыльчивой душой...
Онъ очень вспыльчивъ!..

КНЯГИНЯ.

Но нельзя-ль свой вызовъ
Ардатову потребовать назадъ
И помириться безъ капризовъ?

КНЯЗЬ.

Я признаюсь тебѣ, что былъ бы очень радъ.

КНЯГИНЯ.

Ихъ надо разобрать. Проступокъ ихъ не ровенъ,
И кто-нибудь изъ двухъ вѣдь болѣе виновенъ?

КНЯЗЬ.

Знакомый больше виноватъ.

КНЯГИНЯ.

Положимъ, наконецъ, что вашей свѣтской честью
За слово лишнее, за непріятный взглядъ
Предписано платить кровавой местью...
Но ты вѣдь только секундантъ!
И соблюдаешь вздоръ ты этотъ слишкомъ строго,
И слишкомъ ты большой педантъ...
Не уходи! останься, ради Бога!..
Послушай, я боюся за тебя...

КНЯЗЬ.

Не бойся. Для меня все это ужъ не ново.
Мирить враговъ — судьба моя.
И этихъ помирю.

КНЯГИНЯ.

А слова дать нельзя?

КНЯЗЬ.

Даю — почти — честное слово.

КНЯГИНЯ — *улыбаясь.*

Пожалуйста, меня немножко пожалѣй!

(Князь поспѣшно цѣлуетъ ея руку и хочетъ уходить.)

КНЯГИНЯ — *протягивая руку.*

Цѣлуйте крѣпче и нѣжнѣе!

КНЯЗЬ — *нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руку.*

Спѣшу. Мнѣ надо ѣхать поскорѣй,
Чтобы вернуться поскорѣе.

(Уѣзжаетъ.)

VIII.

КНЯГИНЯ — *смотритъ ему вслѣдъ и задумывается. Небольшое молчаніе.*

Какъ онъ заботится о томъ, что̀ скажетъ свѣтъ!
Ужель изъ правилъ этихъ глупыхъ нѣтъ
На случай свадьбы исключеній
Для молодой жены!

(Входитъ лакей.)

IX.

Княгиня и Лакей.

ЛАКЕЙ.

Арсеній
Семеновичъ Арлатовъ. Я сказалъ,

Что князя нѣтъ; онъ говоритъ на это,
Что вамъ бы передать онъ кое-что желалъ.

КНЯГИНЯ.

Я не могу принять его: я не одѣта.

ЛАКЕЙ.

Войти онъ только проситъ, чтобы могъ
Здѣсь написать вамъ пару строкъ.

КНЯГИНЯ — *указывая на письменный столъ.*

Проси сюда.

(*Лакей уходитъ.*)

X.

КНЯГИНЯ.

Что̀ онъ сказать мнѣ можетъ?..

(*Уходитъ.*)

XI.

Ардатовъ и Лакей.

АРДАТОВЪ.

Внезапный мой пріѣздъ княгиню не тревожитъ?

ЛАКЕЙ — *указывая на столъ.*

Вотъ все, что̀ нужно вамъ. Когда
Письмо готово будетъ, вы тогда
Извольте позвонить.

(*Уходитъ.*)

XII.

АРДАТОВЪ.

Мужъ вонъ, а я сюда!
Пока все разсуждалъ я, у подъѣзда стоя,
Какое дѣло съ нимъ затѣялъ я пустое!..
Подумавши, себя стыжусь я самого.
Дуэль!.. Ахъ, вздоръ какой!.. За что́ и за кого?..
Мнѣ есть ли выгода?.. Ему какой убытокъ?..
Нѣтъ, слишкомъ молодъ я и черезчуръ ужъ прытокъ!..
Для мщенія другой я способъ отыщу...
И та́къ я отомщу... О! какъ я отомщу!..
Ни пистолета мнѣ не надобно, ни шпаги:
Мнѣ нужно лишь перо да лоскутокъ бумаги!..

(Садится за столъ и пишетъ.)

«Я не имѣю чести васъ знать, княгиня, но вполнѣ увѣренъ, «что вы — идеалъ красоты, образецъ любезности и примѣръ жен«ской добродѣтели. Вы только-что вышли замужъ. Мнѣ жаль «васъ. Знаете ли, кого вы любите или намѣрены любить? При«лагаю при этой запискѣ другую, по которой вы можете судить «о нравственности вашего мужа. Желая избавить васъ отъ «такаго человѣка, я вызвалъ мужа вашего на дуэль, и не «скрою, что надѣюсь убить его. Извините мнѣ, княгиня, мою «странную выходку. Многіе зовутъ меня оригиналомъ, нѣкоторые «считаютъ меня добрымъ человѣкомъ. Прочитавъ мое письмо, «вы, можетъ быть, согласитесь и съ тѣми, и съ другими»

(Складываетъ письмо и звонитъ. Лакей входитъ.)

Княгинѣ передай и попроси отвѣтъ.

(Лакей уходитъ.)

Что́, хорошо придумано иль нѣтъ?
Другъ въ друга влюблены они теперь безмѣрно
Влюбленная жена спасетъ супруга вѣрно,

От явной гибели и я межъ тѣмъ спасенъ.
Наказанъ славно князь; я славно отомщенъ!..
Вотъ человѣкъ ко мнѣ съ отвѣтомъ.

XIII.

Сначала Лакей, потомъ Княгиня.

ЛАКЕЙ.

Сейчасъ идетъ сама княгиня.

(*Уходитъ.*)

АРДАТОВЪ.

Каково!..

(*Поправляетъ свой туалетъ. Княгиня входитъ.*)

Княгиня!.. (*Вдругъ отступаетъ*). Боже мой! кого
Я вижу?.. Вы—жена?.. Да я не зналъ объ этомъ!..

КНЯГИНЯ.

Такъ вы не шутите?

АРДАТОВЪ.

Я ничего
Не зналъ, а то бы...

КНЯГИНЯ.

Вы меня такъ не хвалили
Въ письмѣ?

АРДАТОВЪ.

Проказница, княгиня!.. Вы забыли...
Про все забыли?.. Годъ тому назадъ?..
Княгиня, помните ли Вѣну?

КНЯГИНЯ.

Конечно.

АРДАТОВЪ.

Какъ я васъ, княгиня, видѣть радъ!..
Какую въ васъ я вижу перемѣну!..

КНЯГИНЯ.

Я постарѣла.

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, прелестны вы!..

КНЯГИНЯ.

Я знаю и безъ васъ, что я не подурнѣла;
Но молода была я для вдовы,
А вотъ теперь немножко постарѣла.

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, вы похорошѣли!..

КНЯГИНЯ.

Можетъ быть.

АРДАТОВЪ.

Клянусь, вы лучше стали!..

КНЯГИНЯ.

Я не спорю.

АРДАТОВЪ.

Княгиня!.. прошлаго я не могу забыть!..
И чувства прежнія могли ль во мнѣ остыть?
О! горя новаго къ теперешнему горю
Не прибавляйте... Мнѣ довольно одного..
О! еслибъ знали вы... изъ сердца моего

На волю рвутся чувства, какъ изъ плѣну!..
Вамъ передать я многое хочу!..
Но вы молчите... я молчу...

КНЯГИНЯ.

Скажите.

АРДАТОВЪ.

Помните ли Вѣну?..

КНЯГИНЯ.

Да помню, Боже мой... и Вѣну мнѣ зачѣмъ
Забыть скорѣе города другого?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, я хотѣлъ напомнить между тѣмъ...

КНЯГИНЯ.

Объ Вѣнѣ болѣе, пожалуйста, ни слова!..
И станемъ говорить мы о письмѣ теперь.

АРДАТОВЪ.

Позвольте, притворю я прежде эту дверь.
(*Идетъ и затворяетъ ту дверь, которою вошла княгиня: потомъ возвращается. Молчаніе.*)

КНЯГИНЯ.

Ну, что-жъ?

АРДАТОВЪ.

Я думалъ, вы начнете.

КНЯГИНЯ.

А я васъ жду.

АРДАТОВЪ.

Пожалуй, я начну.
Для мужа, обманувшаго жену,
Какое оправданье вы найдете?

КНЯГИНЯ.

Для мужа? но еще онъ не былъ женихомъ..

АРДАТОВЪ.

Ахъ, все равно: уже онъ съ вами былъ знакомъ.

КНЯГИНЯ.

Прельстился онъ душой, умомъ и красотою...

АРДАТОВЪ.

Я этого въ своей женѣ не нахожу,
Особенно когда... когда на васъ гляжу.

КНЯГИНЯ.

Все это непріятно мнѣ... не скрою;
Но я его прощу — въ послѣдній разъ.

АРДАТОВЪ.

Княгиня, между тѣмъ вѣдь кто-нибудь изъ насъ
Теперь, теперь стоитъ у самой двери гроба...

КНЯГИНЯ.

Напрасно. Помиритесь.

АРДАТОВЪ.

Но вѣдь есть
Причина важная... Моя страдаетъ честь.
Пока письмо...

КНЯГИНЯ.

Я разорвала оба.

АРДАТОВЪ.

И будите хранить вы обо всемъ
Глубокое, глубокое молчанье?

КНЯГИНЯ.

Я вамъ даю честное слово въ томъ.

АРДАТОВЪ—*беретъ ее за руку.*

Благодарю. Теперь вотъ вамъ мое признанье,
Вотъ откровенная вамъ исповѣдь моя.
(*Оба садятся*).
Узнавъ о томъ, о чемъ и вамъ извѣстно, я
Сообразилъ, что мнѣ, по чувству долга
Отца... и прочее... приличья, словомъ...

КНЯГИНЯ.

Да!

АРДАТОВЪ.

Необходимо поспѣшить сюда,
И что не слѣдуетъ откладывать надолго
Все это дѣло... Я сажусь въ дормезъ, спѣшу...
И прямо къ вамъ на дачу пріѣзжаю.
Здѣсь съ княземъ вижусь, объясняю
И—удовлетворенія прошу.
Но примирился-бъ съ нимъ я тотчасъ же, когда бы
Увидѣлъ я, что самъ желаетъ онъ того...
Напротивъ!.. Были такъ его
Совѣты холодны и возраженья слабы!..
Причину-жъ главную скажу я только вамъ:
Да, здѣсь я потому, что надоѣло тамъ.

Пошли дожди и рожь почти уже поспѣла...
Хозяйничать нельзя... нѣтъ никакого дѣла!..

КНЯГИНЯ.

Безъ васъ должны скучать и дѣти, и жена.

АРДАТОВЪ.

У насъ сосѣди есть,—она вѣдь не одна,
И время кое-какъ проводитъ.

КНЯГИНЯ.

Хозяйка, можетъ быть, хорошая она?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ, на хозяйку не походитъ.
Вотъ вамъ образчикъ: урожай хорошъ,
И всѣ довольны этимъ... что-жъ?..
Она все сердится: находитъ,
Что въ полѣ мало васильковъ.
Вотъ на хозяйство взглядъ каковъ!

КНЯГИНЯ.

Такъ васильки она еще все любитъ?

АРДАТОВЪ.

И васильки попрежнему, и... ахъ!
Не только въ городѣ, но даже въ деревняхъ
Она меня срамитъ и губитъ!..
Вы не подумайте, чтобъ это злой языкъ...
Повѣрьте мнѣ! Хотя я къ ней давно привыкъ,—
Подъ старость лѣтъ она шалитъ гораздо пуще!..
Я говорю, что есть, по правдѣ сущей...

(Княгиня смотритъ на часы; Ардатовъ тоже).

Ужъ первый часъ!

КНЯГИНЯ.

Да; скоро мужъ. .

АРДАТОВЪ.

Такъ вотъ,
Княгиня! Стòитъ ли какихъ-нибудь заботъ
Она?.. и за нее ужели
Не грѣхъ мнѣ драться на дуэли?..
Другое дѣло, если бы за васъ...

КНЯГИНЯ.

Тогда бы чтò?

АРДАТОВЪ.

Сейчасъ на смерть бы я рѣшился!
Рѣшился-бъ, говорю, на смерть я тотъ же часъ!..
Велите утонуть?—при васъ бы утопился!
Сгорѣть?—сожгу себя на медленномъ огнѣ!..
Пошелъ бы на войну!.. и не боялся-бъ встрѣчи
Ни пули, ни ядра, ни бомбы, ни картечи!..

КНЯГИНЯ.

Чтò-жъ вамъ такъ нравится во мнѣ?

АРДАТОВЪ.

Все, все, княгиня, все!.. но больше—ваши... плечи!..

КНЯГИНЯ.

Немножко дерзки вы... и очень вы смѣшны!

АРДАТОВЪ.

Но вы не сердитесь?
(*Княгиня встаетъ и смотритъ на часы. Ардатовъ также встаетъ*).
Вы на часы глядите?

КНЯГИНЯ.

Мнѣ кажется, меня оставить вы должны.

АРДАТОВЪ.

Сейчасъ, княгиня. Прежде мнѣ скажите,
Какого мнѣнія вы обо мнѣ?

КНЯГИНЯ.

Къ чему?

АРДАТОВЪ.

Затѣмъ, что зналъ его я годъ назадъ тому. —
Все то же ли оно?

КНЯГИНЯ.

Вы тотъ же фатъ. Ардатовъ.

АРДАТОВЪ.

Вы прежде, стало быть, любили фатовъ?

КНЯГИНЯ.

Чтò это значитъ?

АРДАТОВЪ.

Такъ... Про Вѣну я...

КНЯГИНЯ.

Опять!

АРДАТОВЪ.

Нельзя же наконецъ мнѣ Вѣны не назвать,
Когда объ Вѣнѣ говорю... объ Вѣнѣ!..

КНЯГИНЯ.

Мнѣ въ вашей Вѣнѣ скучно было. Тамъ
Я мало встрѣтила знакомыхъ дамъ,

Мужчинъ порядочныхъ еще тамъ было менѣй...
Вы мнѣ понравились тогда...

АРДАТОВЪ—*хочетъ уйти.*

Я ухожу.
Сегодня вы не въ духѣ, вы сердиты.

КНЯГИНЯ.

Постойте. Слушайте-жъ. Я вотъ что̀ нахожу:
Вы такъ всегда къ лицу причесаны, завиты:
Такъ чисто вымыты и гладко такъ обриты;
И съ ногъ до головы вашъ модный туалетъ
Такъ милъ, замысловатъ... и золотой лорнетъ,
И узелъ галстука, и свѣжія перчатки,
Цѣпочка, пуговки, брелоки и перчатки,—
Все, все... и даже—вашъ воротничокъ...
Что васъ всегда я видѣть рада,
И поневолѣ мнѣ сознаться надо,
Что вы—премилый... старичокъ!..

АРДАТОВЪ.

Благодарю за шутку вашу злую.
Я мимоходомъ лишь напомню вамъ слегка,
Что нѣкогда вы честь мнѣ сдѣлали большую
Принять письмо—отъ старика.

КНЯГИНЯ.

Письмо?.. ахъ, да!.. письмо!.. вѣдь я совсѣмъ забыла!..

АРДАТОВЪ.

Да! годъ тому назадъ, и—въ Вѣнѣ это было!..

КНЯГИНЯ.

Я принесу его сейчасъ.
Письмо я ваше сохранила.

АРДАТОВЪ.

Вы сохранили?.. О! благословляю васъ...

(*Княгиня уходитъ*)

XIV.

АРДАТОВЪ.

Не обманулся я: она меня любила!..
Ей написать письмо одно я только могъ:
И пламенной любви единственный залогъ
Она хранитъ .. Не правда-ль, это мило?..

XV.

Ардатовъ и Княгиня — *входитъ*.

АРДАТОВЪ.

Нашли?

КНЯГИНЯ — *начинаетъ нѣжно и оканчиваетъ смѣясь*.

Возьмите — вотъ оно.
Въ шкатулкѣ у меня оно ужъ годъ хранилось...
Разстаться съ нимъ мнѣ не хотѣлось; но —
Разстаться съ нимъ я наконецъ рѣшилась:
Возьмите... вотъ оно.

АРДАТОВЪ.

Княгиня, вамъ смѣшно?
Такъ не возьму.

КНЯГИНЯ

Вы не возьмете?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ.

КНЯГИНЯ.

Я при васъ его сожгу.

АРДАТОВЪ.

Не вѣрю. Что-нибудь другое вы сожжете.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, какъ несносны вы!..

АРДАТОВЪ.

Я васъ понять могу:
Супружескому долгу вы послушны.
Но прежде не были ко мнѣ вы равнодушны!..
Сознайтесь въ этомъ хоть на этотъ разъ...
Безъ этого я не уйду отъ васъ...

КНЯГИНЯ.

Пускай. Положимъ такъ и согласимся въ этомъ;
Но страсть забытая не возвратится вновь.
Возобновленную, постылую любовь
Сравню я съ блюдомъ разогрѣтымъ.
Ардатовъ, кушаньевъ я этакихъ не ѣмъ.
А вы ихъ любите?

АРДАТОВЪ.

Не... не совсѣмъ.

КНЯГИНЯ.

Назадъ письмо возьмите... Возьмите же!.. Ну, что же,
Вы не берете?

АРДАТОВЪ.

Ахъ, какъ много здѣсь картинъ!

КНЯГИНЯ.

Въ послѣдній разъ...

(*Входитъ князь и останавливается въ дверяхъ.*)

XVI.

Тѣ же и Князь.

КНЯЗЬ.

Кто этотъ господинъ?

КНЯГИНЯ.

Ардатовъ!.. (*увидѣвъ князя*). Мужъ мой!..

(*Роняетъ письмо.*)

Ахъ!.. письмо!..

АРДАТОВЪ.

О, Боже!..

(*Князь и Ардатовъ бросаются вмѣстѣ къ письму.*)

КНЯЗЬ — *поднявъ письмо.*

Письмо! принадлежитъ оно кому?

АРДАТОВЪ.

Мнѣ.

КНЯЗЬ.

Вамъ?

(*Читаетъ адресъ.*)

Покуда я его по адресу отдамъ.

(*Отдаетъ княгинѣ.*)

АРДАТОВЪ.

Ну, такъ ошибся я... но какъ? не знаю самъ...

(*Въ сторону.*)

Не избѣжать дуэли!.. я наказанъ!..

КНЯЗЬ — *Ардатову.*

Васъ видѣть у себя чему я вновь обязанъ?

АРДАТОВЪ.

Тому, что я былъ очень радъ,
Узнавъ о свадьбѣ... и желалъ поздравить...
Съ княгиней видѣлись...

(*Въ сторону.*)

Не знаю, ка́къ поправить!..

(*Громко.*)

Мы за границей годъ тому назадъ...

КНЯЗЬ.

Опять ошиблись вы. Не два ли,
Иль даже года три?

АРДАТОВЪ.

Помилуйте, едва ли
Годъ будетъ. Мы почти объѣхали весь свѣтъ
Все врозь съ княгинею, но... кажется, зимою
Мы, въ Вѣнѣ встрѣтившись, видались межъ собою.

КНЯЗЬ.

А не въ Висбаденѣ?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ.

КНЯЗЬ.

И не въ Ниццѣ?

АРДАТОВЪ.

Нѣтъ.

(*Въ сторону.*)

Чудакъ! зачѣмъ спросилъ онъ про Висбаденъ, Ниццу?

КНЯЗЬ — *обращаясь къ княгинѣ.*

Что̀ это значитъ все?

АРДАТОВЪ — *въ сторону*

Остался я одинъ.

КНЯГИНЯ — *князю*.

Чтò удивляетъ васъ?

(*Садится въ кресла.*)

АРДАТОВЪ — *громко, смотря на картины*.

Какъ много здѣсь картинъ!

КНЯЗЬ.

Мнѣ кажется, читаемъ мы страницу
Романа глупаго, и что меня
Вы оба сдѣлали — за чтò, не знаю я —
Героемъ глупаго романа.

КНЯГИНЯ.

Я васъ не понимаю.

АРДАТОВЪ.

Это чья
Картина: Рубенса иль Вувермана?

КНЯГИНЯ.

Поль-Поттера.

АРДАТОВЪ.

Оригиналъ?

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, копія.

АРДАТОВЪ.

Не отгадалъ.

(Князь садится въ кресла и смотритъ молча на Ардатова.)

АРДАТОВЪ — *замѣтивъ, что князь смотритъ на него, въ сторону.*

Все это кончится, пожалуй, очень худо.

(Смотря на другія картины, приближается къ двери.)

КНЯЗЬ — *послѣ нѣкотораго молчанія, вполголоса.*

Что-жъ дѣлаетъ онъ здѣсь, невѣжа и нахалъ?
Лакеямъ я велю прогнать его отсюда.

КНЯГИНЯ — *вполголоса.*

Скажите, вы за что сердиты на него?

КНЯЗЬ — *такъ же.*

За что?

КНЯГИНЯ — *такъ же.*

Вамъ неизвѣстно ничего...

(Ардатовъ, который въ это время подвигался къ двери, потихоньку уходитъ.)

XVII.

Князь и Княгиня.

КНЯЗЬ — *вполголоса.*

А я такъ думаю, что слишкомъ много знаю.

КНЯГИНЯ — *такъ же.*

Ардатовъ здѣсь; онъ слушаетъ нашъ споръ,

Чтобъ завтра-жъ разгласить объ этомъ всякій вздоръ;
И будетъ зиму всю — я васъ предупреждаю —
О васъ во всѣхъ гостиныхъ разговоръ
Межъ европейцами — съ душою африканской
Однимъ вы явитесь, какъ Мавръ венеціанскій;
Другіе, васъ покрывъ насмѣшкой и стыдомъ,
Разсказывать пойдутъ изъ дома въ домъ
О вашей ревности мѣщанской.

КНЯЗЬ — *такъ же.*

Я чувствую...

КНЯГИНЯ — *такъ же.*

Но свѣтъ не разбираетъ чувствъ!
Смѣшную сторону одну онъ только ловитъ.

(*Князь складываетъ руки на груди и принимаетъ положеніе человѣка, рѣшившагося на терпѣніе.*)

КНЯГИНЯ — *послѣ небольшого молчанія, громко.*

Арзатовъ, вы знатокъ и меценатъ искусствъ:
Что, академія намъ выставку готовитъ?

(*Молчаніе. Князь и княгиня оборачиваются назадъ въ разныя стороны.*)

КНЯЗЬ И КНЯГИНЯ — *вмѣстѣ.*

Ушелъ!

КНЯЗЬ — *вставъ и обращаясь къ княгинѣ, протягиваетъ руки.*

Нина!

КНЯГИНЯ.

Зачѣмъ?

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ?.. прочесть.

КНЯГИНЯ.

Не дамъ.

КНЯЗЬ.

И важная причина, вѣрно, есть?

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ никакой. Оно для васъ не интересно.

КНЯЗЬ.

Напротивъ!

КНЯГИНЯ.

Я была вдовою...

КНЯЗЬ.

Мнѣ извѣстно,
Что вы тогда уже вдовою были, но
Тѣмъ интереснѣй мнѣ оно.
Ардатовъ—авторъ?

КНЯГИНЯ.

Да.

КНЯЗЬ.

Навѣрно ужъ умно!
Но знать хочу, какъ слогъ его: тяжелъ иль гибокъ;
Что́, холоденъ ли онъ, исполненъ ли огня;
Орѳографическихъ не вкралось ли ошибокъ...

Ошибки исправлять, божусь вамъ, страсть моя...
Отдайте мнѣ письмо и не противьтесь долѣ.

КНЯГИНЯ.

Оно написано по-русски.

КНЯЗЬ.

О, тѣмъ болѣ!
Вѣдь эти господа — я очень знаю ихъ —
По части русскаго правописанья
Упорное всегда вели соревнованье
Съ купцами лавокъ мелочныхъ.
Но дайте же письмо скорѣе сами, или...
Я васъ прошу въ послѣдній разъ,
Не то я силою возьму его отъ васъ!

КНЯГИНЯ — *отдавая ему письмо.*

Нѣтъ, вы возьмете безъ насилій.

(Князь беретъ письмо, читаетъ его, изъявляя попеременно знаки презрѣнія, гнѣва и сожалѣнія; потомъ бросаетъ его на столъ и нѣсколько времени смотритъ молча на княгиню, скрестивъ руки на груди.)

КНЯЗЬ.

Въ васъ обманулся я. Кого винить мнѣ въ томъ?
Себя ли? васъ ли?.. я не знаю.
По крайней мѣрѣ я не виноватъ ни въ чемъ
Предъ вами. О, какъ проклинаю
Я заблужденье сердца моего!..
Надеждой сладостной душа была согрѣта —
Найти въ васъ много... Вдругъ найти, взамѣнъ всего,
Въ васъ только женщину большого свѣта.

Иль, просто, ровно ничего!..
Ахъ, это больно,—да, невыразимо больно
Тому, кто лучшаго чего-нибудь искалъ:
Кому новѣйшей львицы идеалъ
Найти въ подругѣ жизни не довольно!
Пусть вашъ изященъ вкусъ и тонъ у васъ хорошъ.
Достоинствъ этихъ я теперь не ставлю въ грошъ!
Тутъ все условно,—и скачки нерѣдки
Изъ чопорныхъ маркизъ въ разгульныя гризетки...
А я васъ такъ любилъ, и такъ вамъ вѣрилъ... Что-жъ!..
И чувствъ возвышенность, и сила убѣжденья,
И мыслей чистота, всѣ клятвы, увѣренья,
Все это—лицемѣріе и ложь!..
И, признаюсь, вы такъ искусно, ловко лгали...
Хитрѣе васъ найдется кто едва ли...

(*Смѣясь.*)

Что Талейранъ! что Меттернихъ!..
Вамъ нипочемъ наука ихъ!..
Какъ объясните вы свое паденье?..
Нѣтъ оправданья вамъ и нѣтъ вамъ извиненья!—
Тутъ прихоть лишь была... тѣмъ хуже, если страсть!..
Ардатовъ!!. Можно ли такъ низко вамъ упасть?..
Но взглядъ у васъ на все, быть можетъ, новый?..
Для васъ хорошее, дурное—все равно,
И вамъ приличіе—смѣшно!
Всѣ старыя отбросивши оковы,
Быть можетъ, вы, второй Жоржъ Сандъ,
Имѣете особенный талантъ
Софизмомъ разрушать, по требованью моды,
Начала и законъ природы?
Но Леліямъ и въ сказкахъ счастья нѣтъ.
Ихъ высшій взглядъ на этотъ свѣтъ
То слишкомъ розовый, то черезчуръ печальный.
Ахъ, будьте вы умны... не будьте геніальны!

Вы будьте женщиной такой, какъ создалъ Богъ, —
Не той, какою свѣтъ пересоздать васъ могъ!
Всегда прикрытыя притворной маской,
Ужели рождены вы съ цѣлью той,
Чтобъ занимать свой вѣкъ пустой
Съ утра до вечера неумной болтовней,
И съ ночи до утра — безумной пляской?
Холодны ко всему и безполезны всѣмъ,
Ужели мужа вы берете лишь затѣмъ,
Чтобы свободнѣе дурачиться при мужѣ?
А послѣ, что̀ еще постыднѣе и хуже,
Чтобъ, бывши матерью, не понимать
Священнаго значенья слова: мать?..
Мы здѣсь одни и все останется межъ нами, —
По чистой совѣсти скажите мнѣ вы сами:
Что̀ женщина, когда она
Средь мужа и дѣтей не мать и не жена!
А этакихъ я сплошь да рядомъ здѣсь встрѣчаю.
И если вы примѣръ берете съ нихъ,
Такъ знайте же, что женщинъ я такихъ
Жалѣю много, но... но больше презираю!..

(Княгиня при этомъ слов[illegible] съ кресла и съ гордымъ негодованіемъ смотритъ на князя.)

Вы оправдать должны обиженную честь.

(Княгиня молча садится опять въ кресло.)

Предвидя наперёдъ всю слабость оправданья,
Вы предпочли хранить холодное молчанье.
Мнѣ случаемъ пришлось одно письмо прочесть,
Но ежели у васъ еще ихъ много есть,
Я вамъ совѣтую собрать и переплесть
Ихъ въ книгу, или даже въ книги,
Гдѣ будутъ ваши всѣ описаны интриги.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Боже мой!.. Да! есть еще письмо одно.

(Вынимаетъ письмо и даетъ его князю.)

Читайте громко. Вотъ оно!

КНЯЗЬ — *беретъ письмо и, посмотрѣвъ на него, измѣняется въ лицѣ, бросаетъ его на столъ и садится.*

Я, признаюсь, никакъ не могъ себѣ представить,
Чтобы рѣшился мужъ свою жену безславить.

КНЯГИНЯ.

Ардатовъ пишетъ письма мнѣ;
А вы — Ардатова женѣ!
Какое вы себѣ найдете извиненье —
Теперь спросить васъ очередь моя?!..
Вы смѣли говорить мнѣ о своемъ презрѣньи?..
Нѣтъ, вы не поняли меня.
Себя въ одномъ я только упрекаю,
Въ одномъ меня вы можете винить:
Въ безпечной легкости... да, въ этомъ такъ и быть.
Вины другой я за собой не знаю.
Но я себѣ во вредъ легка,
И никому вреда нѣтъ болѣ...
Изъ легкости за старика
Я вышла замужъ поневолѣ;
Но, не любя его нимало, какъ жена,
Я долгу своему всегда была вѣрна;
И вамъ, и всѣмъ скажу я смѣло:
Хотя онъ былъ больной и скучный человѣкъ,
Но еслибъ онъ прожилъ еще вѣкъ цѣлый,
Была-бъ я та же цѣлый вѣкъ.

Мы вмѣстѣ не жили и года:
Я овдовѣла, и тогда
Неволю тяжкую смѣнила вдругъ свобода;
Но берегла я честь всегда.
Случилося мнѣ разъ, отъ скуки и для смѣха,
Сказать Ардатову нескромныхъ слова два.
Его сейчасъ вскружилась голова;
Въ меня влюбился онъ и ожидалъ успѣха.
На балѣ приняла письмо я отъ него,
Пустую шутку продолжая;
И дома, страстное посланіе читая,
Смѣялась отъ души, и... больше ничего.
Ардатова съ тѣхъ поръ ужъ годъ я не видала;
Но о письмѣ своемъ онъ вспомнилъ черезъ годъ.
Когда ему назадъ письмо я отдавала,
Онъ не бралъ... вы вошли... оно упало...
Вотъ вся исторія письма, и вотъ
Къ Ардатову моей любви простая повѣсть.

(Встаетъ.)

Нѣтъ, не запятнана ни честь моя, ни совѣсть!

(Князь также встаетъ.)

Теперь хочу я знать, достойны ль вы...

КНЯЗЬ.

Но я...

КНЯГИНЯ.

Вѣдь васъ я слушала, такъ слушайте меня.
Имѣла, кажется, довольно я терпѣнья.
Вы моего достойны-ль уваженья?
Подумайте, куда васъ страсти завлекли!.
Разборчивѣе васъ встрѣчаются мужчины..
Положимъ, вы сѣдинъ замѣтить не могли,
Но вы замѣтили морщины!

Ихъ даже скрыть нельзя отъ близорукихъ глазъ,
Хоть въ палецъ положи румяна и бѣлила...
Ужель отъ васъ *она* морщины скрыла?

КНЯЗЬ.

Но...

КНЯГИНЯ.

Я молчать просила васъ.
И обратились къ *ней* вы по какимъ причинамъ?
О! тотъ отчаянный поклонникъ дамъ,
Въ комъ даже нѣтъ почтенія — къ лѣтамъ,
И уваженія — къ морщинамъ!
Но, можетъ быть, здѣсь цѣль другая есть:
Не думали-ль путемъ вы этимъ пріобрѣсть
Значенье въ обществѣ и въ свѣтѣ положенье?
Князь, если такъ, не вамъ мнѣ изъявлять презрѣнье?
Во всякомъ случаѣ теперь — всему конецъ.
Въ сужденьяхъ о себѣ я совершенно права:
Идти рѣшившись съ вами подъ вѣнецъ,
Изобличила я предъ всѣми легкость нрава.
Послѣдній это мнѣ урокъ...
Но я наказана ужасно!
Ахъ, еслибъ кто постигнуть могъ,
Какъ я несчастна!.. *(Плачетъ.)*

КНЯЗЬ — *послѣ нѣкотораго молчанія.*

Я сознаюсь, что къ вамъ я былъ несправедливъ,
Некстати вспыльчивъ и ревнивъ.
За извиненія примите вы сознанье!..
Въ свое же оправданье
Скажу, что женщину я эту не терплю;
Но только я возможности не вижу,
Когда мнѣ скажетъ женщина: люблю!
Ей отвѣчать: — а я васъ ненавижу!

КНЯГИНЯ.

Поэтому она виной всему?

КНЯЗЬ.

Всему первоначальною виною.

КНЯГИНЯ.

Чтобъ отъ грѣха ее спасти, вы почему
Предъ ней, какъ здѣсь сейчасъ передо мною,
Всей воли не дали и чувствамъ, и уму,
Чтобъ дерзко высказать суровыхъ истинъ тьму?

КНЯЗЬ.

Вѣдь я прощенія просилъ... Вы не слыхали?

КНЯГИНЯ.

Когда же это? Предо мной
Вы на колѣняхъ не стояли.
Прощенья вы просили?.. Боже мой!..
Вы мнѣ какую-то проговорили фразу
И полагаете, что я
На шею кинусь къ вамъ при первомъ словѣ, сразу.
Со мной такъ поступать нельзя!
А впрочемъ падайте, пожалуй, на колѣна...
Моей любви къ вамъ прежней нѣтъ и тѣни...
Не вижу вашихъ слезъ! не слышу вашихъ словъ!
И завтра мы должны растаться!

КНЯЗЬ — *послѣ непродолжительнаго молчанія.*

Я знаю.

КНЯГИНЯ.

И навсегда разъѣхаться должны мы.

КНЯЗЬ.

Разстанемся мы завтра, навсегда.

КНЯГИНЯ.

Вамъ это все равно?

КНЯЗЬ.

Что-жъ дѣлать мнѣ, когда
Вы такъ рѣшительны и такъ неумолимы?

КНЯГИНЯ.

Но я вѣдь не шучу.

КНЯЗЬ.

Я тоже не шучу.

КНЯГИНЯ.

Вы рады?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, не радъ.

КНЯГИНЯ.

Но видъ вашъ не печальный, —
Вамъ очень весело.

КНЯЗЬ.

Я развѣ хохочу?

КНЯГИНЯ.

У васъ всегда готовъ отвѣтъ оригинальный.

КНЯЗЬ.

Но это былъ вопросъ.

(Молчаніе.)

КНЯГИНЯ.

Теперь я спать хочу.

КНЯЗЬ — *подаетъ ей руку.*

Позвольте проводить мнѣ васъ до вашей спальной.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, спальню я отъ васъ не стану отнимать;
Я въ этихъ креслахъ буду спать.

(Садится въ кресла.)

КНЯЗЬ.

Вамъ очень безпокойно будетъ.

КНЯГИНЯ.

Не безпокойтесь.

КНЯЗЬ.

Но...

КНЯГИНЯ.

Вамъ не пора-ль уйти?

КНЯЗЬ.

Васъ рано утромъ шумъ разбудитъ.

КНЯГИНЯ.

Я васъ не слушаю... я сплю уже почти.

КНЯЗЬ.

Однако...

КНЯГИНЯ — *раздражительно.*

Но ужель и спать я не свободна.
Гдѣ вздумается мнѣ?

КНЯЗЬ.

Какъ вамъ угодно.

(Князь начинаетъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Молчаніе.)

КНЯГИНЯ.

Что-жъ? не намѣрены вы спать сегодня лечь?

КНЯЗЬ — *продолжая ходить.*

Я буду здѣсь ходить.

КНЯГИНЯ.

Зачѣмъ?

КНЯЗЬ.

Чтобъ васъ стеречь.

(Князь продолжаетъ ходить. Долгое молчаніе).

КНЯГИНЯ.

На васъ глядѣть смѣшно мнѣ, право!
Вы ходите передо мной,
Какъ передъ будкой часовой,
Вотъ полчаса, налѣво и направо.

(Князь садится въ глубинѣ комнаты. Опять молчаніе.)

КНЯГИНЯ.

Какъ мнѣ здѣсь холодно!

КНЯЗЬ — *встаетъ.*

Помочь я вамъ готовъ,
Но какъ, — не знаю!

(Подходитъ къ столу и беретъ письмо.)

Вотъ все, что можно сжечь за недостаткомъ дровъ.

(Сжигаетъ письмо на свѣчкѣ и бросаетъ въ каминъ.)

КНЯГИНЯ.

Что дѣлаете вы?

КНЯЗЬ.

Въ каминъ письмо бросаю.

КНЯГИНЯ.

Письмо? какое? чье?

КНЯЗЬ.

Написанное къ вамъ.

(Беретъ со стола другое письмо и подаетъ его княгинѣ.)

А вотъ письмо мое.

КНЯГИНЯ — *беретъ письмо.*

Постойте, я довольно осторожна.
Достойно ли оно быть жертвою огня?

(Читаетъ.)

«Пишу я къ вамъ...» Гм! къ вамъ!

(Отдаетъ письмо князю.)

Возьмите, бросить можно.

(Князь беретъ письмо, смотритъ и бросаетъ въ каминъ, потомъ подходитъ къ княгинѣ и становится передъ ней на колѣни.)

КНЯЗЬ.

Прости меня!

КНЯГИНЯ — *обнимаетъ его.*

Прости меня!

(Они нѣсколько времени остаются въ объятіяхъ другъ друга.)

КНЯЗЬ—*поспѣшно встаетъ.*

Ахъ! завтра...

КНЯГИНЯ.

Что?

КНЯЗЬ.

Я вспомнилъ о дуэли!

КНЯГИНЯ.

Все кончено. Онъ самъ не хочетъ...

КНЯЗЬ.

И къ чему
Завелъ онъ эту кутерьму?

КНЯГИНЯ.

Въ деревню завтра ѣхать мы хотѣли?

КНЯЗЬ.

Поѣдемъ.

КНЯГИНЯ.

Какъ мы будемъ проводить
Тамъ время?

КНЯЗЬ—*смотритъ на часы, стоящіе на каминѣ.*

Но тебѣ, мой другъ, ужъ не пора ли?..

КНЯГИНЯ.

Объ этомъ мы съ тобой еще не разсуждали.

КНЯЗЬ—*съ нетерпѣніемъ.*

Мы послѣ будемъ говорить.

КНЯГИНЯ.

Пріѣдемъ осенью. Устроимъ все сначала...

КНЯЗЬ.

Тамъ все устроено.

КНЯГИНЯ.

Твой кабинетъ самъ
Отдѣлаю. Трудовъ найдется намъ не мало.

КНЯЗЬ.

Увидимъ тамъ.

КНЯГИНЯ.

Придетъ зима...
Представь себѣ, мой другъ, ты это чувство нѣгу
И наслажденье, когда вдвоемъ съ тобой,
Въ саняхъ по рыхлому, сверкающему снѣгу
Мы вихремъ полетимъ на тройкѣ удалой!..

КНЯЗЬ — *съ равнодушіемъ въ сторону.*

Какъ будетъ весело!..

(Смотритъ на свои часы.)

Ты знаешь, часъ который?

КНЯГИНЯ — *не слушая его.*

А длиннымъ вечеромъ, опять съ тобой вдвоемъ,
Мы будемъ ли читать, иль разсуждать...

КНЯЗЬ.

О чемъ?

КНЯГИНЯ.

Ужели мы предмета не найдемъ?
О томъ, что въ насъ родитъ сомнѣнье, толки, споры...
О жизни, о любви, поэзіи...

КНЯЗЬ—*прерывая съ нетерпѣніемъ.*

Да, да!

КНЯГИНЯ.

Пріятно будетъ намъ и весело всегда.
Пройдетъ зима, весна, настанетъ лѣто...

КНЯЗЬ.

Лѣтомъ
Пойдемъ искать грибовъ съ лорнетомъ.

КНЯГИНЯ.

Мой другъ, какой прозаикъ ты!
Въ природѣ много такъ величья, красоты!..
Люблю я видъ созрѣвшей, желтой нивы;
Люблю таинственно-шумящій лѣсъ;
Ручей подъ сѣнію плакучей ивы
И синеву далекую небесъ.

КНЯЗЬ.

Согласенъ я: весьма, весьма красивы
Ручей и небо... нечего сказать!
Но... во-время, мой другъ. Теперь.. поди ты спать!

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Боже мой, какъ вы учтивы!..

КНЯЗЬ.

Но твой упрекъ несправедливъ.
Съ тобою, другъ мой, я учтивъ.
Быть можетъ, я съ другою дамой
Рѣшился бы всю ночь болтать про всякій вздоръ,
Или душить ее хоть пяти-актной драмой,
Пока не свалится со стула на коверъ...

Но поведеніе мое съ тобой иное.
И несмотря на то, что ты моя жена,
Я вижу, надобно тебѣ покоя,
Отдохновенія и сна.

КНЯГИНЯ — *вставая.*

Ты правъ: я такъ устала, что нѣтъ мочи.

КНЯЗЬ — *даетъ ей руку.*

Я поведу тебя.

КНЯГИНЯ.

Пойдемъ.

(Князь доводитъ княгиню до двери въ спальню.)

КНЯГИНЯ — *останавливаясь у двери, протягиваетъ князю руку.*

Князь, пожелайте мнѣ спокойной ночи

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ?

КНЯГИНЯ.

Такъ слѣдуетъ.

КНЯЗЬ.

Нужды нѣтъ вовсе въ томъ!

КНЯГИНЯ.

Какъ нѣтъ нужды?

КНЯЗЬ — *показывая ей на часы.*

Смотри. Теперь ужъ день, а днемъ
Спокойной ночи не желаютъ.

(Княгиня, смѣясь, даетъ ему поцѣловать свою руку. Князь цѣлуетъ. Княгиня уходитъ.)

XVIII.

КНЯЗЬ — *выходитъ на авань-сцену и обращается къ зрителямъ.*

Бываютъ женщины и съ сердцемъ, и съ умомъ.
Но безъ кокетства—не бываютъ!

(*Занавѣсъ опускается.*)

1850 г.

СУМАСШЕДШІЙ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Графиня Горская, вдова.
Князь Порѣцкій.
Валуевинъ.
Сенаторъ.
Графъ Касимонъ.
Колывинъ.
Баронъ фонъ-Бухенбахъ.
Лидиновъ, офицеръ.

Дѣйствіе происходитъ у графини Горской.

Маленькая гостиная у графини. Двери посрединѣ и по сторонамъ. На правой сторонѣ отъ зрителей, ближе къ авансценѣ, диванъ; передъ нимъ большой круглый столъ съ чайнымъ приборомъ и всѣмъ, что полагается къ чаю; около стола нѣсколько креселъ и стульевъ. Налѣво, на авансценѣ каминъ; болѣе въ глубинѣ небольшой диванъ и кресла около круглаго стола, покрытаго книгами, альбомами и [illegible]. Всѣ свѣчи [illegible] въ люстрахъ, [illegible] канделябрахъ зажжены. Каминъ топится; на немъ часы и вазы; на стѣнахъ, между зеркалами, [illegible] фигуры изъ саксонскаго фарфора.

I.

Чрезъ нѣсколько времени по поднятіи занавѣса изъ лѣвой двери выходитъ графиня, одѣтая почти такъ, какъ одѣваются на балъ; она держитъ перчатки. Войдя на сцену, она смотрится въ зеркала, въ которыхъ отражается со всѣхъ сторонъ.

ГРАФИНЯ.

Онъ побѣжденъ. Нельзя не полюбить меня!
На этотъ вечеръ мой успѣхъ упроченъ.
Да! что-нибудь одно изъ двухъ навѣрно: я
Иль очень хороша, иль ошибаюсь—очень.
Но цѣлый годъ прошелъ. Кто знаетъ—длинный годъ
Какъ много чувствъ и думъ съ собою унесетъ?
Быть можетъ, одному приличію послушный,
Онъ не спѣшитъ и ждетъ свиданья равнодушно...
(*Смотритъ на часы.*)
Одиннадцатый часъ!.. Пора!..
Не ѣдетъ,—будто бы мы видѣлись вчера...
(*Садится. Небольшое молчаніе.*)
Что онъ влюбленъ въ княжну Алину, слухъ носился,
И говорили, что княжна,
По приказанію княгини, влюблена...
Но я не думаю, чтобъ онъ въ нее влюбился!
Влюбляться въ глупенькихъ княженъ
Прилично мальчикамъ—а онъ...
Его разсчета я совсѣмъ не понимаю!
И кромѣ свѣжести, что-жъ есть въ ней? я не знаю!
Всѣ дѣвочки вѣдь свѣжи такъ,
Какъ мы бываемъ отъ мороза...
Ихъ красота—здоровья знакъ.
(*Встаетъ и смотрится въ зеркало.*)
Совсѣмъ не отъ любви онѣ цвѣтутъ какъ роза!
(*Черезъ нѣсколько времени опять садится.*)

Во всемъ натянутость, надменность и боязнь!
А подъ вѣнецъ идутъ — какъ будто бы на казнь!
Для поэтической души — какая проза!
Нѣтъ, не трудитесь, бѣдная княжна!..

(Послѣ небольшаго молчанія.)

Весь вечеръ, кажется, я просижу одна.

(Встаетъ и беретъ книгу со стола.)

Вотъ кстати — объ ученьи.

(Садится около камина.)

Начну читать...

(Начинаетъ читать со вздохомъ. Молчаніе. Черезъ нѣсколько времени слышенъ звонокъ, который извѣщаетъ на лѣстницѣ о пріѣздѣ гостей.)

Звонятъ! Не онъ ли?

II.

Въ среднихъ дверяхъ стоитъ Балунинъ во фракѣ, черномъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ.

ГРАФИНЯ — *въ сторону.*

Такъ и есть! *(громко.)*
А! Наконецъ! *(Подаетъ ему руку.)*

БАЛУНИНЪ — *цѣлуетъ ея руку.*

Почти тотчасъ по возвращеньи
Заѣхать къ вамъ вчера уже имѣлъ я честь.
Васъ дома не было.

ГРАФИНЯ.

Я очень сожалѣла.
Вы вѣрно на зиму пріѣхали сюда,
Чтобы разсѣяться?

ВАЛУНИНЪ.

Нѣтъ. У меня есть дѣло.

ГРАФИНЯ.

Такъ вы не на̀долго?

ВАЛУНИНЪ.

Быть можетъ, навсегда.

ГРАФИНЯ.

Я буду видѣть васъ... Я рада...

ВАЛУНИНЪ — *кланяясь.*

Я — тѣмъ болѣ.

ГРАФИНЯ.

А дѣло — важное?

ВАЛУНИНЪ — *садясь возлѣ графини.*

Въ немъ — вся судьба моя.

ГРАФИНЯ — *съ любопытствомъ.*

И только ваша?

ВАЛУНИНЪ.

Нѣтъ, и прочихъ поневолѣ.

ГРАФИНЯ — *съ возрастающимъ любопытствомъ.*

А счастье?

ВАЛУНИНЪ.

Унывать зачѣмъ? Надѣюсь я!..

ГРАФИНЯ — *въ сторону.*

Влюбленъ! Вопросъ: въ кого?

ВАЛУНИНЪ.

Вамъ это не понятно?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ВАЛУНИНЪ — *таинственно.*

Новую мнѣ Богъ обязанность послалъ!

ГРАФИНЯ — *смотря пристально на него.*

Какую?

ВАЛУНИНЪ.

Можетъ быть, я много ужъ сказалъ...

ГРАФИНЯ — *тихо и потупивъ глаза.*

Она — приятна вамъ?

ВАЛУНИНЪ — *съ нерѣшимостью.*

Отчасти непріятна!

ГРАФИНЯ — *съ удивленіемъ.*

Такъ вы не рады ей?

ВАЛУНИНЪ — *съ восторгомъ.*

И вмѣстѣ очень радъ!

ГРАФИНЯ.

Вы мучите меня, Валунинъ.

ВАЛУНИНЪ.

Виноватъ.

ГРАФИНЯ — *улыбаясь насмѣшливо.*

Послѣдній вамъ вопросъ: для службы?..

ВАЛУНИНЪ — *прерывая.*

Не для службы.

ГРАФИНЯ.

Что-жъ это?

ВАЛУНИНЪ.

Тайна!

ГРАФИНЯ.

А!..

ВАЛУНИНЪ.

Да.

ГРАФИНЯ — *съ неудовольствіемъ.*

Тайна!..

ВАЛУНИНЪ — *послѣ небольшого молчанія.*

Но изъ дружбы
Давнишней нашей вамъ я все сказать рѣшусь.

ГРАФИНЯ — *въ сторону.*

Узнать мнѣ хочется, а слушать я боюсь!

ВАЛУНИНЪ.

Носился слухъ, — и не безъ основанья...

III.

На лѣстницѣ раздается звонокъ и въ то же время у портьеры средней двери показывается князь Порѣцкій въ мундирѣ. По быстрому движенію, съ которымъ онъ открылъ портьеру, видно, что онъ бѣжалъ по лѣстницѣ и спѣшилъ войти къ графинѣ. Онъ на минуту останавливается у двери, смотря на графиню и Валунина, потомъ медленно подходитъ, кланяется графинѣ и даетъ Валунину руку.

КН. ПОРѢЦКІЙ — *Валунину.*

Васъ встрѣтить здѣсь я ожидалъ
И вижу, что мое сбылося ожиданье!
(Смотря на туалетъ графини.)
Графиня, кажется, вы ѣдете на балъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ВАЛУНИНЪ — *встаетъ.*

Простите насъ.

ГРАФИНЯ.

Садитесь.

ВАЛУНИНЪ — *садясь.*

Я не зналъ,
Что гдѣ нибудь сегодня есть собранье.

ГРАФИНЯ.

У князя Свирскаго танцуютъ.

ВАЛУНИНЪ.

Виноватъ:
Я только-что теперь замѣтилъ вашъ нарядъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Я дѣлаю совсѣмъ противное сознанье:
Прелестный туалетъ вашъ съ головы до ногъ
Я съ перваго замѣтилъ взгляду.

ВАЛУНИНЪ.

Графини красоты не видѣть я не могъ,
Но не отнесъ ее къ наряду.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Однако...

ГРАФИНЯ.

Этотъ споръ я разрѣшу сейчасъ.
Я вовсе не на балъ одѣлась, а для васъ.
(Послѣднія слова графиня сказала, не обращаясь ни къ Валунину, ни къ князю.)

КН. ПОРѢЦКІЙ—*кланяясь.*

Для насъ! Графиня!

ГРАФИНЯ.

Князь! надѣюсь, вы поймете,
Что вечеромъ гостей нельзя мнѣ принимать
Въ нарядѣ утреннемъ или въ ночномъ капотѣ.
Но впрочемъ, еслибъ мнѣ не вздумалось читать,
Я соблазнилась бы весельемъ шумнымъ бала.
(Смотритъ на Валунина.)
Я все была одна, и мнѣ такъ грустно стало!

ВАЛУНИНЪ.

А что читали вы?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Газеты иль романъ?

ГРАФИНЯ — *показывая книгу, которую читала.*

Вотъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ — *беретъ и смотритъ книгу.*

Объ уединеньи!.. Циммерманъ!..

БАЛУНИНЪ.

Въ немъ много юмора и много наблюденья.

ГРАФИНЯ.

На всѣ сердечные вопросы есть отвѣтъ—
(*Князю.*) Согласны вы со мною?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ.
И въ эту книгу я, какъ плодъ моихъ замѣтъ,
О женщинѣ одно включилъ бы размышленье:
Я вѣрю, что она свободна и одна—
Покуда свѣтскою толпой окружена.
Когда-жъ полюбится ей вдругъ уединенье
То это значитъ...

ГРАФИНЯ.

Влюблена?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Что одиночество не любитъ ужъ она.
Такъ точно вы...

ГРАФИНЯ.

Ужe готово примѣненье?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Все ждали, — сами вы сказали намъ сейчасъ, —

Чтобы скорѣй пришелъ къ вамъ кто-нибудь изъ насъ,
Не такъ ли?

ГРАФИНЯ — *съ неудовольствіемъ.*

Да; но...

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Но?..

ГРАФИНЯ.

Я васъ не ожидала.
(Князь Порѣцкій встаетъ.)

ГРАФИНЯ — *учтиво.*

Я думала ко мнѣ пріѣдете вы съ бала.
(Князь садится.)

ГРАФИНЯ — *въ сторону.*

Все видитъ.

ВАЛУНИНЪ.

Надобно въ деревнѣ намъ пожить,
Чтобъ одиночество узнать и полюбить.
Природа надо мной имѣетъ столько власти,
Что ей подчинены и мысль моя, и страсти.
Мы дружны съ ней. Она угрюма — мраченъ я.
Заблещетъ солнышко — свѣтлѣй душа моя.
Гуляя по лѣсамъ и по лугамъ цвѣтистымъ,
Я къ одиночеству спокойному привыкъ.
Я началъ понимать умомъ и сердцемъ чистымъ
Природы образный, загадочный языкъ.
Лучъ солнца, ночи тьма, дыханіе растенья,
Немолчный звукъ волны, въ вѣтвяхъ шумящій листъ,
Душистый вѣтерокъ и бури грозный свистъ —

Полны глубокаго и тайнаго значенья.
Но, къ созерцанію свой разумъ пріучивъ,
Мнѣ кажется, я сталъ и дикъ, и молчаливъ.
(*Графинѣ*). Бывало, съ вами я любилъ вести бесѣду.
Вы помните, когда тоска мнѣ давитъ грудь,
Чтобы утѣшиться и сердцемъ отдохнуть,
Я отъ себя бѣгу и къ вамъ, графиня, ѣду.
И вотъ, межъ насъ борьба надеждъ, сомнѣній, думъ!
Мой горькій опытъ, ваши грезы,
Мой здравый смыслъ, вашъ гибкій умъ,
Веселость, злость, улыбка, слезы,
Согласіе въ одномъ, въ другомъ упорный споръ...
И долго за полночь идетъ нашъ разговоръ.
Одно сравненіе здѣсь можетъ быть на мѣстѣ:
Съ природой заодно настроивъ мысль мою,
Я одногласный съ ней хоралъ иль гимнъ пою.
Когда-жъ бесѣдую я съ вами вмѣстѣ,
Мы составляемъ...

КН. ПОРЕЦКІЙ—*прерывая.*

Что: чувствительный романсъ?

ВАЛУНИНЪ—*встаетъ и обращаясь къ графинѣ.*

Для васъ я не ищу такихъ подобій скудныхъ...
Аккорды полные иль звучный диссонансъ
Бетховена симфоній чудныхъ!

КН. ПОРЕЦКІЙ—*занимая мѣсто Валунина подлѣ графини и обращаясь къ ней съ улыбкой, показывая на Валунина.*

Поэтъ!

ВАЛУНИНЪ—*садясь на мѣсто князя.*

Я за собой еще не зналъ того.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Васъ посѣтило вдохновенье.

ВАЛУНИНЪ.

За вѣрность моего сравненья
Графиня мнѣ проститъ всю чопорность его.

ГРАФИНЯ.

Вы мнѣ напомнили такъ живо все, что было...
Дни нашихъ дружескихъ бесѣдъ...
Ахъ!..

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Что пройдетъ, то будетъ мило.
(*Вполголоса.*) Но что прошло, того ужъ нѣтъ.
Горюя съ вами такъ о дорогой утратѣ,
Къ извѣстному стиху прибавилъ свой я кстати.

(*Молчаніе. Графиня и Валунинъ въ задумчивости. Князь смотритъ на обоихъ.*)

КН. ПОРѢЦКІЙ—*смѣясь.*

Мы веселы, какъ на похоронахъ.
Молчимъ. Сосѣдъ глядитъ печально на сосѣда,
(*Смотритъ на Валунина.*)
Съ улыбкой горькою... (*на графиню*), съ слезами на глазахъ.
Молчанье я прерву. Я прямо отъ обѣда.

ГРАФИНЯ.

Кто былъ тамъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Между прочими была
Княжна Алина... Какъ похорошѣла, Боже!

ВАЛУНИНЪ.

Она была всегда мила,
Но лучше стала, я замѣтилъ это тоже.

Графиня смотритъ со вниманіемъ на Валунина.

КН. ПОРѢЦКІЙ — *графинѣ, показывая на Валунина.*

Мы у княгини встрѣтились вчера.
Вѣдь ей — то-есть княжнѣ — ей замужъ вѣдь пора!
Но впрочемъ дѣло не въ княжнѣ Алинѣ.
Всѣ за обѣдомъ, всѣ — при мнѣ твердили вслухъ,
Что будто я хочу жениться на графинѣ...

ГРАФИНЯ.

Какъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Мнѣ понятенъ вашъ испугъ.
Всегда на выдумки скора людская злоба, —
Но, видно, подали къ тому мы поводъ оба!

ГРАФИНЯ.

Что-жъ отвѣчали вы?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Я болѣе молчалъ.

ГРАФИНЯ.

Молчали? Это не довольно!

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Разъ, впрочемъ, мнѣ сказать случилося невольно,
И — тоже вслухъ, что я... всегда о томъ мечталъ.

Вѣдь это истина, и я не лицемѣрилъ·
А если бы солгалъ, никто-бъ мнѣ не повѣрилъ.
За что-жъ вы сердитесь?

ГРАФИНЯ.

Я не сержусь.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Такъ дайте руку мнѣ. Я васъ прошу!
(Графиня даетъ ему руку нехотя. Онъ ее цѣлуетъ.)
Клянусь,
Когда не сердитесь, вы во сто разъ прелестнѣй!..

ГРАФИНЯ—*отнимая руку.*

Но нѣтъ ли новости другой?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Поинтереснѣй?
Какую-жъ новость мнѣ сказать бы вамъ! Ахъ, да.
Нарочно для нея пріѣхалъ я сюда.
Сегодня вечеръ вашъ. Народу будетъ много,
Хоть балъ есть въ городѣ. Внимательно и строго
За вашими гостьми старайтесь наблюдать.

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Я важную вамъ новость объявляю:
Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума.

ГРАФИНЯ.

Кто-жъ это?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Знаю,
Но не скажу,—и отгадать
Обоимъ вамъ предоставляю.

ВАЛУНИНЪ.

Задача намъ!

ГРАФИНЯ.

Меня перепугали вы.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Онъ очень скроменъ, тихъ и смиренъ, но—увы!
(Показываетъ на голову.)

ВАЛУНИНЪ.

Совсѣмъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Неизлѣчимъ.

ГРАФИНЯ.

Давно?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Весьма недавно.
И сумасшествіе не странно, но забавно.
(Встаетъ и смотритъ на часы.)
Прощайте; мнѣ пора на балъ.
Племянника я въ свѣтъ ввожу и представляю,
И безъ меня, бѣднижка, онъ пропалъ,
Коли на помощь опоздаю.

ВАЛУНИНЪ.

А заданный вопросъ?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Назадъ я поспѣшу,—
И если не рѣшенъ, то я вамъ разрѣшу.
(*Уходитъ.*)

IV.

Графиня встаетъ и подходитъ къ чайному столу.

ВАЛУНИНЪ.

Вотъ и занятье есть вамъ сверхъ обыкновенья.

ГРАФИНЯ.

Объ обществѣ сейчасъ я думала сама.
Какое грустное, однако, положенье!
Чтобъ намъ доставить развлеченье,
Обязанъ кто-нибудь для насъ сойти съ ума.
Оставимъ это. Я желаю продолженья
Разсказа вашего.

(*Начинаетъ разливать чай. Валунинъ садится возлѣ нея*).

ВАЛУНИНЪ.

Извольте. Есть ужъ годъ
Тому, какъ въ Петербургѣ слухъ носился,
Что... (*На лѣстницѣ звонятъ.*)
Исповѣдь опять прервать я долженъ. Вотъ
Одинъ изъ сумасшедшихъ къ вамъ явился.

V.

Входитъ баронъ фонъ Блуменбахъ. Онъ въ бѣломъ галстукѣ. Лицо его озабочено, взглядъ презрителенъ, манеры высокомѣрны. Онъ подходитъ къ графинѣ, молча жметъ ей руку и киваетъ головой Валунину.

ГРАФИНЯ.

Что̀ новаго?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Ничего!

Сегодня вы скромны. (*Молчаніе.*)

Хотите чаю?

Б. БЛУМЕНБАХЪ — *садится.*

Пожалуй.

ГРАФИНЯ — *наливая ему чаю.*

Вы не въ духѣ. Отчего?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Что-жъ вы знаете?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Не знаю.

ГРАФИНЯ.

Ужель не знаете, что не любезны вы?
Сегодня вечеромъ, со мной, по крайней мѣрѣ.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Я?

ГРАФИНЯ.

Не вскружили-бъ мнѣ вы прежде головы,
Не сожалѣла бы теперь я о потерѣ
Любезности всегда пріятной мнѣ, баронъ.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Я недоволенъ самъ собою,
А больше, чѣмъ собой, докучливой судьбою.

ГРАФИНЯ.

За что?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

За то, что я на этотъ свѣтъ рожденъ,
Къ несчастію, подъ столь счастливою звѣздою.

ГРАФИНЯ.

Не понимаю васъ.

Б. БЛУМЕНБАХЪ—*послѣ небольшого молчанія.*

Вся жизнь моя есть сонъ,
Исполненный любовныхъ приключеній...
Вездѣ мнѣ слышатся признанья и мольбы,
Вездѣ разставлены мнѣ сѣти искушеній!..

ГРАФИНЯ.

Вы правы. Вамъ нельзя не проклинать судьбы,
И на нее, баронъ, сердиты вы за дѣло.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Нѣтъ, не шутя, мнѣ жизнь такая надоѣла.
Я—женщинъ вѣчный рабъ. Свободы ни на мигъ!
Мнѣ кажется, по мнѣнью ихъ,
Мои способности такъ низки,
Что созданъ для одной я съ ними переписки!
Я, утро каждое едва глаза открывъ,
Читаю письма... что-жъ! вѣдь отвѣчать обязанъ!
Ну, словомъ, по рукамъ и по ногамъ я связанъ!
(*Вынимаетъ изъ кармана письмо.*)
Сейчасъ я получилъ отвѣтъ на мой разрывъ.
(*Обращаясь къ графинѣ и Валунину.*)
Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было.
(*Показываетъ письмо.*)

Слезъ больше, нежели чернила!
Прислала не письмо, а носовой платокъ!
Все заученое! упреки, клятвы тѣ же...

(Вынимаетъ изъ кармана цвѣтокъ).

А вотъ вамъ свѣженькій цвѣтокъ изъ ручки свѣжей
Дѣвицы свѣженькой, свѣжѣе, чѣмъ цвѣтокъ!
(Графинѣ.) Вы эту знаете дѣвицу.
Онъ стоитъ, чтобъ его заткнуть въ мою петлицу.

(Затыкаетъ его въ петлицу и встаетъ.)

Мнѣ очень жаль ее! На ней я не женюсь...
Женитьбы, какъ цѣпей желѣзныхъ, я боюсь!
Зато охотницы до титла баронесы
Произвели меня въ опасные повѣсы,
Въ угоду маменькамъ и тетушкамъ своимъ...

(На лѣстницѣ слышенъ звонокъ.)

Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было!..

VI.

(Скуратовъ, въ бѣломъ галстукѣ, идетъ, скользя по полу, прямо къ графинѣ.)

СКУРАТОВЪ.

Позвольте ручку мнѣ. *(Цѣлуетъ у графини руку.)*
Видь я — ancien régime!
Обыкновенье мнѣ это очень мило. *(Кланяется другимъ.)*
Баронъ! Monsieur Балунинъ! Какъ я радъ!
Вы къ намъ откудова?

БАЛУНИНЪ.

Я прямо изъ деревни.

СКУРАПОВЪ.

Я зналъ, я зналъ, что вы пріѣдете назадъ,
Что вамъ наскучатъ бытъ и мѣстности губерній.

VII.

На лѣстницѣ звонятъ. Входитъ Колязинъ. Онъ во фракѣ съ чернымъ, небрежно повязаннымъ галстукомъ, въ черномъ же жилетѣ и безъ перчатокъ. Его походка лѣнива и небрежна; волосы не причесаны. Онъ едва кланяется графинѣ и прочимъ.

КОЛЯЗИНЪ.

Я, отобѣдавши въ компаніи мужчинъ,
Отправился въ театръ; другихъ вѣдь нѣтъ причинъ
Смотрѣть на авторовъ и на актеровъ русскихъ,
Какъ отдыхъ послѣ винъ и трюфелей французскихъ.
Комедію въ стихахъ давали; не слыхалъ!
Я, убаюканный стихами, задремалъ,—
Но вдругъ встревоженъ былъ куплетомъ водевильнымъ,
Одобреннымъ въ райкѣ рукоплесканьемъ сильнымъ;
Потомъ разбуженъ былъ въ другой и въ третій разъ...
И потому прошу, графиня, позволенья
Въ спокойной тишинѣ докончить мнѣ у васъ
Послѣобѣденный процессъ отдохновенья.
(Садится въ кресло, возлѣ камина.)

ГРАФИНЯ.

Какъ вы учтивы!

КОЛЯЗИНЪ.

Я? сегодня какъ всегда!..
(Протягиваетъ ноги и разваливается въ креслахъ.)

VIII.

Звонятъ. Входитъ Леденцовъ, офицеръ. Его движенія быстры, но не рѣзки и довольно порядочны: онъ раскланивается съ большой ловкостью. На его лицѣ постоянная улыбка, весьма значительная и отчасти таинственная.

ГРАФИНЯ — *Леденцову.*

Вы не на балѣ?

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Я хочу отъ васъ туда.
Какая оттепель! Идетъ и дождикъ даже!
Когда по Невскому сегодня я гулялъ,
То съ моря вѣтеръ предсказалъ.

СКУРАПОВЪ.

Я герметически закрытъ былъ въ экипажѣ.
Пѣшкомъ же не люблю ходить. Изъ-за чего
Таскаться буду я, какъ пилигримъ, по свѣту?
Даны намъ ноги для того,
Чтобы влѣзать удобнѣе въ карету.
(Леденцовъ хохочетъ. Всѣ на него оборачиваются.)

КОЛЯЗИНЪ — *Скурапову.*

Что, поваръ вашъ каковъ?

СКУРАПОВЪ.

Я недоволенъ имъ.
Вѣдь я и въ кушаньяхъ держусь ancien régime.

IX.

Звонятъ. Входитъ графъ Касимовъ, въ бѣломъ галстукѣ. Онъ держится прямо и чопорно. Одѣтъ очень хорошо. Его платье совершенно англійскаго покроя. У него особенно замѣчателенъ тщательный проборъ на головѣ, который продолжается и на затылкѣ.

ГРАФЪ КАСИМОВЪ—*кланяясь графинѣ.*

Я съ бала.

ГРАФИНЯ.

Кто тамъ есть?

ГР. КАСИМОВЪ.

Баловъ царицы нѣту,
И вы замѣтны тамъ отсутствіемъ своимъ.
А впрочемъ съ роскошью, со вкусомъ всѣ одѣты;
Народу тьма. Оркестръ хорошъ. Свѣтло какъ днемъ.
Я осмотрѣлъ въ лорнетъ людей и туалеты,
Потомъ поговорилъ кой съ кѣмъ и кой о чемъ.

ГРАФИНЯ.

Садитесь.

(Гр. Касимовъ садится у чайнаго стола.)

КОЛЯЗИНЪ.

Я забылъ, какъ носятъ галстукъ бѣлый.
Для бала юноша я сталъ ужъ слишкомъ зрѣлый.
Чтобъ танцы посмотрѣть,—на то у насъ балетъ.

(*Обращаясь къ графинѣ.*)

И вы найдете тамъ, чего на балѣ нѣтъ.

(Леденцовъ хохочетъ. Всѣ на него смотрятъ.)

ВАЛУНИНЪ — *который въ это время подошелъ къ столу съ книгами и разсматривалъ ихъ, подходитъ къ графинѣ и, будто показывая ей книгу, говоритъ вполголоса.*

Графиня, мнѣнія покуда вы какого?

ГРАФИНЯ.

Въ пріемахъ странность есть у двухъ.

(Показываетъ глазами на Скурлова и Колязина.)

ВАЛУНИНЪ.

Да.

ГРАФИНЯ.

Блуменбахъ

Мнѣ страннымъ кажется въ пріемахъ и въ словахъ.

Страннѣе же всего мнѣ хохотъ Леденцова.

ГР. КАСИМОВЪ.

Валунинъ, можно мнѣ отвлечь васъ на два слова.

(Валунинъ обращается къ нему.)

Вы много ѣздили?

ВАЛУНИНЪ.

И въ разныхъ былъ мѣстахъ.

ГР. КАСИМОВЪ.

Съ собой не привезли вы путевыхъ замѣтокъ?

ВАЛУНИНЪ.

Нѣтъ.

ГР. КАСИМОВЪ.

Очень жаль. Вашъ умъ остеръ и взглядъ вашъ мѣтокъ.
Вѣдь вамъ случалось быть проѣздомъ въ городахъ
И селахъ... потому къ вамъ обращусь съ вопросомъ:
Видали-ль вы вблизи, иль хоть издалека,
Рыжеволосаго, большого мужика,
Лѣтъ тридцати-пяти, худого, съ длиннымъ носомъ,
Чтобъ былъ онъ съ виду глупъ, неловокъ и лѣнивъ,
А въ обращеньи грубъ, суровъ и молчаливъ?

ВАЛУНИНЪ—*смотритъ на него съ удивленіемъ.*

Не помню. Можетъ быть.

ГР. КАСИМОВЪ.

Неправда! Быть не можетъ!
Простите мнѣ, я неучтивъ...
Но это фактъ; и онъ давно меня тревожитъ.
Такихъ не встрѣтите у насъ, ручаюсь я!
Россія, слова нѣтъ, богата и пространна!
Но я вездѣ искалъ—нигдѣ найти нельзя!

ВАЛУНИНЪ—*улыбаясь, обращается къ графинѣ.*

Графиня!..

ГР. КАСИМОВЪ.

Вамъ смѣшно! а мнѣ смѣшно и странно!

ГРАФИНЯ.

Но объясните мнѣ...

ГР. КАСИМОВЪ.

Я вамъ сейчасъ скажу.
Не знаю, какъ вы всѣ, а я такъ нахожу,

Что лучше англичанъ на свѣтѣ нѣтъ народа.
Какъ много съ помощью ихъ зрѣлаго ума
Изобрѣли для насъ иль комфортъ, или мода!
Я фабрикъ англійскихъ на всемъ ищу клейма;
И если есть—другой не надо мнѣ оцѣнки..
Типъ англичанина себѣ въ примѣръ избравъ,
Я изучилъ его пріемы, вкусъ и нравъ,
И даже прихотей малѣйшіе оттѣнки...
Но къ рыжему опять вернемся мужику.
Себѣ завесть пришла мнѣ въ голову затѣя
Изъ русскихъ мужиковъ британскаго жокея...

КОЛЯЗИНЪ.

Я вамъ совѣтую прибѣгнуть къ парику.

(Леденцовъ хохочетъ. Всѣ, не исключая гр. Касимова, оборачиваются и смотрятъ на него.)

ГР. КАСИМОВЪ.

Вотъ что рисуетъ мнѣ мое воображенье:
Карета парою гнѣдыхъ запряжена...
Положимъ мы, что къ вамъ подъѣхала она.
Я вышелъ. Кучеръ мой, на козлахъ, безъ движенья,—
Точь-въ-точь таковъ, какъ я сейчасъ вамъ описалъ,—
Сидитъ, на статую похожій.
Ему заранѣе я строго приказалъ,
Что если, упряжью моей прельстясь, прохожій
Узнать захочетъ: чья карета?—чтобъ молчалъ!
И если разсердясь, его онъ спроситъ снова
Чей экипажъ?—чтобы ни слова!
Онъ долженъ позабыть, что созданъ съ языкомъ.
Глядѣть на лошадей; слѣдить за ихъ ушами.
Ему позволено одно: моргать глазами
И съ важностью качать едва-едва бичомъ...

Нельзя-жъ изъ Англіи выписывать нарочно
Жокеевъ! Ѣздилъ я въ имѣніе къ себѣ:
Искалъ, искалъ, искалъ... и ни въ одной избѣ
Я не нашелъ такого точно!
А не забудьте вы — огромное село!
Нѣтъ, русскихъ вообще весьма странна природа!
Въ трехъ тысячахъ душахъ не могъ найти...

ВАЛУНИНЪ.

Урода?
Красавцы всѣ какъ будто бы на зло!

ГР. КАСИМОВЪ.

Какъ мнѣ отвѣтить вамъ? Вопросъ вашъ очень страненъ!
По вашему — уродъ; по мнѣ же — англичанинъ!
Ахъ, если можно бы родиться было вновь!
Зачѣмъ течетъ во мнѣ не англійская кровь?
Я это говорю свободно, здѣсь, межъ нами...
Что англичанъ люблю, а русскихъ не люблю,
Я этимъ никого изъ васъ не оскорблю?
Мы здѣсь не между мужиками!..

ВАЛУНИНЪ — *обращается къ графинѣ, съ сожалѣніемъ.*

Несчастный!

ГРАФИНЯ.

Это онъ. Какъ жаль! Въ такихъ лѣтахъ!

Б. БЛУМЕНБАХЪ — *гр. Касимову.*

Желанья вашего, я, графъ, не раздѣляю.

ГР. КАСИМОВЪ.

А почему же?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Я, баронъ фонъ-Блуменбахъ,
На англичанина себя не промѣняю.

СКУРАНОВЪ.

Гостиныхъ я люблю условный этикетъ;
Не тяготятъ меня приличій свѣтскихъ узы,
Но мнѣ плѣнительны не англичане,—нѣтъ!
Временъ Людовика Великаго французы!
Родился поздно я, но я—ancien régime;
Ancien régime въ душѣ, хоть не совсѣмъ снаружи.
Отъ черни насъ теперь не отличить никакъ!
Такъ я одѣтъ, и вашъ лакей одѣтъ не хуже...
Фи! промѣнять кафтанъ на этотъ пошлый фракъ!
Вы вспомните: кафтанъ французскаго покроя,
Весь облитъ золотомъ, изященъ и богатъ,
Суконный осенью, суконный же весною,
А лѣтомъ шелковый и бархатный зимою —
Для дворянина созданный нарядъ!
Безъ парадокса мы сейчасъ докажемъ,
Что цѣну намъ даетъ костюмъ.
Найдется-ль, напримѣръ, въ этой фразѣ умъ? (*Графинѣ.*)
«Что вы прелестнѣй всѣхъ» — мы всѣ вамъ это скажемъ.
Она, не правда ли, вамъ кажется пуста?
Не вникнувъ глубоко въ смыслъ, и я, быть можетъ, фразу
Почелъ бы глупой эту фразу.
Но обстановка ей дана совсѣмъ не та!
Мы безнаказанно сказать не можемъ нынѣ
Намекъ, иль остроту, иль шутку тѣхъ временъ.
Будь не во фракѣ я, а въ шитомъ, въ буклѣ, и графинѣ
Я показался бы пріятенъ и уменъ.
Графиня бы сама не такъ была одѣта. (*[illegible]*)
Тогда бъ съ почтительнымъ склоненьемъ головы

Я ей сказалъ: «Что вы прелестнѣй всѣхъ, мы это. .»
Или съ улыбкою лукавою: «Что вы...»
И шляпу здѣсь держа съ плюмажемъ:
«Что вы прелестнѣй всѣхъ — мы всѣ вамъ это скажемъ!»
Костюмированный, тому лѣтъ двадцать, былъ
У вашей тетушки на святкахъ балъ однажды.
По своему одѣлся вкусу каждый,
А я... я тѣхъ минутъ счастливыхъ не забылъ.
Явился я на балъ, наряженный маркизомъ!
Я былъ остеръ, уменъ, но какъ умны въ тотъ вѣкъ...
Я чувствовалъ впервой, что человѣкъ—
И, право, пораженъ былъ этакимъ сюрпризомъ!
Скажите мнѣ: чѣмъ сталъ теперь нашъ высшій свѣтъ?
Любезность древняя куда пропала?
Мы скучны, глупы! Что-жъ! Ужель ума въ насъ нѣтъ?
Или желанія любезнымъ быть?—нимало!..
Намъ просто кружевныхъ недостаетъ манжетъ!
Природа грубая искусствомъ не прикрыта;
Приличной маски нѣтъ и слабостямъ людскимъ...
Развратникомъ слыветъ невинный волокита,
И свѣтскій человѣкъ считается пустымъ...
Намъ лучше быть нельзя! И тѣ совсѣмъ не правы,
Которые хотятъ исправить наши нравы.
На внѣшности одной всегда вертѣлся міръ.
Все, кромѣ формы, вздоръ! Да, форма—мой кумиръ!
Съ тѣхъ поръ, какъ бросили французскіе кафтаны,
Мы не впередъ идемъ, а видимо—назадъ.
Быть можетъ, этому иной и очень радъ...
        Меня же не прельстятъ обманы,
Которыми богатъ вѣкъ нынѣшній... Богъ съ нимъ!
Я—вѣку стараго... я все—ancien régime.

ГРАФИНЯ — *Валунину.*

О, Боже! Кто-жъ изъ двухъ?

БАЛУНИНЪ — *пожимая плечами.*

Я, право, самъ не знаю.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Маркизомъ также быть я вовсе не желаю.
Затѣмъ, что я...

СКУРАНОВЪ.

Что вы — баронъ фонъ-Блуменбахъ.

(Баронъ кланяется въ знакъ согласія. Скурановъ отходитъ отъ него и, подходя къ камину, осматриваетъ вазы).

ЛЕДЕНЦОВЪ — *подходитъ къ графинѣ, смѣясь.*

Графиня, можно мнѣ просить васъ чашку чаю?

ГРАФИНЯ — *наливая чай, обращается къ Балунину.*

Всѣхъ больше на меня вотъ онъ наводитъ страхъ:
Въ улыбкѣ что-то есть и что-то есть въ глазахъ.

(Балунинъ смотритъ на Леденцова. Графиня даетъ Леденцову чашку, онъ кланяется, смѣясь, и отходитъ съ чашкой къ Скуранову, который смотритъ на фарфоровыя куколки).

СКУРАНОВЪ.

Какъ это хорошо!

ЛЕДЕНЦОВЪ.

И къ комнатѣ пристало!

СКУРАНОВЪ.

Вы знаете-ль вещамъ всѣ цѣнности?

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Напримѣръ?

СКУРАПОВЪ.

Вотъ вы давно ужъ офицеръ,
Учились многому и видѣли не мало...

(Леденцовъ уходитъ.)

Monsieur de Леденцовъ! позвольте васъ спросить...

(Леденцовъ возвращается.)

Вамъ по мгновенно кинутому взору,
Я думаю, не отличить
Саксонскаго отъ севрскаго фарфору?

(Показываетъ ему на одну фигурку. Леденцовъ смотритъ).

Скорѣе!

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Это—севрскій.

СКУРАПОВЪ.

Нѣтъ, не такъ-съ!
(Показывая на его чашку.) Вотъ это—севръ; а это—саксъ!

(Леденцовъ хохочетъ: всѣ на него смотрятъ.)

КОЛЯЗИНЪ—*послѣ небольшого молчанія.*

Я, философскому не предаваясь спору,
Скажу, не осуждая никого,
Что я—nouveau régime и даже très nouveau.
Минувшее во мнѣ участья не возбудитъ.
Мечтать о будущемъ? сны видѣть на яву!
Прошедшее прошло, а будущее будетъ...
Какая-жъ польза въ нихъ, коль я теперь живу?
Я вѣрю одному, и вы тому повѣрьте:

На краткомъ жизненномъ пути
Ужъ ничего, конечно, не найти
Намъ лучше жизни, хуже смерти.
Какъ человѣку, мнѣ міръ внѣшній данъ въ удѣлъ;
И я кладу желаніямъ предѣлъ:
Я ѣмъ, я пью, я сплю: вотъ въ чемъ моя отрада,
Мнѣ больше ничего не надо!

ГРАФИНЯ.

И не мечтаете вы больше ни о чемъ?

КОЛЯЗИНЪ.

Случалось иногда, забывшись передъ сномъ,
Воображать, что я, какъ въ сказкѣ иль въ романѣ,
Красивъ какъ день, уменъ какъ бѣсъ, и что при томъ
Ношу Австралію въ одномъ карманѣ,
А Калифорнію—въ другомъ.

ГРАФИНЯ.

Какая мысль—хочу я знать—оставимъ шутки!—
Вамъ больше по сердцу?

КОЛЯЗИНЪ.

Мысль о желудкѣ!

ГРАФИНЯ.

Я вамъ повѣрить не могу.

КОЛЯЗИНЪ.

Какъ вамъ угодно! Я не лгу.

ГРАФИНЯ.

Такъ сердца нѣтъ у васъ!

КОЛЯЗИНЪ.

Быть можетъ.

ГРАФИНЯ.

А разсудокъ
Что̀ занимаетъ вашъ?

КОЛЯЗИНЪ.

Желудокъ!
Желаю умереть передъ большимъ столомъ,
Бутылками и блюдами покрытымъ.
Мнѣ легче кажется заснуть послѣднимъ сномъ
Съ желудкомъ сытымъ.

ГРАФИНЯ — *Валунину.*

Онъ страшенъ! (*Колязину.*)
Можно ли прожить вамъ не любя?

КОЛЯЗИНЪ — *подумавъ.*

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ вы любите кого-нибудь?

КОЛЯЗИНЪ.

Себя!

ГРАФИНЯ.

Вамъ не понять, съ такой безстрастною душою,
Что̀ значитъ за другихъ пожертвовать собою!

КОЛЯЗИНЪ.

Мнѣ жизнью жертвовать? Вѣдь Богъ мнѣ далъ одну!
(*Леденцовъ хохочетъ*).
Вотъ Леденцовъ! готовъ хоть тотчасъ на войну!
Мечомъ онъ препояшетъ чресла,

Надвинетъ на чело тяжеловѣсный шлемъ... (*Потягивается.*)
Но съ эластическаго кресла
Вамъ не поднять меня ничѣмъ!

ГРАФИНЯ.

Вы съ виду человѣкъ, какъ всѣ мы... между тѣмъ...

КОЛЯЗИНЪ — *перебивая.*

А если люди мы — напрасная забота
Теряться въ выспреннихъ, несбыточныхъ мечтахъ!
У насъ даръ слова есть и пальцы на рукахъ —
А вы въ насъ ищете присутствія чего-то...
Мы люди, — вотъ и все.

ГРАФИНЯ — *Валунину.*

Скажите же, на комъ
Остановиться? Всѣ здѣсь, кажется, ошибкой.
Мой домъ покуда былъ не сумасшедшихъ домъ.
(*Леонидовъ подходитъ, смѣясь, къ графинѣ.*)
А этотъ съ вѣчною таинственной улыбкой
Подходитъ къ намъ, ко мнѣ...
(*Леонидовъ стоитъ позади графини; она оборачивается и смотритъ на него; онъ смѣется молча.*)
Вѣдь онъ вооруженъ!
Подвинусь ближе къ вамъ. (*Подвигается къ Валунину.*)

ВАЛУНИНЪ — *смѣясь.*

Совсѣмъ не страшенъ онъ!

ГРАФИНЯ.

Вы на него взгляните въ профиль:
Онъ страшенъ, какъ Бертрамъ или Мефистофель!
(*Леонидовъ отходитъ отъ графини.*)

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

А я все остаюсь при мнѣніи моемъ.
Съ желудкомъ предурнымъ, безъ рыжаго жокея,
Ничуть о временахъ маркизовъ не жалѣя,
Я счастливъ. Господа! Я убѣдился въ томъ,
Что личность намъ даетъ значенье, вѣсъ и цѣну.
Куда я ни явлюсь и что̀ я ни надѣну,
Безъ орденовъ иль въ орденахъ,
Я все баронъ фонъ-Блуменбахъ!
Быть можетъ, женщины меня избаловали...
Безъ шутокъ! чтобъ любви моей противостать
Изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ найдется кто едва ли!

ГРАФИНЯ.

Какъ?..

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Съ вами не хочу закладъ большой держать.

ГРАФИНЯ.

Боитесь?

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Да, боюсь... чтобъ вы не проиграли.

ГРАФИНЯ.

Вы дерзки.

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Виноватъ, графиня, виноватъ!
Но слова своего я не возьму назадъ.

ГРАФИНЯ — *Валунину.*

Что онъ съ ума сошелъ—нельзя и сомнѣваться...
(Показывая на Скурапова, гр. Касимова Колязина и Леденцова.)
А впрочемъ вѣдь и онъ, и онъ, и онъ...

ВАЛУНИНЪ — *улыбаясь иронически*

Такъ всѣ?

ГРАФИНЯ

Приходится намъ разрѣшить стараться,
Не кто сошелъ съ ума, а кто изъ нихъ уменъ.

КОЛЯЗИНЪ.

Курить мнѣ хочется. Графиня, разрѣшите
Сигару закурить предъ этимъ камелькомъ.

ГРАФИНЯ.

Какія глупости! Вы гадкимъ табакомъ
Меня, и комнату, и мебель закоптите.

КОЛЯЗИНЪ.

Но вы не знаете моихъ сигаръ. Нельзя-ль?
Я этакихъ курить не смѣю очень часто:
По тридцати рублей приходится мнѣ за сто.
Нельзя-ль?

ГРАФИНЯ.

Нельзя.

КОЛЯЗИНЪ.

Мнѣ очень жаль. (*Встаетъ.*)
Прощайте, ухожу. Въ другомъ мнѣ можно мѣстѣ
(*Вынимаетъ сигару*).
Хоть эти покурить по тридцати за двѣсти.

ВАЛУНИНЪ — *Колязину.*

Желая вамъ кой-что сказать, я васъ прошу
Остаться. Сдѣлайте мнѣ это одолженье.
(*Колязинъ опять садится на свое мѣсто.*)

ВАЛУНИНЪ—*обращаясь къ Леденцову.*

Сейчасъ различныя сказалъ намъ каждый мнѣнья,—
Что́ вы намъ скажете? я васъ теперь спрошу.

ЛЕДЕНЦОВЪ.

Я съ общимъ мнѣніемъ согласенъ!

ВАЛУНИНЪ—*графинѣ.*

Не бойтесь. Видите, онъ вовсе не опасенъ.

ЛЕДЕНЦОВЪ—*Валунину.*

А вы?

ВАЛУНИНЪ.

Я?.. продолжать я буду тотъ разсказъ,
Который началъ вамъ, графиня, по секрету;
Но тайну разрѣшить насталъ урочный часъ.
(*Обращаясь ко всѣмъ.*)
Я вамъ ее скажу, а вы скажите свѣту.
При случаѣ другомъ, когда-нибудь я самъ,
Проникнутый святымъ, таинственнымъ призваньемъ,
Себя и мысль свою на общій судъ отдамъ
Предъ многочисленнымъ, торжественнымъ собраньемъ.
Молва правдивая здѣсь обо мнѣ прошла,
Что мизантропіи я чувствовалъ припадки...
Да! мнѣ представились и люди, и дѣла
Такъ отвратительны, безсовѣстны и гадки;
Такъ много видѣлъ я и подлости, и зла;
Добра и честности такъ мало, къ сожалѣнью,
Что дольше вынести страданія не могъ
И бросился искать безлюдный уголокъ,
Чтобъ жить пустынникомъ въ глуши уединенья.
Природу полюбивъ восторженной душой,
Въ деревнѣ я нашелъ отраду и покой.
Людей позабывать я началъ понемногу,

И часто повторялъ: одинъ я! слава Богу!
Такъ проходили дни сначала; но потомъ
Не могъ я совладать съ озлобленнымъ умомъ:
И только лишь одинъ запрусь я въ кабинетѣ,
Припоминаю всѣхъ друзей, враговъ моихъ
И вижу я равно какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ...
Людей, такихъ людей.. какъ люди всѣ на свѣтѣ!
Къ несчастью, былъ со мной въ деревнѣ Ювеналъ.
Ядъ злыхъ своихъ сатиръ онъ въ душу мнѣ вливалъ.
Межъ временемъ его и нашимъ — много связи.
Снаружи наша жизнь какъ будто бы свѣтлѣй.
А въ сущности и въ ней —
Не меньше грязи!
Нашъ христіанскій міръ съ безсмертною душой,
Признавъ владычество животнаго влеченья,
Какъ міръ языческій, въ безсмысленный покой
Лѣниво погруженъ отъ сна и пресыщенья!
Такъ въ размышленіяхъ о жизни, о судьбѣ,
Мечтою вѣрною я рисовалъ себѣ
Всю человѣчества печальную картину
И, грустно томимъ, открыть старался я,
Извѣдавъ тайный смыслъ законовъ бытія,
Его паденія причину!
И чудной мыслью однажды вдохновленъ,
Я слышалъ голосъ... Свѣтъ мнѣ въ душу пролилъ онъ!
Тотъ голосъ знакомъ былъ небеснаго призванья!
И пробудилъ во мнѣ душевныхъ силъ сознанье!
Я слышу и теперь его святой призывъ:
«Ты, чести мученикъ! иди, за мною слѣдуй!
И грусть безплодную отнынѣ позабывъ,
Развратнымъ людямъ честь и правду проповѣдуй!
Великъ, великъ тебѣ судьбою данъ удѣлъ!
Читая предъ людьми ихъ скрытыхъ думъ и дѣлъ
Изобличительную повѣсть.

Яви на бѣлый свѣтъ, что жадно кроетъ тьма...
И будь общественная совѣсть!»

ГРАФИНЯ—*которая все время слушала его съ возрастающимъ безпокойствомъ, закрываетъ платкомъ глаза.*

Онъ!..

КОЛЯЗИНЪ—*пожимая плечами.*

Сумасшедшій!

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Да!

СКУРАПОВЪ.

Сошелъ съ ума!

ГР. КАСИМОВЪ.

Съ ума
Сошелъ!

(*Леденцовъ остается въ положеніи человѣка удивленнаго, но молчитъ. Въ продолженіе монолога всѣ слушатели не разъ взглядывали другъ на друга съ удивленіемъ и перемигивались между собою. Графиня плачетъ, желая скрыть отъ Валунина и отъ другихъ свои слезы.*)

ВАЛУНИНЪ.

Невольникъ моего призванья,
Я здѣсь! и что-жъ? Кого я вижу предъ собой?
Ужели посланъ я разгнѣванной судьбой,
Чтобъ изливать свое негодованье
На всѣ безцвѣтныя, хоть пестрыя собранья,
Гдѣ васъ встрѣчаю я толпой?

Гдѣ такъ довольны всѣ, такъ счастливы, такъ рады!
И взапуски трудясь,—какъ будто изъ награды,—
И юноши, и старички
Безъ картъ играютъ въ дурачки!
Мы—великаны, иль пигмеи—
На свѣтѣ для того и мыслимъ, и живемъ,
Чтобъ нашимъ выражать лицомъ
Осуществленіе какой-нибудь идеи.
По росту вашему пришлась идея та,
Которую зовемъ мы просто: пустота.
Въ числѣ другихъ на васъ палъ выборъ Провидѣнья,
Чтобъ сдѣлать вѣрное ея изображенье.
Оно естественно! но, признаюсь, не разъ
Вотъ мысль меня какая занимала:
Къ чему такъ много васъ,
Чтобъ выразить такъ мало?
И святочный маркизъ...

(Скуратовъ бросаетъ дерзкій взглядъ на Валунина.)

И жалкій англоманъ...

(Гр. Касимовъ отворачивается, потрепывая эспаньолку.)

И грубая каррикатура
На древнихъ мудрецовъ изъ школы Эпикура...

(Колязинъ улыбается иронически, кивая головой.)

И театральный Донъ-Жуанъ..

(Н. Бармецкій вскакиваетъ со стула.)

И... *(Леленька уходитъ.)*
Подождите, я портретъ вашъ обрисую.

ПЕЛЕНИНОВЪ — *смотря на часы.*

Но я, но мнѣ... нельзя! мазурку я танцую!

(Уходитъ.)

X.

ВАЛУНИНЪ—*продолжая.*

Вамъ изъ среды себя избрать бы одного,
Чтобъ вывѣску носить: ничто и ничего!

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Сначала я смотрѣлъ на васъ какъ на забаву,
Но дерзокъ черезчуръ вашъ неприличный тонъ!

ВАЛУНИНЪ.

Среди пустыхъ людей безспорно вамъ по праву
Почетъ и первенство принадлежатъ, баронъ.

ГРАФИНЯ—*обращаясь къ Валунину.*

Валунинъ я прошу...

ВАЛУНИНЪ.

Графиня!..

ГРАФИНЯ.

Умоляю
Весь этотъ разговоръ, Валунинъ, прекратить.

ВАЛУНИНЪ.

Но я вѣдь говорю не то, что́ я желаю,
А то, что̀ долженъ говорить!
И смѣю-ль я хранить спокойное молчанье,
Когда... вы слышали наивное признанье,
Какъ русскій человѣкъ, какъ русскій дворянинъ,
Пылая къ Англіи непобѣдимой страстью
И къ намъ перенеся свой чужеземный сплинъ,
Осмѣлился жалѣть, что русскій онъ, къ несчастью!
Такихъ не мало васъ! Храня пристойный видъ,

Кто поумнѣй — зоветъ себя космополитъ.
Я иначе людей подобныхъ называю...
Космополиты — вы?.. Прочь громкія слова!
Всегда я презиралъ и нынѣ презираю
Бродягъ, непомнящихъ родства!

XI.

Князь Портянкинъ уходитъ и останавливается позади сцены. Графиня съ умоляющимъ взоромъ беретъ Валунина за руку.

ВАЛУНИНЪ.

Я связанъ мнѣ ниспосланнымъ призваньемъ!
Не только ихъ, — весь свѣтъ въ порокахъ уличу!
(Показывая на себя.)
Нѣтъ, совѣсть не должна молчать! Я замолчу —
Съ послѣднимъ издыханьемъ!
Пока довольно съ васъ! Пойду другихъ искать...
Найду я болѣе виновныхъ!
И срамомъ поражу умѣвшихъ убѣжать
Отъ наказаній уголовныхъ!
(Хочетъ уйти и встрѣчаетъ князя.)
А! Кстати вамъ пришлось опять сюда придти
Не вы-ль сошли съ ума? *(Осматриваетъ его.)*
Но заключить объ этомъ
Нельзя ни по глазамъ, ни по другимъ примѣтамъ...
Нѣтъ, сумасшедшихъ вамъ въ гостиныхъ не найти!
Ищите ихъ по кабинетамъ!
(Опять собирается уйти, потомъ останавливается и, послѣ небольшаго молчанія, подходитъ къ графинѣ.)
Графиня, вамъ теперь скажу я слова два
Любя васъ дружески, но нѣжно и глубоко.

Я васъ спасти хочу, открывъ вамъ три порока
У васъ. Вы молоды, прелестны и вдова,
Примите дружеское слово:
Идите за́мужъ; мужа вамъ нельзя
Найти хорошаго; такихъ не знаю я!
Возьмите менѣе дурного!

(*Цѣлуетъ у нея руку, кланяется весьмъ довольно почтительно и уходитъ.*)

XII

КОЛЯЗИНЪ — *хохочетъ*.

Общественная совѣсть! вздоръ какой!
А умнымъ человѣкомъ здѣсь считался!

Б. БЛУМЕНБАХЪ.

Чтобъ не остаться вамъ съ помѣшаннымъ одной,
Я только потому, графиня, здѣсь остался.

ГР. КАСИМОВЪ.

А мнѣ такъ жаль его!

СКУРАНОВЪ.

Что̀ за надменный видъ!

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Какъ Чацкій хочетъ онъ давать уроки свѣту...
Что-жъ! пусть его! Что̀ намъ безумный говоритъ —
Не надо принимать за чистую монету.

(*Графиня, закрывъ лицо, облокачивается на столъ.*)

Что̀ съ вами?

ГРАФИНЯ.

Кажется, и я съ ума сойду...
Я такъ разстроена!..

КН. ПОРѢЦКІЙ — *обращаясь къ прочимъ.*

Уйдемъ.

ГРАФИНЯ.

Не уходите.
Но дайте отдохнуть одной мнѣ... (*Всѣ уходятъ.*)
Извините!..
Мы будемъ ужинать... Я къ вамъ сейчасъ приду...

XIII.

Всѣ уходятъ направо. Князь Порѣцкій, уходя, смотритъ на графиню, она дѣлаетъ ему знакъ, чтобъ воротился. Онъ возвращается.

ГРАФИНЯ — *послѣ небольшаго молчанія.*

Какъ непростительно, князь, ваше поведенье!
Какъ зло съ Вадунинымъ, со мною...

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Почему?

ГРАФИНЯ.

Вы были, князь, во мнѣ безъ уваженья,
Безъ сожалѣнья — къ нему!

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Прощенье вымолю я искреннимъ сознаньемъ,
Во-первыхъ, что не знаю вѣрно я, на чемъ
Помѣшанъ онъ. Вчера я только видѣлъ въ немъ
Наклонность къ странностямъ и пасмурнымъ мечтаньемъ.

Онъ говорилъ съ княжной Алиной; вѣдь княжна,
Какъ говорятъ, въ него давно ужъ влюблена.
Онъ ей сказалъ при мнѣ, что *никого* не любитъ;
Что участь высшая въ удѣлъ дана ему;
Что страстію земной—души онъ не погубитъ
И сердца чистаго не ввѣритъ никому.
А во-вторыхъ... при мнѣ,—случайно иль нарочно,—
И прежде, и теперь, вы такъ любезны съ нимъ,
Что, мучимъ ревностью и страстію томимъ,
Я отомстить хотѣлъ вамъ, точно...
И наконецъ... не онъ одинъ сошелъ съ ума...

ГРАФИНЯ—*выходя изъ задумчивости.*

Другіе тоже? Такъ я думала сама.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ! сумасшедшій—я!

(*Графиня смотритъ на него съ удивленіемъ.)*

О, если бы вы знали
Все, что я чувствую, графиня, и терплю!
Какой любовью васъ люблю!..
Меня-бъ вы мучить перестали!

(*Графиня смотритъ на него съ недовѣрчивостью.)*

Мнѣ, право, кажется, что помѣшался я!
И если есть ко мнѣ въ васъ искра сожалѣнья,—
Вы не покинете меня!
Отъ васъ одной мое зависитъ исцѣленье?.. (*Молчаніе.)*
Графиня, дайте-жъ мнѣ какой-нибудь отвѣтъ!

ГРАФИНЯ.

Теперь я не могу сказать ни да, ни нѣтъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Благоразумное я вамъ напомню слово:
«Идите замужъ!» Мужа вамъ нельзя
Найти достойнаго — согласенъ я. —
Возьмите менѣе дурного!..

ГРАФИНЯ.

Теперь: ни да, ни нѣтъ.

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Что-жъ? буду ждать, когда,
Не говоря ужъ: «нѣтъ», вы скажете мнѣ «да».

КОЛЯЗИНЪ — *показывается въ дверяхъ, приподнявъ портьеру.*

Графиня! Вашъ приходъ въ столовую намъ нуженъ!
Готово ужинать! пора намъ сѣсть за ужинъ!
(Уходитъ. Графиня встаетъ, подаетъ князю руку, потомъ останавливается.)

ГРАФИНЯ.

Изъ этихъ не сошелъ никто съ ума?

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ?
Они мнѣ умными казались столько лѣтъ!

КН. ПОРѢЦКІЙ.

Вы сумасшедшихъ въ бальныхъ залахъ,
Въ гостиныхъ и вездѣ встрѣчаете всегда.

И еслибъ, наконецъ, вы мнѣ сказали: «да»,
То былъ бы и у насъ на раутахъ и балахъ —
Вѣдь цѣлый городъ намъ знакомъ —
Умалишенныхъ полонъ домъ.

(*Князъ уводитъ подъ-руку графиню въ ту сторону, куда ушли гости. Занавѣсъ опускается.*)

1852 г.

•► ◄•

МОИ ЗНАКОМЫЕ.

(Отрывокъ изъ неоконченной поэмы).

1.

Читалъ я гдѣ-то мудрое сужденье,
Что жизнь простыхъ, обыкновенныхъ лицъ,
Разсказанная намъ безъ украшенья,
Безъ хитрыхъ вымысловъ и небылицъ,
Глубокаго достойна изученья.
Вѣдь всякій, кто бы ни былъ онъ, любилъ,
Страдалъ, надѣялся, не вѣрилъ, вѣрилъ,
Смѣялся, унывалъ и лицемѣрилъ,
Передъ собой и свѣтомъ, — словомъ: жилъ.
И жизнь его — достойна ли упрековъ
Она или похвалъ — для насъ полна уроковъ.

2.

Вотъ почему съ пріятелемъ моимъ
Хочу я познакомить васъ, читатель.
«Я зналъ его, мы странствовали съ нимъ»... [1]

[1] Стихъ Лермонтова.

Валунинъ, съ дѣтства лучшій мой пріятель,
Считался человѣкомъ не пустымъ,
Но человѣкъ онъ былъ обыкновенный
Какъ я и вы, быть можетъ. Тридцать лѣтъ
Онъ прожилъ на землѣ. Его ужъ нѣтъ;
Но ни конецъ, ни жизнь его—вселенной
Не сдѣлали ни пользы, ни вреда.
Онъ жилъ, какъ будто бы и не жилъ никогда.

3.

Но онъ надежды подавалъ большія!
И долго мнѣ казалось самому,
Что генія въ немъ обрѣтетъ Россія,
И что слагать назначено ему
Земнымъ глаголомъ пѣсни неземныя.
И я все ждалъ, чтобъ звуки полились;
Я сторожилъ желанное мгновенье
Дремавшихъ силъ и мыслей пробужденья...
Напрасно! Онъ молчалъ. Года неслись...
Онъ умеръ. Жертва горькаго обмана,—
Онъ слишкомъ долго жилъ иль умеръ слишкомъ рано.

4.

Мнѣ жаль его. Къ чему онъ жилъ? Ужель
Затѣмъ, чтобъ жизнь пройти путемъ безтруднымъ,
Единую въ грядущемъ видя цѣль:
Смѣнить сонъ временной сномъ непробуднымъ,
Могилою—спокойную постель?
Нѣтъ, нѣтъ!... онъ умеръ кстати. Жизнью краткой
Онъ озадачилъ всѣхъ: себя и насъ.
Проживъ обычный вѣкъ, въ предсмертный часъ
Ни для кого онъ не былъ бы загадкой.
Къ несчастью, выгода людей иныхъ
Вся заключается въ загадочности ихъ.

5.

Мнѣ тяжело тревожить память друга
Сомнѣньемъ для него обиднымъ. Онъ
Въ страданіяхъ послѣдняго недуга
Не покидалъ мечты, что былъ рожденъ
Для подвига великаго. Бывало,
Я говорилъ ему: летятъ года!
Взгляни—ты прожилъ много, сдѣлалъ мало!
Онъ возражалъ мнѣ: «Время не настало!
«Я жду, готовлюсь». И въ примѣръ тогда
Мнѣ приводилъ Руссо или Мольера.
Въ свое безсмертіе была сильна въ немъ вѣра!

6.

И я ужъ опоздалъ спасти его.
Надъ нимъ свершилось Божье наказанье.
Всю жизнь онъ былъ такъ жалокъ оттого,
Что, не принявъ намъ сроднаго призванья
Быть: *что нибудь*, онъ вышелъ — *ничего*.
А между тѣмъ имѣлъ онъ все, что нужно
Для счастья сына бреннаго земли.
Хозяинъ, гражданинъ, глава семьи —
Всѣ важныя заботы міра — дружно
Нести онъ могъ бы съ пользой для людей
И пріобрѣлъ бы честь, какъ выводъ пользы сей

7.

Что геній!... Въ жизни нужны намъ границы.
Полъ-дюжины практическихъ головъ
Полезнѣй геніальной единицы,
Какъ намъ дѣйствительность полезнѣй словъ.

И былъ—дѣльнѣе всякой небылицы.
Мнѣ родъ людской виднѣй въ умахъ простыхъ
Они творятъ безъ блеска и безъ шуму
И думаютъ доступную намъ думу.
Повсюду сумма личностей такихъ, —
Когда вы среднія возьмете числа, —
Мѣрило вѣрное общественнаго смысла.

8.

О, другъ мой! я жалѣю не о томъ,
Что ты не такъ, какъ создается геній,
Былъ сотворенъ; но что съ твоимъ умомъ
Игрушкою ты былъ пустыхъ стремленій
И празднаго тщеславія рабомъ.
Но полно!.. Бросимъ то, что̀ невозможно
Намъ измѣнить. Теперь не все-ль равно?
Онъ былъ обыкновенный смертный; но,
Замученъ жизнью мелочной, тревожной,
Безплодной, скучной—онъ въ землѣ зарытъ
И спитъ такимъ же сномъ, какимъ и геній спитъ.

9.

Я началъ мой разсказъ и замѣчаю,
Что, грустію невольной увлеченъ,
Я вовсе не съ начала начинаю:
Со смерти. Но поэмы мрачный тонъ
Наврядъ ли измѣнился-бъ. Я не знаю —
Свѣтлѣй была какая изъ эпохъ
У моего героя? Смерть, рожденье
И жизнь—равно достойны сожалѣнья.
Итакъ, простите мнѣ плачевный слогъ,
Печальному предмету строфъ покорный.
Съ начала до конца мнѣ нуженъ тонъ минорный.

10.

Тому, какъ я сказалъ вамъ, тридцать лѣтъ,
Подъ небомъ Малороссіи лѣнивой
Пріятель мой рожденъ на этотъ свѣтъ.
Старинный домъ, громадой горделивой
Вознесшійся надъ зеленью садовъ,
Младенца принялъ въ торжествѣ великомъ
Подъ свой просторный и радушный кровъ.
Больной ребенокъ на веселый зовъ
Отвѣтствовалъ страданья первымъ крикомъ...
Едва началъ дышать, онъ умиралъ —
Какъ будто ужъ тогда онъ цѣну жизни зналъ.

11.

И въ тотъ же день къ нему врачей призвали.
Одинъ изъ нихъ, качая головой,
Таинственно сказалъ, что опоздали
Прибѣгнуть къ медицинѣ; а другой
Рѣшилъ, что мальчикъ будетъ живъ едва ли.
«Помочь дитяти, кажется, легко!»
Воскликнулъ третій (этотъ былъ умнѣй):
«Юпитера вскормила Амальтея,
«И онъ сосетъ пусть козье молоко.
«А во-вторыхъ, его держать должно бы
«На чистомъ воздухѣ. Послушайтесь — для пробы!»

12.

И вотъ ребенокъ въ садъ перенесенъ.
Тамъ пологомъ узорчатымъ сплетались
Надъ нимъ могучій дубъ и нѣжный кленъ,
И листья гармонически шептались,

На вѣжды тихій навѣвая сонъ.
Невидимо у самой колыбели,
Легко порхали птички межъ вѣтвей;
И возлюбя его, то соловей,
То иволга поочерёдно пѣли;
И отъ цвѣтовъ нарядныхъ ароматъ
Струями свѣжими поилъ роскошный садъ.

13.

Чрезъ мѣсяцъ мальчикъ началъ улыбаться;
Глядѣли веселѣй его глаза;
И съ жизнію раздумалъ онъ разстаться.
Его спасли — природа и коза.
Вѣрнѣе, что послѣдняя, признаться.
Валунинъ былъ кормилицей своей
Миѳологической весьма доволенъ.
Онъ повторялъ: «Я при смерти былъ боленъ
«И оживленъ козой. Безъ шутокъ, ей
«Я жизнью одолжёнъ на этомъ свѣтѣ!»
И чучело козы держалъ онъ въ кабинетѣ.

14.

Итакъ, онъ ожилъ, — все равно, по той
Или другой причинѣ; но ребенокъ
Видъ сохранилъ и слабый, и больной,
Освободясь отъ тѣсныхъ узъ пеленокъ.
Никто не говорилъ: «Какой живой!» —
Напротивъ, всѣ твердили: «Не по лѣтамъ
Онъ такъ задумчивъ. Видно по всему,
Что на роду написано ему
Иль дипломатомъ быть, или поэтомъ».
Увидимъ мы изъ слѣдующихъ главъ,
Насколько отзывъ ихъ ошибоченъ иль правъ.

15.

Нѣтъ у меня желанья и терпѣнья
Описывать младенчество. Зачѣмъ?
У всѣхъ одно встрѣчается явленье:
Сперва дитя — и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ,
Живетъ убогой жизнью растенья.
Потомъ играетъ словомъ, и тогда,
Въ немъ вызванная силою чудесной,
Мерцаетъ мысль, какъ въ вышинѣ небесной
Далекая за облакомъ звѣзда...
И въ дѣтствѣ каждый — съ разницею малой —
Равно со всѣми глупъ или уменъ, пожалуй.

16.

Мы къ возрасту такому перейдемъ,
Когда растутъ наклонности и страсти;
Кипятъ борьбою въ сердцѣ молодомъ
Добра и зла враждующія власти,
И юноша неопытнымъ умомъ
Пытаетъ жизни темныя задачи.
То за туманомъ безутѣшныхъ слезъ,
То въ праздничномъ сіяньи пышныхъ грезъ
Онъ видитъ міръ, и съ каждымъ днемъ иначе
Все видится ему — и жизнь, и свѣтъ,
И чувству ни границъ, ни повторенья нѣтъ.

17.

Покинемъ же страну его рожденья
И мысленно себя перенесемъ
Вослѣдъ за нимъ съ орловскаго имѣнья
Его отца. Мы тамъ росли вдвоемъ.

Дѣлили смѣхъ и слезы огорченья,
И взапуски учились наизусть.
Насъ подружили возрастъ и сосѣдство.
Валунина съ воспоминаньемъ дѣтства
Порой томила сладостная грусть...
И садъ, и лѣсъ, и домъ — теперь ужъ древній,
И *Чертовидскій-Верхъ* — названіе деревни —

18.

Ему все нравилось; и тѣ года,
Хоть дѣтскіе, но полные значенья,
Надъ нимъ не пролетѣли безъ слѣда.
Минувшихъ дней живыя впечатлѣнья
Въ немъ не могли исчезнуть никогда.
Любилъ великорусскую природу
Онъ такъ же послѣ, какъ и въ старину —
За скромность, за просторъ, за тишину,
За то, что, созерцанью давъ свободу,
Она ничѣмъ намъ не стѣсняетъ духъ...
Привольно бродитъ взоръ, спокойно внемлетъ слухъ.

19.

Великолѣпны мрачныя картины
Страны гористой! Но невольный страхъ
Рождаютъ эти бездны и вершины,
Любящія скрываться въ облакахъ...
Плѣнительны пустынныя равнины
Красой благоухающей своей,
Высокихъ травъ широкимъ колыханьемъ
И ласковымъ, задумчивымъ молчаньемъ;
Но эта нѣга дѣвственныхъ степей
Такъ часто грусть наводитъ и тревожитъ —
И съ ней бороться духъ не хочетъ и не можетъ.

20.

Когда, бѣжавъ отъ свѣтской суеты,
Возвышенныхъ ты жаждешь наслажденій,
Когда къ тебѣ, съ незримой высоты,
Предвѣстники грядущихъ пѣснопѣній
Слетаются и звуки, и мечты;
Когда душа, съ страстями въ вѣчномъ спорѣ,
Изнемогла среди упорныхъ битвъ
И проситъ обновленья и молитвъ, —
Смотри на море, вслушивайся въ море!
Но рой игривыхъ, легкокрылыхъ думъ
Отгонитъ грозныхъ волнъ величественный шумъ.

21.

А онъ своею прелестью спокойной
Всегда влечетъ къ себѣ, мой край родной!
Подъ липою кудрявою и стройной
Сидишь и все глядишь передъ собой,
Любуясь свѣжей тѣнью въ полдень знойный;
На днѣ оврага шепчущимъ ручьемъ;
Вьющейся по нивамъ золотистымъ
Дорогой черной, ковромъ цвѣтистымъ
Лужаекъ и холмовъ, а тамъ — селомъ
Раскинутымъ, и далью темно-синей,
И строгой простотой волнующихся линій.

22.

Забудешься и слушаешь порой
Жужжанье пчелъ, и трели птичьихъ пѣсенъ,
И скрипъ колесъ тележныхъ подъ горой.
Кругъ впечатлѣній свѣтелъ и нетѣсенъ.

Сидишь и все глядишь передъ собой!
Настроенъ духъ съ природой дружно, ладно.
Такъ дѣйствуетъ на сердце и на умъ,
Изящнымъ сочетаньемъ чувствъ и думъ,
Негромкой, но торжественной и складной
Поэмы тихошественная рѣчь,
И увлекаетъ васъ, не думая увлечь...

23.

Вотъ лишнее, быть можетъ, изложенье
Любовныхъ чувствъ къ природѣ. Впрочемъ ихъ
Дѣлилъ со мной Валунинъ безъ сомнѣнья.
Мнѣ одному принадлежитъ лишь стихъ.
Хотя разсказу эти отступленья
Даютъ капризный и небрежный ходъ:
Но я себѣ предоставляю право
Бродить вездѣ: налѣво и направо;
Стоять, идти назадъ, бѣжать впередъ...
Системѣ той я слѣдую въ поэмѣ,
Чтобъ вовсе никакой не слѣдовать системѣ.

24.

Затѣмъ нескромной этой похвальбой
Мнѣ завершить свое вступленье должно.
Ужъ вамъ знакомъ настолько мой герой,
Что, кажется, не безъ участья можно
Слѣдить вамъ будетъ за его судьбой.
Онъ былъ идеалистъ, — я прибавляю, —
Идеалистъ всегда, вездѣ, во всемъ.
И качества, и недостатки въ немъ
Я этимъ настроеньемъ объясняю.
Теперь и кончить можно-бъ. Я готовъ;
Но, въ заключеніе, прибавлю пару словъ.

25.

Читатель, до свиданья! Ставлю: punctum
Всю жизнь Валунина, всѣ тридцать лѣтъ
Вамъ разсказать въ порядкѣ и по пунктамъ
Я далъ себѣ торжественный обѣтъ.
Въ главѣ второй я вамъ представлю — дѣтство
Но скоро ли? Богъ знаетъ!.. Признаюсь,
Со мной враждуетъ, чуть не съ малолѣтства,
Порокъ, съ которымъ сладить нѣту средства...
Владычествомъ его я тягощусь.
Но, кажется, едва-ль себя исправлю...
О, *лѣнь*, оставь меня!.. Тебя я не оставлю!..

1855 г.

ИДЕАЛИСТЫ И ПРАКТИКИ.

(Отрывокъ.)

—

Пріятель мой — идеалистъ. Мы этимъ
Названьемъ, кажется, его точнѣй
Опредѣлимъ: и кстати здѣсь замѣтимъ,
Что въ мірѣ два разряда есть людей:
Идеалисты, практики. Мы встрѣтимъ
Ихъ первыхъ представителей у вратъ
Потеряннаго рая. Воздыханья,
Молитва, думы — вотъ въ странѣ изгнанья
Удѣлъ меньшого брата. Старшій братъ,
Въ работахъ и трудѣ вседневной жизни,
Не плачетъ о былой, утраченной отчизнѣ.

Идеалистъ и практикъ межъ собой
Враждуютъ изстари. Какъ созерцанье
И дѣйствіе, они идутъ иной
Дорогой, и различно ихъ призванье.
Съ вѣками измѣнялись чередой
Ихъ цѣль, значенье, внѣшнія примѣты, —
Но смыслъ идеализма всѣхъ вѣковъ:
Споръ духа съ бременемъ земныхъ оковъ.

Философы, художники, поэты —
Бетховенъ, Данте, Рафаэль, Шекспиръ —
Отъ міра тлѣннаго неслись въ духовный міръ.

И вы, чей духъ безстрастный и свободный
Подобенъ былъ хранилищу святынь,
Не знавшіе тревожности безплодной
Мірскихъ заботъ; вы, граждане пустынь,
Любившіе, вдали отъ шума, сродный
Божественной премудрости покой, —
Въ глуши лѣсовъ, въ пещерахъ, средь ограды
Монастыря, вы, полные отрады,
Свершали добровольный подвигъ свой,
И звали смерть, и жизнь иную ждали
Въ странѣ, гдѣ нѣтъ, ни слезъ, ни вздоховъ, ни печали.

Вы думали: «О, суета суетъ!
И баловень судьбы, и нищій — оба
Равно убоги! У обоихъ нѣтъ,
Нѣтъ ничего въ сей жизни, кромѣ гроба!
Одинъ онъ только нашъ!.. Что жизнь? Что свѣтъ?
И почему намъ страшенъ часъ кончины?
Все здѣшнее: смѣхъ, сонъ, волна, грязь, тля,
Тѣнь, призракъ, вѣтеръ, прахъ, слѣдъ корабля,
Вращающійся кругъ, все тѣ же картины
Являющій предъ нами — дней, ночей,
Забавъ, страстей, трудовъ, болѣзней и смертей»!

Мы ниже спустимся. Идеалисты —
Всѣ тѣ, кто бродитъ въ области мечты,
Сектаторы, спириты, утописты,
Бродяги, моты, игроки, шуты,
Почти всѣ *[illegible]*;
Всѣ въ жизни лучшіе чудесъ, всѣ тѣ.

Кто медленны, безпечны и унылы;
Не могутъ соразмѣрить съ дѣломъ силы;
Хоронятся въ безвѣстной темнотѣ;
Желая, не хотятъ; пренебрегаютъ
Обычнымъ счастіемъ, а высшихъ благъ не знаютъ.

Еще я родъ людей включу въ разрядъ
Идеалистовъ. Міръ ихъ называетъ
Безумными. Ихъ вдохновенный взглядъ
Иль въ высотахъ заоблачныхъ блуждаетъ,
Или къ землѣ раздумьемъ пригвожденъ;
Они узнали что-то... И туманно
Имъ видится необычайный сонъ.
Ихъ рѣчь—улыбка ясная иль стонъ
Отчаяннаго горя. Непрестанно
Они восторгамъ преданы нѣмымъ,
Именъ не находя видѣньямъ неземнымъ.

У практика духъ въ равновѣсьи съ тѣломъ,
Порой не прочь онъ отъ мечты, но съ тѣмъ,
Чтобы мечта осуществилась дѣломъ
Онъ хочетъ жить и спрашиваетъ: чѣмъ?
Онъ дѣйствуетъ по обсужденьи зрѣломъ
Возможности удачи и помѣхъ.
Полезное въ его глазахъ достойно.
Онъ трудится упорно, но спокойно;
Не мѣшкаетъ и не спѣшитъ. Успѣхъ—
Тамъ, гдѣ порядокъ; *а гдѣ хвостъ начало*,
Гласитъ пословица, *тамъ голова—мочало.*

И каждый въ этотъ міръ съ собой принесъ
Мысль, опытъ, слово, знанье, наблюденье...
Но въ мірѣ больше-ль правды? Меньше-ль слезъ?
Мы исполняемъ наше назначенье—

Неразрѣшимый разрѣшать вопросъ.
Вотъ наша жизнь! Въ странахъ ли поднебесныхъ
Предприметъ умъ торжественный полетъ,
Иль на землѣ, средь жизненныхъ заботъ,
Вращается, трудясь, въ предѣлахъ тѣсныхъ,—
Равно гнетомы немощью своей—
Идеалистъ-орелъ и практикъ-муравей.

1855 г.

ПРОРОКЪ и Я.

—•—

I.

ПРОРОКЪ.

Я край родной въ тѣ дни оставилъ,
Когда, всемощенъ и высокъ,
Его умами грозно правилъ
Въ Москвѣ явившійся пророкъ.
Онъ былъ не старецъ и не нищій;
Не въ кельяхъ жилъ монастыря;
Онъ не спасался, постной пищей
Плоть многогрѣшную моря;
Онъ не скитался полу-голый;
Онъ въ торжествѣ духовныхъ силъ
Вериги жесткой и тяжелой
На тѣлѣ тощемъ не носилъ;
Не зналъ онъ чернаго народа
И знать народъ его не могъ;
То былъ пророкъ иного рода—
Дворянскій собственно пророкъ.

Мнѣ живо памятно то время,
Какъ онъ, въ предвидѣньи бѣды,

Заботъ народныхъ принялъ бремя
И насъ взнуздавшія бразды.
Изъ стѣнъ священныхъ кабинета,
Гдѣ наши вѣдалъ онъ дѣла,
Гдѣ у рабочаго стола
Онъ мыслилъ ночи до разсвѣта,
Его вседневная газета
Во всѣ концы Россіи шла.
И Русь признала, что любовью
Навѣрно къ ней пылаетъ онъ,
Когда къ дворянскому сословью
Усердно такъ расположенъ.
Онъ повторялъ: «Впередъ хотите-ль —
Взгляните съ вѣрою назадъ.
Гражданскимъ духомъ кто богатъ?
Кто смысла земскаго хранитель?
Одинъ дворянскій предводитель —
Всей русской жизни результатъ!..»
Въ годину смутъ въ шляхетной Польшѣ,
Онъ разрушалъ коварный ковъ
Народовъ запада, но больше
Громилъ онъ внутреннихъ враговъ.
Его заботилъ непрестанно
Патріотическій вопросъ:
Какъ цѣли намъ достичь желанной,
Чтобъ въ нашей родинѣ пространной
Единомысліе ввелось?
Чтобъ дряни вѣчно недовольной
Не слышенъ ропотъ былъ у насъ
И юность, мыслящая вольно,
Чтобъ на Руси перевелась?
Онъ клалъ съ настойчивостью строгой
На нашу жизнь свою печать,
И ужъ умовъ строптивыхъ много

Грозя прозваньемъ демагога,
Принудилъ сдаться и молчать.
Съ какой внимали мы тревогой
Передовымъ его статьямъ!
Все грезятся, бывало, намъ
Мятежъ, измѣна и коварство;
Все ждемъ, что рухнетъ государство
И слышимъ трескъ его по швамъ!

А вслѣдъ за нимъ еще витіи
Въ насъ новый возбуждали страхъ,
Мѣшая въ пламенныхъ рѣчахъ
Враговъ пророка и Россіи.
«Онъ нашъ оракулъ! Намъ онъ щитъ
Отъ притѣсненій и нападокъ!
Рукой надежной онъ хранитъ
Весь существующій порядокъ!
Кто не его—измѣнникъ тотъ,
Нечистый въ помыслахъ! И вѣрьте:
Желать обязанъ патріотъ
Тому иль каторги, иль смерти!»
И точно: въ грозные тѣ дни
Кому бы казнь изрекъ оракулъ,—
Того повѣсили-бъ они
И даже посадили-бъ нà колъ...
Такъ наши сдерживать умы
Любилъ пророкъ, волнуя страсти;
Такъ, подчинясь полезной власти,
За нимъ, какъ тѣнь, слѣдили мы.
Со всей Россіи телеграммы,
Полны восторговъ и похвалъ,
Къ нему летѣли. Наши дамы
Въ немъ обрѣли свой идеалъ.
У всѣхъ до крайняго предѣла

Мгновенно гордость возрасла...
О, какъ торжественно и смѣло
Отъ патріотовъ намъ гремѣла
Въ честь нашихъ доблестей хвала!
Противорѣчьемъ ни единымъ
Не оскорблялся чуткій слухъ:
И даже тамъ — по тѣмъ гостинымъ,
Гдѣ нашъ блистаетъ высшій кругъ, —
Какъ дома вѣялъ русскій духъ!..
Съ своею долей свыкся каждый.
Духовнымъ голодомъ и жаждой
Страдать никто уже не могъ,
На нужды дня, — то самъ пророкъ,
То клубныхъ праздниковъ ораторъ
Намъ отпускалъ здоровый кормъ...
И сталъ спокоенъ консерваторъ
Насчетъ свершившихся реформъ.
Глазамъ не вѣря и пророка
Благодаря въ душѣ глубоко,
Мы озирались... Вездѣ гладь,
Да тишь, да Божья благодать!..
Зато величія земного
Такихъ достигнулъ онъ вершинъ,
Какихъ достигнуть даромъ слова
Не могъ писатель ни одинъ:
Надъ братьей пишущей главенство
И, предъ лицомъ Россіи всей,
Благословенье духовенства
И покровительство властей.

Итакъ, я родину оставилъ,
Когда московскій нашъ пророкъ
Ея умами грозно правилъ
И былъ всемощенъ и высокъ...

Но наступили дни расплаты...
Не даромъ были имъ подъяты
Неимовѣрные труды!
Рука, напрягшая бразды,
Теперь устала и ослабла.
Людской молвы усталый слухъ
Не различаетъ. Взглядъ потухъ.
Остыла страстность. Слово—дрябло.
Еще онъ навыкъ сохранилъ
Намъ объявлять свои велѣнья,—
Но нѣтъ ужъ власти, нѣтъ ужъ силъ;
И въ насъ ужъ нѣтъ повиновенья.
Перо угрозъ, перо обидъ
И обвиненій раскололось,
И трепетъ наводившій голосъ
Теперь надорванъ и разбитъ...
И вотъ онъ—поступью усталой,
Уже развѣнчанъ, сходитъ къ намъ
Съ вершинъ, гдѣ нѣкогда блистала
Его звѣзда, и гдѣ, бывыло,
Ему курился ѳиміамъ...

II.

Я.

Я также, чуждъ инымъ заботамъ,
Пророка вѣщія слова
Твердилъ на память: но подъ гнетомъ
Такой премудрости едва
Не изнемогъ... Дошелъ я скоро
Ужъ до того, что разговора
Не велъ иного, какъ о немъ,
Съ кѣмъ ни случился бы вдвоемъ.

Почетно быть пророка эхомъ.
Ему противиться съ успѣхомъ
Еще почетнѣй, можетъ быть.
Счастливъ, кто могъ себѣ добыть
Побѣдный лавръ перомъ и смѣхомъ:
А я... желалъ его забыть.
Но тщетны позднія старанья!
Хотя листы его изданья
Я непрочитанные рвалъ, —
Но помнилъ всѣ его дѣянья
И самого не забывалъ.
Потребно стало мнѣ лѣченье!
И наконецъ я бросилъ всѣхъ
Эпитимьей уединенья
Чтобъ искупить всѣ увлеченья
И празднословья тяжкій грѣхъ.
Но опытъ вышелъ неудачный...
Хоть взорамъ чувственнымъ незримъ,
Пророкъ то радостный, то мрачный
Вседневнымъ гостемъ былъ моимъ.
Онъ прерывалъ мои занятья,
Угрозы въ ухо мнѣ шепталъ,
Иль нѣжно простиралъ объятья,
Которыхъ я не принималъ.
Безмолвье было мнѣ тяжелѣ
Людскихъ собраній и молвы.
Скитаться началъ я безъ цѣли
Одинъ по улицамъ Москвы.

И помню: бредъ я за шарманкой,
Визжавшей мнѣ *La ci darem*
Вдругъ вижу: Срѣтенка, межъ тѣмъ
Какъ шелъ я прямо все Лубянкой
Да гдѣ-жъ конецъ одной сперва?

И гдѣ-жъ затѣмъ другой начало?
Проклятый случай!.. Голова
Ему подобный вспоминала;
Такъ и пророкъ признался намъ,
Что положительно не знаетъ:
Гдѣ Русь любить онъ кончилъ самъ
И гдѣ товарищъ начинаетъ [1]).
Хоть это глупо и смѣшно,
Не чувствомъ полономъ я досаднымъ...
Ужель въ забвенiи отрадномъ
Мнѣ отдохнуть не суждено?
Я продолжать хотѣлъ прогулку,
Но слышу крики: «Догоняй!
«Онъ ушмыгнулъ по переулку!
«Ишь *сволочь! жуликъ! негодяй!*»
Слова знакомы. Ихъ значенье
Знакомо также. Этотъ слогъ,
Крѣпостникамъ кадя, пророкъ
Съ успѣхомъ ввелъ въ употребленье.
И патрiотъ иной бы могъ
Пожалуй, впасть въ недоумѣнье:
За кѣмъ гнался городовой?
Кто жъ убѣгалъ такъ торопливо?
Ужель посредникъ мировой
Первоначальнаго призыва?..
Потомъ я вижу каланчу
И наверху пожарный ходитъ...
Опять! хоть думать не хочу,
Но этотъ видъ на мысль наводитъ,
Что высоко и *онъ* стоитъ,
И *онъ* опасность предваряетъ;

[1]) По поводу патрiотической дѣятельности г. Катковъ однажды выразился, что не знаетъ, гдѣ кончается онъ самъ и гдѣ начинается г. Леонтьевъ.

Пожарный знаетъ, гдѣ горитъ,
А нашъ пророкъ—кто поджигаетъ.
Нѣтъ, излѣчить меня—увы!—
Среда московская не можетъ...
Одно есть средство: мнѣ поможетъ,
Напротивъ, бѣгство изъ Москвы.
Все, что̀ ни вижу я, безъ шутки
Напоминаетъ мнѣ о немъ:
Пустырь, заборы, барскій домъ,
Казармы, клубы, школы, будки,
Собора древняя глава,
Разбитый «колоколъ» Ивана...
И все, что̀ видѣла Татьяна,
Когда предстала ей Москва.
Я бросилъ этотъ городъ древній
И думалъ: воздухомъ деревни
Я освѣжусь, предавшись тамъ
Успокоительнымъ мечтамъ.
Но помогла деревня мало:
Надежды не сбылись мои!
Не все же пѣли соловьи,
Чтобъ услаждать меня. Бывало,
Сижу подъ липою—и вдругъ
Ко мнѣ подходитъ та же дума...
Такъ къ мухѣ близится безъ шума
Поспѣшной поступью паукъ.
Я со скамьи съ досадой встану
И вонъ изъ саду—на просторъ!
Хочу разсѣять умъ и взоръ,
Гляди съ любовью на поляну...
Какой спокойный, скромный видъ!
Вотъ вѣтерокъ траву колышетъ,
Отъ тучекъ тѣнь по ней бѣжитъ...
Вся тварь какъ бы блаженствомъ дышитъ.

Степенно хрюкаетъ свинья,
Блеетъ баранъ, трещитъ сорока...
И тутъ некстати вспомнилъ я
Двухъ-трехъ поклонниковъ пророка...

1868 г.

СНЫ.

[illegible]

I.

Безсилие.

Мнѣ снились—вьюга, снѣгъ глубокій,
Пустыня, на небѣ ни зги;
Въ пустынѣ путникъ одинокій
Влачилъ усталые шаги.
И думалъ онъ: «Мой путь безъ цѣли...
Ужель не встрѣтить мнѣ людей?
Зачѣмъ я здѣсь? Чего хотѣли
Порывы смѣлости моей?..
Гдѣ жизнь? И этотъ край—ужели
Одна пустая гладь степей,
Гдѣ, воя, носятся метели?..
Бѣда, великая бѣда
Тому, кто одинокій бродитъ
Въ пустынѣ снѣжной—и слѣда
Нигдѣ людского не находитъ!..
Зачѣмъ же мой свободный духъ
Исполненъ правдою святою,

Когда враждуетъ все вокругъ
Несправедливою враждою?..
Иль нужны жертвы для судьбы?
И лишь творя—природа любитъ,
А послѣ—броситъ и погубитъ
Въ мученьяхъ жизненной борьбы?..
Борьба!.. Порой предъ волей смѣлой,
Передъ свѣтильникомъ ума
Рѣдѣетъ нравственная тьма
И разступаются предѣлы,—
Но свѣта нѣтъ за этой мглой,
Грозящей мерзлою могилой;
Ничтоженъ духъ предъ этой силой
И безсознательной, и злой!..»

Крутитъ еще сильнѣе вьюга,
Все безнадежнѣй облака,—
И пробѣжалъ въ немъ знобъ испуга,
Пришла предсмертная тоска...
Всей силой утомленной груди
Онъ кличетъ: Помогите, люди!
Къ вамъ велика моя любовь;
Я заключилъ бы міръ въ объятья!..
До капли пролилъ бы я кровь
За счастье братьевъ!.. Гдѣ-жъ вы, братья?
Хотя одинъ бы мнѣ помогъ,
Когда, гоня и разрушая,
Меня давно ужъ буря злая
Бьетъ по лицу и валитъ съ ногъ!..
Покоренъ я, изнемогая...
Я жалокъ!.. О, когда-бъ я могъ
Навстрѣчу холоду и снѣгу
Предаться бѣшеному бѣгу,
Чтобы съ сознаньемъ силы пасть,

Презрѣвъ стихійное гоненье
И неосмысленную власть!..»

Напрасно гордое стремленье...
Нѣтъ силы далѣе брести
Мертво и пусто... нѣтъ исхода ..
И необузданно расти
Все продолжаетъ непогода...
Тогда средь этой бурной мглы,
Въ туманѣ ледяномъ мороза
Раздался страшный крикъ хулы,
И возмущенья, и угрозы...
Но кто же гнѣвъ его пойметъ?
И что душа бездушнымъ значитъ?.
Пусть проклинаетъ онъ иль плачетъ—
Метель попрежнему мететъ...
И, истомясь, сложила крылья
Вольнолюбивая душа...
И на снѣгу, едва дыша,
Онъ впалъ въ спокойствіе безсилья.

Ночь мракомъ степь заволокла,
Его застигнувъ полусоннымъ.
Онъ всталъ. Гудятъ колокола
Какъ будто звономъ похороннымъ.
Но жизнь онъ чуетъ надъ собой..
То демоновъ сбиралась стая,
Крылами шумными летая..
Онъ слышитъ говоръ, хохотъ, вой...
Вдругъ общій крикъ—ревутъ и поютъ.
И, трепеща, подумалъ онъ:
Перекричать они желаютъ
Къ нимъ отъ земли дошедшій стонъ...
Потомъ—какой-то праздникъ дикій,

Несется буря торжества,
Ликуютъ зла и тьмы владыки
И славятъ буйные ихъ клики
Хаоса силу и права́...
И вотъ—въ безмолвіи печальномъ
На мигъ пустыня замерла;
Но все гудятъ колокола
Все тѣмъ же звономъ погребальнымъ...

Тогда, очнувшись, понялъ онъ,
Что средь глуши, зловѣщъ и мраченъ,
Тому лишь слышенъ этотъ звонъ,
Кто къ близкой смерти предназначенъ.
И тайны демоновъ предъ тѣмъ
Свершаться могутъ безъ покрова,
Кто отнятъ отъ всего живого
И кто на всѣ вопросы нѣмъ...
И больно сердцу стало снова,
И снова страхомъ онъ объятъ...
Свобода, правда, доблесть, сила—
Все то, что̀ сердце такъ любило,
Все то, чѣмъ умъ былъ такъ богатъ,—
Его поднять уже не можетъ.
Готовъ теперь онъ все забыть
И лишь одна гнететъ и гложетъ
Мысль неотвязная: не быть!
Ужъ не дышать на этомъ свѣтѣ!
Вседневной жизни скромныхъ благъ
Не знать!.. И онъ заплакалъ такъ,
Какъ плачутъ женщины и дѣти...

Не ждетъ онъ больше ничего.
Давно онъ выплакалъ всѣ слезы;
И—духъ смущавшія его—

Ушли болѣзненныя грезы.
Безъ думъ, безъ воли и безъ слезъ
Онъ легъ... и снѣгъ его заноситъ...
И онъ молчитъ, и ужъ не проситъ,
Чтобы скорѣй его занесъ.

Но стала грозной вьюги сила
Ослабѣвать. Уже не злясь,
Мятель протяжно и уныло
Сперва надъ степью голосила
И на сугробахъ улеглась.
Порывовъ бурныхъ онъ не слышитъ.
Надъ нимъ безъ гнѣва, безъ угрозъ,
Въ спокойной злобѣ, молча, дышитъ
Мертвящимъ холодомъ морозъ...

Передъ концомъ открылъ онъ очи:
Среди глубокой тишины
Со всѣхъ сторонъ, сквозь сумракъ ночи,
Въ него глаза устремлены.

Сидѣло демоновъ собранье
У головы его и ногъ;
Всѣ полны жаднаго вниманья,
Чтобъ уловить предсмертный вздохъ—
Вопль отходящаго сознанья.
И, отвернувшись, къ небесамъ,
Онъ поднялъ взоры,—утѣшенья,
За всѣ прожитыя мученья,
Прося и ожидая тамъ.
И видитъ—медленно, угрюмо,
На этотъ міръ неправды и зла
Завѣса падать начала,
И опускается безъ шума...

II.

Зараза.

Мнѣ снился полдень знойнымъ лѣтомъ.
Въ открытомъ полѣ воздухъ жгучъ;
Все залито блестящимъ свѣтомъ
И небо жаркое безъ тучъ.
И мнѣ представилось сначала,
Что, весела и убрана,
Земля подъ солнцемъ ликовала,
Красой и силою полна.
Но тяжесть думы безутѣшной
Мнѣ скоро нà душу легла,
Смѣнивъ тоской восторгъ поспѣшный...
Природа чахла и лгала.
Подъ этой ясностію лживой
Ни жизни нѣтъ, ни силы нѣтъ;
И золотой полудня свѣтъ
Надъ тощей издѣвался нивой.
Иль смерть, или тупого сна—
Куда ни взглянешь—гнетъ тяжелый!
Земли растресканной и голой—
Какъ печь кора раскалена.
Кой-гдѣ, какъ вьющіяся стружки,
Трава сверкаетъ, побѣлѣвъ;
Съ пустыми гнѣздами, деревъ
Темнѣютъ мертвыя макушки.
Столбомъ безъ вѣтра пыль взвилась.
Все неподвижно и безмолвно,
Лишь листъ больной слетаетъ, словно
Въ бреду горячечномъ кружась.
Исчезли отдыхъ и прохлада;
Ни одного не бьетъ ключа;

По лугу выжженному стадо
Бредетъ голодное, мыча.
Не слышно птицъ въ лѣсу и въ полѣ,
Не виденъ въ небѣ ихъ полетъ;
Нѣтъ жизни радостной на волѣ,
Никто хвалы ей не поетъ...
И эти мрачныя картины
Еще больнѣй томили взоръ,
Когда порой изъ вязкой тины,
Изъ-подъ камней, изъ темныхъ норъ,
Изъ рвовъ глубокихъ злые гады,
Шурша травой, скользя въ пыли,
Одни свободѣ полной рады,
Гурьбой бѣжали и ползали...
Все спалено и все убито!
Я самъ, какъ будто бы мертвецъ,
Людьми давно ужъ позабытый,
Одинъ скитался... Наконецъ,
Кого-то встрѣтилъ на дорогѣ
Съ глазами влажными отъ слезъ
И полонъ грусти и тревоги,
«Какъ люди мрутъ!» онъ произнесъ...
Казалось, грузъ душевной муки
Желалъ сложить онъ предо мной
И повторялъ, ломая руки:
«Какъ люди мрутъ, о, Боже мой!..»
И онъ пошелъ со мною рядомъ;
Но вдругъ раздался хриплый стонъ—
И палъ онъ мертвъ, незримымъ ядомъ,
Какъ молньей быстрой, пораженъ...
Меня бросало въ жаръ и въ холодъ,
И ныло сердце отъ тоски;
Мнѣ мозгъ давило и, какъ молотъ,
Стучала кровь моя въ виски.

И на безжизненномъ просторѣ
Я вновь одинъ... Но городъ вскорѣ
Съ горы громадою сплошной
Сталъ открываться подо мной.
И онъ былъ солнцемъ разукрашенъ!
Какъ жаръ горѣли купола;
Сквозила прорѣзь стройныхъ башенъ
Узоромъ свѣта и тепла...
Но говорилъ мнѣ голосъ тайный,
Что къ мѣсту бѣдъ, скорбей и золъ
Тропой пустынной я пришелъ...
Былъ слышенъ гулъ необычайный;
И голосовъ несмѣтный хоръ
Волнами снизу подымался,
Какъ будто тамъ шумящій боръ
Стоналъ подъ бурей и метался.
И, подойдя, взглянулъ я внизъ,
На городъ, гдѣ все такъ блестѣло...
Свершалось темное въ немъ дѣло
И вопли страшные неслись.
Дышала смертію повальной
Зараза черная надъ нимъ...
Къ кладбищамъ поѣздъ погребальный
Одинъ тянулся за другимъ.
Тѣла несли, везли возами...
Грозила всѣмъ одна судьба;
Живые, несшіе гроба,
Подъ ними умирали сами.
Толпы бродили блѣдныхъ лицъ;
Просили помощи больные,
Стучась въ ворота запертыя
У переполненныхъ больницъ.
Иные падали, вставали —
И въ корчахъ падали опять;

И съ мостовой не успѣвали
Тѣла умершихъ убирать.
Объятъ весь городъ былъ смятеньемъ,
Вездѣ страданья, плачъ и страхъ;
Народъ съ колѣнопреклоненьемъ
Молился вслухъ на площадяхъ.
Духъ истребленія носился
Надъ всѣмъ здоровымъ и живымъ...
И я мученіямъ людскимъ
Невольно въ землю поклонился.
Какъ въ безразсвѣтной гроба мглѣ
Мнѣ тяжело и страшно было...
И между тѣмъ какъ на землѣ
Кончалась жизненная сила
И ужъ потухшіе умы,
Нещадной смертію гонимы,
Въ пустыя бездны вѣчной тьмы
Въ нѣмой тоскѣ летѣли мимо,—
Кругомъ—торжественный покой
Царилъ надъ зрѣлищемъ ужаснымъ.
И это солнце въ небѣ ясномъ
Съ своею наглой красотой!
Зачинщикъ злобнаго обмана,—
Оно, горѣвшее свѣтло,
Какъ бы зіяющая рана
Болѣзни смрадныя лило...
И страстнымъ чувствомъ увлеченный,
Мгновенно страхъ преодолѣвъ,
Сошелъ я въ городъ зачумленный,
Неся въ душѣ и скорбь, и гнѣвъ.
Въ то время шли толпой усталой
На площадь люди. Пошли
Пошелъ и я. На площади
Живыхъ ужъ оставалось мало

Народъ въ уныніи молчалъ.
Близъ насъ лежала труповъ груда.
И, пламенѣя, я вскричалъ:
«Уйдемте, братья, прочь отсюда!
«Въ безславной смерти пользы нѣтъ.
«Страдать и мучиться—довольно!
«Уйдемъ туда, гдѣ жить привольно;—
«Великъ и красенъ этотъ свѣтъ!..
«Уйдемъ скорѣй отъ слезъ и воя,
«Пока часъ смертный не пробилъ.
«Здѣсь мертвымъ стало все живое
«И нѣтъ ужъ мѣста для могилъ...
«Что̀ можемъ сдѣлать мы? Взгляните:
«На всемъ—проклятія печать!
«Иль воскресенья мертвыхъ ждать
«Мы станемъ здѣсь?.. Чего-жъ хотите?
«Людскою жизнью не живя,
«Дрожать предъ вѣрною кончиной?
«Или, припавъ надъ мертвечиной,
«Жить подлой жизнію червя?
«Здѣсь гибнетъ Божіе творенье,
«Здѣсь человѣка нѣтъ слѣда...
«Покинемъ всѣ и навсегда
«Мы эту мерзость запустѣнья!..»

III.

Вѣщая ночь.

Мнѣ снилось—царство тишины...
Я шелъ пространными полями;
Небесъ далекихъ глубины,
Мерцая блѣдными звѣздами,
Въ свой міръ таинственный меня

Путемъ переносили млечнымъ,
Все завлекая и маня
Къ исчезновенью въ безконечномъ...
Казалось грезой бытіе —
Такъ все въ природѣ тихо было;
И время шествіе свое
Въ раздумьи будто прекратило.
Одна плыла со всѣхъ сторонъ
Съ земли до неба ночь нѣмая;
И чуялъ я, какъ жизнь, сквозь сонъ
Избыткомъ силы выступая
Изъ лона дремлющей земли,
Не торопилась, не боролась; —
Невольно наливался колосъ
И травы нѐхотя росли.
Но на пути моемъ порою
Міръ, выходя изъ забытья,
Какъ бы бесѣдовалъ со мною.
Ракитъ — печальная семья,
Посеребренная луною,
Межи прямая полоса;
Спокойныхъ нивъ просторъ огромный
Вплоть до черты, гдѣ небеса
Склонили къ нимъ свой куполъ темный;
И все, что живо, въ тишинѣ
Тая свое существованье,
Казалось, говорило мнѣ:
«Ты въ наше вслушайся молчанье!»
И былъ однажды тотъ призывъ
Такъ внятенъ мнѣ... Я сѣлъ на землю
И, думъ волненье укротивъ,
Вокругъ себя гляжу и внемлю...
Широкій мнѣ теперь просторъ
Еще громаднѣе казался.

Блуждалъ по всей равнинѣ взоръ,
Ища предѣловъ и — терялся...
При свѣтѣ лунномъ, въ узахъ сна,
Необозримая, — лежала,
Какъ символъ вѣчности она —
И безъ конца, и безъ начала...
И чуткой слышалъ я душой,
Какъ на поверхности земной
Струился токъ живого духа,
Незримъ тѣлесности слѣпой
И нѣмъ для чувственнаго слуха...
Въ даль безпредѣльную смотря,
Преданье вспомнилъ я родное
О долгомъ, мертвенномъ покоѣ
Временъ былыхъ богатыря...
И онъ воскресъ передо мною,
Въ землѣ безмолвной воплотясь...
Текущихъ дней живая связь
Съ давно минувшей стариною!..
Все та же тяжкая дрема;
И мощь безъ мѣры и предѣла,
Казалось, выйти не хотѣла
Изъ-подъ гнетущаго ярма...
На долго-ль ты, земля, заснула?
Ужель на жизнь надежды нѣтъ?..
И слышу, словно мнѣ въ отвѣтъ,
Вся — съ края въ край она — вздохнула...
Глубокій вздохъ!.. Что значитъ онъ?
Твои, земля, то были-ль пени
На свой позоръ? на долгій сонъ?
Въ оковахъ праздности и лѣни?..
Была-ль то жалоба судьбѣ?
Освобожденья ли просила
Похороненная въ тебѣ

Живая творческая сила?..
Или, тоской истомлена
Давно на подвиги готова,—
Покуда зрѣютъ времена
Къ свершенью дѣла мірового,—
Ты облеклась и въ мракъ, и въ тишь
Отъ вражьей зависти и злобы;
Но плодъ трепещущій таишь
Во глубинахъ своей утробы?..

Средь нивъ, задернута легко
Завѣсой зыбкою тумана,
Виднѣлась мнѣ недалеко
Большая, чистая поляна.
Являться начали на ней
Все прибывающія тѣни —
Какъ бы собраніе людей,
Въ молитвѣ павшихъ на колѣни.
Къ востоку обратясь лицомъ
И къ небесамъ воздѣвши руки,
Они молчали; но потомъ
Всѣ поднялись, — и гимна звуки
Полны святого торжества,
Внезапно хлынули, какъ волны,
И ясно скорбныя слова
Средь ночи слышались безмолвной

«Многотруденъ нашъ путь, насъ усталость томитъ
Гдѣ прошли мы въ трудѣ и въ неволѣ —
Рѣки слезъ тамъ текутъ, море крови стоитъ...
Сжалься, Боже, надъ нашею долей!

«Гдѣ же мукамъ предѣлъ? и куда мы идемъ
Черезъ тьму этой ночи глубокой?

Боже! скоро ли день? Скоро-ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ востока?

«Хотя много ужъ силъ жизнь у насъ отняла,—
Нашихъ силъ и теперь не измѣримъ;
Хоть извѣдали мы много горя и зла,—
Всѣ надѣемся, любимъ и вѣримъ!

«Боже, насъ не оставь и намъ помощь пошли!
Когда злая насъ гонитъ невзгода,
Дай намъ знать, что Тебѣ слышны стоны земли,—
Что Ты видишь страданье народа!»

Поднялся вѣтеръ, загудѣвъ
Отвѣтной пѣснію тоскливой
Въ травѣ полей, въ вѣтвяхъ деревъ;
Шумя, заколыхались нивы —
И стихло все... Видѣній слѣдъ
Исчезъ въ разорванномъ туманѣ.
Не слышно гимна; на полянѣ
Людей молящихся ужъ нѣтъ...
Но я, молитвѣ и надеждѣ
Предавшись весь, на небосклонъ
Смотрѣлъ и ждалъ... Со всѣхъ сторонъ
Нѣмая ночь плыла, какъ прежде;
Все то же царство тишины
Надъ безпредѣльными полями;
Все такъ же блѣдными звѣздами
Мерцали неба глубины...
Святая тайна совершалась
Недавно здѣсь, и слышалъ я,
Какъ передъ Богомъ сокрушалась
И говорила съ Нимъ земля,—
И вотъ опять покой безстрастный!

Ужели я вотще смотрю
Въ пустую тьму? Зову напрасно
И пробужденье, и зарю?
Благого, свѣтлаго начала
Душа ожившая моя
Съ такою вѣрой ожидала,
Такъ горячо!.. И снова я
Весь въ созерцанье погрузился;
Гляжу и напрягаю слухъ...
Свершаетъ жизнь свой мѣрный кругъ,—
Обрядъ идетъ... Но гдѣ-то духъ
Животворящій притаился...

IV.

[illegible]

На яву.

На свободную мысль и на правду святую
Ополчается темное зло,—
И порой я грущу, безнадежно тоскуя:
На душѣ тяжело...

Осквернились умы словомъ лживымъ и празднымъ
И,—паденію нашему радъ,—
Растлѣваетъ намъ духъ своимъ старымъ соблазномъ
Закоснѣлый развратъ.

Гаснутъ свѣта лучи... ожидаю тревожно
Поглощенія страшною тьмой.
И пугаетъ меня призракъ жизни подложной
Больше смерти самой.

И я вѣру зову! Съ нею въ мірѣ живѣе,
На земномъ, многотрудномъ пути,
Среди бурь, пусть грозной намъ страшнѣ съ нею
Бремя жизни нести,—

Вѣру въ правду, добро, въ помощь силы любящей,
Въ неизбѣжность разумныхъ побѣдъ;
Вѣру въ жизненный духъ, непрестанно творящій,
И въ немеркнущій свѣтъ...

Разумъ, движущій міръ! Духъ всесильный и вѣчный!
Въ общей жизни участье намъ дай,
И, народы ведя къ тайнамъ цѣли конечной,—
Разрушай! созидай!

1868 г.

НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

Проходитъ время торопливо
И вотъ, давно ужъ я живу
Въ мѣстахъ мнѣ чуждыхъ [1], особливо
Столь непохожихъ на Москву;
Но какъ настойчиво и живо,—
Порою слякотью покрытъ,
Порой объятъ и тьмой, и стужей,—
Передо мною все стоитъ,
Москва, твой образъ неуклюжій!
Москва бы ничего... Увы!
Въ тѣ дни свела меня судьбина
Съ татарскимъ типомъ гражданина,
Царившимъ грозно средь Москвы...
Вотъ этотъ типъ изъ головы
Не скоро, кажется, я выну.
Онъ все сидитъ во мнѣ съ тѣхъ поръ,
Какъ прохватившій сердцевину,
Забытый въ деревѣ топоръ.

Что-жъ новаго въ Москвѣ?.. Конечно,
Фактъ утѣшительный для насъ,

[1] Въ Германіи.

Что тамъ теперь пылаетъ газъ
На мѣсто прежней тьмы кромѣшной.
А свѣтъ другой—духовный свѣтъ—
Еще все въ томъ же положеньи?
Все на умѣ лежитъ запре́тъ,
Чтобъ не мѣшалъ онъ просвѣщенью?
Свободной мысли строя ковъ
И подпуская ей булавки,
Кричатъ ли воины въ отставкѣ
О пользѣ древнихъ языковъ?...
Я помню, какъ въ Москвѣ, бывало,
Душа рвалась и тосковала,
И я спасенія искалъ
Отъ новыхъ нравственныхъ началъ.

Такъ было скверно тамъ и жутко!
Не зналъ, себя какъ уберечь;
Могла постичь плохая шутка
Въ зловѣщей тьмѣ отъ разныхъ встрѣчъ...
Тутъ оберутъ монетъ излишекъ,
А тамъ—излишній грузъ идей;
Равно боишься и воришекъ,
И уважаемыхъ людей.
Ужели духъ Москвы почтенной
Не обновляется ничѣмъ?
И патріотъ нашъ современный
Не надоѣлъ себѣ и всѣмъ?
Ужель тоска его не гложетъ?
Не проситъ умъ иныхъ заботъ?
О, сколько-жъ лѣтъ еще онъ можетъ
Твердить одно: «Я патріотъ!»?
Вѣдь такъ хлопочемъ съ давнихъ поръ мы
Все лишь о цѣлости земли,
Что содержаньемъ нашей формы

Уже совсѣмъ пренебрегли.
Какой на степени вопроса
Въ Москвѣ предметъ теперь стоитъ?
На что̀ она взираетъ косо
И что̀ ей сердце веселитъ?..
Вотъ хоть бы право крѣпостное—
Сей ждавшій воскресенья трупъ...
Навѣрно что-нибудь такое
Предвидитъ англійскій тамъ клубъ.
На этотъ счетъ онъ, безъ сомнѣнья,
Сейчасъ бы просвѣтилъ меня;
Вѣдь тамъ главнѣйшая стряпня
Идетъ общественнаго мнѣнья.
Житье въ Москвѣ—не наслажденье;
О, нѣтъ!.. А, право, иногда
Безъ клубныхъ слуховъ я тоскую...
(Вотъ какъ сегодня). И тогда
Въ Москву хотѣлъ бы, на Тверскую!
Чуть только явится хандра
И эта надобность приспичитъ—
Меня какъ власть оттуда кличетъ:
«Пора въ Москву! Въ Москву пора!»

Покончу я съ моей тоскою!
Направлю тотчасъ же шаги
Въ Москву, чтобъ свидѣться съ Тверскою..
Воображенье, помоги!

О, Боже! *И снова сани*
Скрипятъ подъ легкою ногою.
Ручьи, бугры, ухабы, грязь!
Иду я бережно, боясь,
Что буду выпачканъ и раненъ...
О, ты не даромъ, москвитянинъ,

Выходишь изъ дому, крестясь!
Зима съ Москвой простилась рано [1]),
Преданьямъ старымъ не вѣрна;
Теперь равно для басурмана,
Какъ и для русскаго—весна.
Странна измѣнчивость такая...
Но во сто кратъ, по мнѣ, страннѣй
Переворотъ въ душѣ моей:
Я размягчаюсь, словно тая,
Какъ эта глыба снѣговая!
Какъ эти мутные ручьи,
Во мнѣ всѣ чувства взволновались,
Разрушивъ строгій мой анализъ
И мысли злобныя мои.
Не сталъ мой умъ добрѣй и шире;
Но онъ разбухъ и разрыхлѣлъ,
Какъ будто-бъ выпилъ и поѣлъ
Я въ Ново-Троицкомъ трактирѣ.
И я шепчу: «Москва! ты въ мірѣ
Всему начало и предѣлъ!
Ну, что̀ намъ Западъ? Что̀ онъ знаетъ?
Гдѣ-жъ европейцу-дураку!..
Вѣдь Русь лишь тѣмъ и созрѣваетъ,
Что прѣетъ въ собственномъ соку!..»
Чуть только грустныхъ думъ тревогу
Въ себѣ успѣешь ты смирить
И, какъ медвѣдь свою берлогу,
Россію примешься любить,—
Познавъ, сколь этотъ трудъ не тяжекъ,
Душой блаженъ ты станешь вдругъ!..
Такъ тѣло нѣжится безъ брюкъ,
Безъ сапоговъ и безъ подтяжекъ.

---

[1]) Писано въ февралѣ 1869 г.

И вотъ иду я, облеченъ
Въ духовный шлафрокъ «патріота»,
Иду какъ будто бы сквозь сонъ
И—натыкаюсь на кого-то...
Сперва мнѣ видится одно
Большое подъ бекешью чрево.
Я—вправо; тутъ же и оно.
Я—влѣво; и оно налѣво...
И ужъ потомъ мои глаза,
Разставшись съ чревомъ и съ бекешью,
Встрѣчаютъ жирный ликъ *туза*
Съ собольей шапкою надъ плѣшью.
Онъ нашей пляскѣ ждалъ конца;
Дышалъ съ трудомъ; губа отвисла...
Я разглядѣлъ черты лица,
Но не успѣлъ понять ихъ смысла
Еще разъ пять посторонясь,
Мы разстаемся; но... какъ странно!
Весь мой лиризмъ исчезъ нежданно.
Я снова вижу, отрезвясь,
Одну лишь уличную грязь.
Тепломъ весеннимъ солнце грѣетъ;
Но ни балкона, ни окна
Еще никто открыть не смѣетъ;
И изъ москвичекъ—вонъ, одна
Жеманно ходитъ вдоль балкона—
Съ вихрами мокрыми ворона..
А грязи, грязи-то!.. Едва
Не захлебнулась въ ней Москва...
Вотъ человѣкъ избитый, пьяный,
На видъ подобный мертвецу;
И только кровь, сочась изъ раны,
Свои размазала румяна
По зачумленному лицу.

Онъ, молча, мутнымъ взоромъ водитъ,
Къ стѣнѣ, какъ кукла, прислоненъ...
Толпа зѣвакъ со всѣхъ сторонъ
На это зрѣлище подходитъ.
Одинъ качаетъ головой,
Другой трунитъ надъ пьяной рожей;
Но власть имѣющій прохожій
Воскликнулъ: «Гдѣ жъ городовой?..»
Разслыша голосъ роковой,
Взывавшій грозно къ правосудью,
Бѣднякъ очнулся... Наклонясь,
Хотѣлъ шагнуть и—грохнулъ въ грязь
Чрезъ тумбу головой и грудью...
Нѣтъ въ мірѣ худа безъ добра.
Когда-бъ не эта грязь,—конечно,
Убился-бъ до́ смерти, сердечный!..
Однако къ клубу мнѣ пора.
Плыветъ по грязи вереница
Саней, колясокъ и каретъ...
Какія важныя все лица!
Подобныхъ за границей нѣтъ.
Сидятъ, нахмуривъ строго брови
И величаво развалясь...
Смотрю: что́ ни москвичъ, то князь
Чистѣйшей рюриковской крови...
А между тѣмъ какая грязь!
Она въ лицо мнѣ брызжетъ даже
Отъ этихъ глупыхъ экипажей...

Вотъ клубъ!! хоть англійскій—а Русь!
Здѣсь наконецъ я наберусь
Сужденій, слуховъ, толковъ, сплётенъ,—
И, снова на годъ беззаботенъ,
Въ свой тихій уголъ возвращусь...

О чемъ тутъ рѣчь? Какіе споры?
Садятся, можетъ быть, за столъ?
Въ какое время я пришелъ?
Ужъ сумракъ сходитъ... Часъ который?
А день? Четвергъ!! Какъ! Значитъ, нѣтъ
Здѣсь ни собраній, ни бесѣдъ?..
По середамъ да по субботамъ
Тутъ пищи много патріотамъ...
Зачѣмъ же прибылъ я въ Москву?
Клубъ!.. Я не членъ, чтобъ въ этомъ мѣстѣ
Имѣть покуда rendez-vous;
А можетъ быть до этой чести
Я никогда не доживу...
Своей мнѣ вѣтренности стыдно
Передъ степенностью Москвы!
Знакомыхъ, впрочемъ, тутъ не видно;
Одни съ воротъ лишь смотрятъ львы
И улыбаются ехидно...
Ну, что-жъ!.. Такъ и пойду домой,
Не подкрѣпясь московской пищей,—
Какъ на ночлегъ съ пустой сумой
Подчасъ бредетъ голодный нищій.

Пора, пора! Уже темно.
Между фонарей въ мерцаньи слабомъ
Ныряютъ сани по ухабамъ...
Мнѣ стало грустно, скучно! Но—
Есть утѣшеніе одно:
Я знаю—будутъ колебанья
И, расшатавшись, рухнутъ зданья
Началъ московскихъ!..

А потомъ?
Растративъ силы, отдохнемъ?

Иль вновь начнется кочеванье
Средь нашихъ умственныхъ степей
Безъ вѣхъ, безъ цѣлей, безъ границы:
И при безмолвіи властей
Недоумѣніе нулей—
Къ какой примкнуть имъ единицѣ?..

1869 г.

ВЪ ЧЕМЪ ВСЯ СУТЬ?

Заграничная сцена изъ русской жизни.

•

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сараевъ, лѣтъ подъ 60.
Кузьминъ, лѣтъ 25-ти.

Дѣйствіе въ Кисингенѣ, въ августѣ 1871 года. Тѣнистая аллея въ паркѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ источника и курзала. На сценѣ одна скамейка, на которой сидитъ Сараевъ. Онъ съ просѣдью, безъ бороды, тученъ, красенъ и дышетъ съ затрудненіемъ. Одѣтъ въ легкій лѣтній сюртучекъ и держитъ на рукѣ пальто. Шляпа маленькая, соломенная. Трость его изъ вишень. Онъ куритъ сигару. Вдали оркестръ играетъ попурри изъ патріотическихъ нѣмецкихъ пѣсенъ, среди которыхъ особенно торжественно вызывается „Die Wacht am Rhein“. Въ продолженіе дѣйствія нерѣдко проходятъ черезъ сцену прогуливающіеся дамы и мужчины, то въ одиночку, то попарно и группами. Около семи часовъ вечера.

САРАЕВЪ.

Ужель въ странѣ чужой никакъ сойтись нельзя
Двумъ представителямъ Россіи православной,
Чтобъ не объѣсться такъ неправно,
Какъ вотъ теперь объѣлся я?
Добро бъ здѣсь былъ Парижъ!.. Вѣдь даже стыдно, право!
Здѣсь люди лѣчатся. Возьмите нѣмца... Тотъ

Блаженствуетъ, когда за гульденъ въ table d'hote
Ѣстъ мяса лоскутки съ помойною приправой.
А я... тюрбо—фазанъ—коза—ростбифъ—
Пулярка—трюфели—компоты—кремъ—печенье—
Ликёра—вѝна... уфъ! Какое-жъ тутъ лѣченье!
Вопросъ поставленъ такъ: я завтра буду-ль живъ?

(*Вынимаетъ изъ кармана карту обѣда и просматриваетъ ее.*)

Еще шуфлёръ, салатъ, да сыръ, да фрукты... шутка!
Здѣсь хватитъ смерть какъ разъ того, кто этакъ ѣстъ.
Нельзя въ сообществѣ россійскаго желудка,
Скитаясь по свѣту, искать цѣлебныхъ мѣстъ.
Съ нимъ только путь найдешь кратчайшій на кладбище.
Да, мы ѣдимъ!.. Купцы, дворяне... Вотъ—народъ,
Простой, рабочій людъ—весьма умѣренъ въ пищѣ;—
Зато ужъ какъ же пьетъ!..

Излишекъ благъ земныхъ утробѣ нуженъ русской
За воздержаніе, которое въ умахъ.
Вѣдь пробавлялись мы по части прочихъ благъ
Всегда лишь легкою закуской.
Въ иномъ питаньи намъ и надобности нѣтъ;
А то мы тысячу не прожили бы лѣтъ.

Что-жъ! нашъ режимъ хорошъ! Онъ единицамъ вреденъ;
Но въ смыслѣ общемъ онъ здоровъ.
Одинъ ѣдой богатъ, тотъ водкою не бѣденъ...
Ну! кротость духа есть, и трезвость есть умовъ.
На западѣ вездѣ,—во Франціи тѣмъ болѣ,—
Въ чемъ заключаются причины кутерьмы?
Желудки просятъ правъ, а вовсе не умы.
Ни родъ, ни капиталъ не думаютъ о волѣ.
Все нищіе! Пришлось на полку зубы класть.
Вотъ и мозги работать стали,

Что съ псами дѣлаютъ, чтобъ лаять перестали?
    Кускомъ имъ затыкаютъ пасть.

Недавно и у насъ неладно было что-то...
И даже дворянинъ, при свойствахъ патріота,
Вдругъ началъ примѣчать то здѣсь, то тамъ изъянъ
    Съ освобожденіемъ крестьянъ.
И вотъ реформы намъ посыпались безъ счету.
Хоть, впрочемъ, я не всѣ могу принять за льготу—
Публичный гласный судъ, свободная печать...
Вѣдь такъ, пожалуй, мы дойдемъ и до... Какъ знать!..
Нѣтъ! русскій дворянинъ въ прогрессѣ знаетъ мѣру.
Онъ—государства столпъ. Отцовъ блюдетъ онъ вѣру.
Народа—разумъ онъ, по званью своему,
И... словомъ, можетъ власть довѣриться ему.
Но вотъ кто—голыши безъ племени, безъ рода...
Они уже и такъ не связаны ничѣмъ:
Ни обязательствъ нѣтъ, ни нѣтъ связей;—межъ тѣмъ
Нужна, вотъ видите-ль, имъ прежде насъ свобода.
Порядокъ ихъ гнететъ. Ихъ тяготитъ самъ Богъ.
И вотъ нашъ демократъ безъ Бога, безъ сапогъ,
Безъ правилъ, безъ родства живетъ себѣ какъ птичка.
При немъ лишь имя есть. И то не имя,—кличка.
Ничтожность горькая! Огромный, дерзкій нуль!..
Да; не хочу скрывать я сволочь ненавижу;
Но я не слѣпъ. Вездѣ вещей я сущность вижу.
Сужу ли о себѣ, другихъ въ примѣръ беру-ли.
Отечество любить по совѣсти—кто можетъ?
Кто вѣрный сынъ его? Конечно, ужъ не тотъ,
Кто корки черствыя съ родныхъ полей жуетъ,
И кто родимыхъ сталъ одни лишь кости гложетъ.
Отъ нищи этакой наврядъ ли выйдетъ прокъ.
Ужъ если даже насъ мутитъ дороговизна,
Какъ ждать, чтобы бѣднякъ быть патріотомъ могъ?

Коль кушать хочется,—какая-жъ тутъ отчизна?
Чтобы страну любить необходимъ досугъ;
И стимулъ доблестей гражданскихъ есть достатокъ.
Граждане—не блины. Не испечешь ихъ вдругъ.
Рожденье на людей кладетъ ужъ отпечатокъ.

Дороговизна... да! А средствъ упадокъ быстръ.
Я кризисъ изучилъ на собственномъ карманѣ,
И мной предупрежденъ объ этомъ былъ заранѣ
Нашъ управляющій финансами министръ.
Еще я набросалъ одинъ трактатъ, въ которомъ
Всѣ мѣры новыя учтиво назвалъ вздоромъ.
Вѣдь способъ управлять такъ простъ: кто сытъ и пьянъ—
Не политическій тотъ въ обществѣ буянъ.
О, развлекайте насъ!.. Старайтесь, ради Бога!
Вопросовъ и задачъ такъ накопилось много,
Въ Европѣ слышится подчасъ такая рѣчь
И о такихъ вещахъ... Старайтесь насъ развлечь!
Пусть старый міръ свою намъ продолжаетъ сказку,
Все ту же самую,—пространнѣй,—не спѣша.
Вся сущность дѣла въ томъ, чтобъ отдалить развязку...
Нехороша она! ахъ, какъ нехороша!..
Сомнѣнья нѣтъ: насъ ждетъ чортъ знаетъ что̀ такое!..
Такъ дайте-жъ намъ пожить пріятно и въ покоѣ
И развлекайте насъ!..

Благословенъ будь тотъ,
Кто сочинилъ войны кровавый эпизодъ!
Конечно, много жертвъ... Въ войнѣ нельзя иначе...
Но если хоть одной отложенъ срокъ задачи,—
Спасибо и за то! Всѣ бѣдствія войны
Благодѣяніемъ такимъ искýплены.
Патріотизмъ въ ходу! Не важно развѣ это?..
Хоть цифра и растетъ военнаго бюджета,

Производительныхъ нельзя жалѣть затратъ:
Духовно станемъ мы богаче во сто кратъ.
Помимо прочихъ благъ, ужъ и того довольно,
Что насъ военный духъ настроитъ богомольно.
Понятно, что, ума надменность отстранивъ,
Воитель самый злой въ душѣ благочестивъ.

Строй мыслей нынѣшнихъ, на прежній строй похожій,
Надежды подаетъ. Тутъ перстъ мнѣ виденъ Божій.
Начала, коими держались искони
Судьбы людей и царствъ, воскресли въ наши дни.
Начала вѣрныя — и тѣмъ вѣрнѣй, чѣмъ старѣй...
Вотъ вы увидите! Все приметъ прежній видъ.
И старая опять работа закипитъ
Съ дипломатическихъ начавшись канцелярій.
О, ты, политика, навѣрно насъ спасешь,
Возстановивъ свое значеніе на свѣтѣ!
Пускай умы твою разгадываютъ ложь,
Пускай они твои распутываютъ сѣти...
Ни мечъ и ни перо не страшны намъ твои.
Хоть вдоль, хоть поперекъ Европу ты крои —
Прекрасно! коль, межъ тѣмъ, ну, два хоть поколѣнья
Ты отъ сумбурнаго отклонишь направленья!..

Событія должны насъ мудрости учить.
А мудрость въ чемъ теперь?.. О, люди, люди!.. вѣрьте:
Міръ ветхій рушится, намъ не избѣгнуть смерти...
Что жъ дѣлать намъ?.. Продлимъ сколь можно жизни нить,
И поспѣшимъ же всласть, пока есть силы, жить!

Итакъ, трактатъ мой... да... такъ вотъ его ученье:
Воинственный въ насъ духъ пусть будетъ духъ суровый
Но чуть ли строй воинъ — лицо иныхъ началъ.
Но надо, чтобъ народъ задумчиво скучалъ.

Пусть вдоволь всѣ любви вкушаютъ наслажденья,
Чрезмѣрно не плодя народонаселенья.
Пусть пьетъ простолюдинъ; то вовсе не порокъ,
Доколѣ вносятся и подать, и оброкъ.
Къ тому-жъ во всѣхъ странахъ давать казнѣ доходы
Должны путемъ прямымъ и косвеннымъ народы.
Комплотовъ не терпя, правитель-патріотъ
Не долженъ допускать и трезвости комплотъ.
А если ужъ блюсти народа нужно нравы,—
На то довольно мѣръ отеческой расправы.
Притомъ же судимъ мы о нравахъ такъ и такъ.
Карайте нигилизмъ, его гражданскій бракъ;
Но есть хоть и развратъ, однако безъ системы,
Такой, что даже съ нимъ безвреднѣй стали-бъ всѣ мы.
Политикъ-психологъ не долженъ быть пуристъ:
Чтò лучше? выбирай: блудникъ иль нигилистъ?
Нѣтъ, я ничуть не врагъ ни пѣсенъ гривуазныхъ,
Ни танцевъ этакихъ, ни этихъ зрѣлищъ разныхъ...
Нагія женщины—ручаться я готовъ—
Насъ отвлекутъ какъ разъ отъ голыхъ бѣдняковъ;
А ужъ извѣстно намъ, что плачъ надъ мéньшимъ братомъ
Въ союзѣ состоитъ съ опаснѣйшимъ развратомъ.
Образованіе умно пойдетъ у насъ,
Лишь пользовался-бъ имъ одинъ нашъ высшій классъ;
Онъ призванъ управлять отечества дѣлами.
Затѣмъ, вся мелюзга займется ремеслами.
Есть мнѣнье мудрое, и высказалъ его
Одинъ пріятель мой: не надо никого
Къ наукѣ привлекать; особенно же вредно
Къ ней привлекать людей, рожденныхъ въ долѣ бѣдной.
Весьма неграмотенъ у насъ народъ простой,—
Но—какъ ужъ доказалъ другой пріятель мой—
Мы, просвѣщая чернь, плохіе педагоги.
На чтó ей грамотность? Чтобъ совершать подлоги?

Да; связь бы двухъ системъ устроить мы должны:
Французской съ прусскою; французской—до войны...
Усвоимъ эту связь, я думаю, какъ разъ мы.
Народный генiй...

(*Схватывается за желудокъ.*)

Охъ!.. Вотъ начались ужъ спазмы.
Министромъ быть бы могъ, а не могу постичь,
Что не въ диковинку-жъ мнѣ рыба, что-ль, иль дичь...
Какъ нищiй жру!.. Бѣда! желудку отдыхъ нуженъ.
Сегодня закажу я самый легкiй ужинъ.

(*Читаетъ карту обѣда.*)

Тюрбо, фазанъ, коза...

(*Входитъ Кузьминъ, читая газету. Онъ останавливается на нѣкоторое время и, окончивъ чтенiе, весьма взволнованный, прячетъ газету въ карманъ и, не обращая вниманiя на Сараева, бросается, какъ бы въ изнеможенiи, на другой конецъ скамейки.*)

КУЗЬМИНЪ.

Ахъ, Боже мой!

САРАЕВЪ — *смотритъ съ неудовольствiемъ на Кузьмина, сильно покачнувшаго скамейку, потомъ мало-по-малу успокоивается и обращается къ нему съ любезнымъ выраженiемъ въ лицѣ.*

Вы—русскiй?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ.

Васъ выдалъ вздохъ родной.

КУЗЬМИНЪ.

Какъ это?

САРАЕВЪ.

Вы сейчасъ: «Ахъ, Боже мой!» сказали
И на скамью какъ снопъ упали.

КУЗЬМИНЪ.

А!.. можетъ быть.

САРАЕВЪ—*шутливо.*

Такой религiозный вздохъ!..
Никакъ бы этого я ждать отъ васъ не могъ.

КУЗЬМИНЪ.

А что?

САРАЕВЪ.

Вы—юноша.

КУЗЬМИНЪ.

Въ душѣ такъ было скверно...

САРАЕВЪ.

Въ душѣ!?.. рѣшительно: вы—юноша примѣрный.

КУЗЬМИНЪ—*какъ бы очнувшись и съ любопытствомъ посмотрѣвъ на Сараева.*

Мнѣ кажется, я вамъ мѣшаю. Я уйду.

САРАЕВЪ.

О, нѣтъ!.. Зачѣмъ?

КУЗЬМИНЪ.

Вздохнулъ я громко на бѣду...

САРАЕВЪ.

Такъ что-жъ?

КУЗЬМИНЪ.

Вы притчами пустились изъясняться. .
Трунить какъ будто бы... (*Встаетъ.*)

САРАЕВЪ — *беретъ его за руку.*

Вы, право, ошибаться
Изволите. Прошу мнѣ сдѣлать честь
Хоть на десять минутъ со мною здѣсь присѣсть.

КУЗЬМИНЪ.

На что-жъ я нуженъ вамъ?

САРАЕВЪ — *встаетъ съ трудомъ.*

Я васъ прошу.

КУЗЬМИНЪ — *садится.*

Пожалуй.

САРАЕВЪ — *также садится. Послѣ нѣкотораго молчанія.*

Я нѐмолодъ ужe, хоть и не старъ пока...
А ежели и старъ, то все же добрый малый,
И осудили вы поспѣшно старика. (*Молчаніе.*)
У молодежи мы — за что? не знаю, право, —
Плохою пользуемся славой.
Вѣдь такъ? Особенно, мнѣ кажется, студентъ
Совсѣмъ насъ своего лишилъ благоволенья...

КУЗЬМИНЪ.

Потеря эта васъ приводитъ въ огорченье?

САРАЕВЪ.

Чтутъ только женщины за правду — комплиментъ.
Чтобъ я такую могъ оплакивать потерю —
Вы не повѣрите... не правда-ль?

КУЗЬМИНЪ.

Не повѣрю.

САРАЕВЪ.

Вотъ то-то же. Вопросъ лишь сводится на то:
Межъ нами есть вражда,—мы знаемъ ли: за что̀?
Стѣна, стоящая межъ крайнихъ поколѣній,
Быть можетъ, сложена изъ недоразумѣній.
И что-жъ? На фикціи основана тогда
Непримиримая вражда.
(Замѣтивъ, что Кузьминъ улыбается.)
Имѣю я давно и мысли, и проекты...
Къ движенію стремясь впередъ, а не назадъ,
Какъ въ жизни я мудрецъ совсѣмъ не строгой секты,
Такъ и въ политикѣ ничуть не ретроградъ.
(Молчаніе.)
Итакъ, вотъ видите. Мнѣ кажется, теперь я
Успѣлъ васъ убѣдить кой въ чемъ на этотъ счетъ.
(Молчаніе.)
Иль нѣтъ?
(Молчаніе.)
Я вамъ еще внушаю недовѣрье?
Ну, что-жъ! Я крѣпостникъ? иль старый идіотъ?
(Молчаніе.)
Вы извините... но—вѣдь это неучтиво
Молчаньемъ отвѣчать на этакій вопросъ.
Я въ правилахъ другихъ воспитанъ и возросъ:
Со всѣми вѣжливъ я, съ иными-жъ особливо.

КУЗЬМИНЪ.

Позвольте, оскорблять я и не думалъ васъ.
Наврядъ ли можетъ быть молчаніе обидно.

САРАЕВЪ.

Краснорѣчивѣй словъ молчаніе подчасъ.

КУЗЬМИНЪ.

Но согласитесь же, пока вѣдь мнѣ не видно,
Чтобъ вы... чтобы вашъ взглядъ... онъ, словомъ, до сихъ поръ
Неясенъ...

САРАЕВЪ — *рѣшительно.*

Перемѣнимъ разговоръ.

(Принимая тонъ важный и безпечный.)

Вы, молодой *человѣкъ*, пріѣхали недавно?

КУЗЬМИНЪ.

Съ недѣлю.

САРАЕВЪ.

Помогла вамъ здѣшняя вода?

КУЗЬМИНЪ.

Не пробовалъ. Себя я чувствую исправно.
Я съ матерью.

САРАЕВЪ.

Она здѣсь пользуется?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ.

А вы что-жъ? Такъ себѣ?

КУЗЬМИНЪ.

Я съ ней по той причинѣ,
Что женщина больна, присмотръ ей нуженъ... Ну!
Притомъ же кое-что я смыслю въ медицинѣ,
Такъ не хотѣлось мнѣ пускать ее одну.

САРАЕВЪ.

Вѣдь вотъ опять, нельзя-жъ мнѣ не замѣтить:
Вы добрый сынъ; вамъ жаль, что матушка больна;
Печетесь вы о ней; а въ наши времена
Любовь сыновнюю какую-жъ можно встрѣтить?
Я даже слышалъ такъ... быть можетъ, люди врутъ...
(*Смотритъ, замолчавъ, на Кузьмина.*)

КУЗЬМИНЪ.

Что?

САРАЕВЪ.

Будто юноши, увлекшись разсужденьмъ,
Что всѣ мы случаю обязаны рожденьемъ,
Своихъ родителей—«случайностью» зовутъ.

КУЗЬМИНЪ.

Какъ?

САРАЕВЪ.

Такъ и говорятъ: «моя случайность».

КУЗЬМИНЪ—*громко хохочетъ.*

Кто же
Вамъ это разсказалъ? Однако, вы—шутникъ!
Умора! (*Продолжаетъ хохотать.*)

САРАЕВЪ.

Хоть смѣшно,—на истину похоже.
У васъ, у молодыхъ—особенный языкъ.

КУЗЬМИНЪ.

«Случайность»!.. Я своей «случайностью» доволенъ.
Вы угадали. Да, люблю старуху-мать.
Такъ страхъ беретъ, когда начнетъ она хворать,
Что думается мнѣ: ужъ лучше-бъ я былъ боленъ.

САРАЕВЪ.

А вашъ отецъ?

КУЗЬМИНЪ.

Онъ померъ.

САРАЕВЪ.

Гдѣ-жъ онъ жилъ?

КУЗЬМИНЪ.

Въ Санктъ-Петербургѣ.

САРАЕВЪ.

Тамъ служилъ?

КУЗЬМИНЪ.

Служилъ.

САРАЕВЪ.

И померъ?

КУЗЬМИНЪ.

Померъ.

САРАЕВЪ.

Тамъ же?

КУЗЬМИНЪ.

Тамъ.

САРАЕВЪ.

Давно ли?

КУЗЬМИНЪ.

Да ровно годъ тому назадъ.

САРАЕВЪ.

На службѣ былъ счастливъ?

КУЗЬМИНЪ.

Такъ. Не игралъ онъ роли.

САРАЕВЪ.

А въ чинѣ былъ какомъ?

КУЗЬМИНЪ.

По здѣшнему: штатсратъ.

САРАЕВЪ.

Гмъ!..

(*Молчаніе.*)

Здѣсь народу тьма. Еще разгаръ сезона.
Квартирой вы своей довольны?

КУЗЬМИНЪ.

Ничего.
Двѣ комнаты. Чистенько.

САРАЕВЪ.

Безъ салона?

КУЗЬМИНЪ.

Какъ?

САРАЕВЪ.

Безъ салона?

КУЗЬМИНЪ.

Да. Двѣ комнаты всего.
Вотъ не привыкнетъ мать къ трактирной здѣшней пищѣ.

САРАЕВЪ.

Все дорого теперь.

КУЗЬМИНЪ.

Не дешево. Обѣдъ,
Квартира, врачъ... Хоть я, пожалуй, и не нищій,
А лишнихъ капиталовъ нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Конечно. (*Помолчавъ.*)
Очень радъ знакомству. Именуюсь
Сараевъ, Александръ Ильичъ.

КУЗЬМИНЪ.

Рекомендуюсь:
Кузьминъ.

САРАЕВЪ.

Весьма я радъ. Вы, господинъ Кузьминъ,
Мнѣ очень нравитесь. Почтительный вы сынъ
И дѣльный молодой человѣкъ. При первой встрѣчѣ
Ужъ заключить о томъ я могъ по вашей рѣчи.
(*Помолчавъ.*)
Что-жъ, давеча вздохнулъ о матери небось?

КУЗЬМИНЪ.

Кто это?

САРАЕВЪ.

Вы.

КУЗЬМИНЪ.

О, нѣтъ.
(*Вынимаетъ изъ кармана газету и указываетъ Сараеву то, что читалъ.*)
Отъ этого вотъ чтенья.

САРАЕВЪ—*беретъ газету.*

Позвольте. Вотъ сейчасъ въ моемъ къ вамъ обращеньи
Мѣстоименье *ты* чуть-чуть не сорвалось.
Скажите напередъ: вамъ непріятно будетъ,
Когда порой у старика
Вдругъ—*ты* сорвется съ языка?

КУЗЬМИНЪ.

Ну, что-жъ! Отъ этого меня вѣдь не убудетъ.
Коли сорвется, пусть! Привычка, знать, сильна.

САРАЕВЪ.

Оставь намъ хоть ее въ такія времена,
Гдѣ всѣми юноши правами завладѣли!
(*Надѣваетъ pince-nez и смотритъ въ газету.*)
А!.. политическій процессъ!.. Вотъ въ этомъ дѣлѣ
Лишь исключеніе встрѣчается одно:
Порядокъ нарушать имъ права не дано.

КУЗЬМИНЪ.

Тутъ возрастъ не при чемъ. Занятье этимъ дѣломъ
Не дозволяется ни въ молодомъ, ни въ зрѣломъ.

САРАЕВЪ.

Положимъ, что и такъ; но въ людяхъ зрѣлыхъ лѣтъ
Порядка колебать намѣренія нѣтъ.
Ты мимо выстрѣлилъ, мой другъ, своимъ отвѣтомъ.

КУЗЬМИНЪ.

Я въ вольнодумствѣ васъ и не виню.

САРАЕВЪ.

Постой!
Ты выслушай. Совсѣмъ я не объ этомъ...

КУЗЬМИНЪ.

Для многихъ выгодны рутина и застой...

САРАЕВЪ.

Не о застоѣ рѣчь и дѣло не въ рутинѣ, —
А въ страсти разрушать!..

КУЗЬМИНЪ.

Да по какой причинѣ?

САРАЕВЪ.

А Богъ ихъ знаетъ!.. Страсть!..

КУЗЬМИНЪ.

Да страсть-то почему?

САРАЕВЪ.

Такъ!.. Дай, молъ, на Руси подымемъ кутерьму!..
Я также прогрессистъ...

КУЗЬМИНЪ.

Слыхалъ.

САРАЕВЪ.

Послушай снова.
А все должна же быть подъ обществомъ основа...
Насчетъ основы-то, мой другъ, какъ для кого, —
А я стою за status quo
И доводы мои такъ правильны и вѣски,
Что ихъ легко понять логичной головѣ.
Основа есть канва; прогрессъ же — арабески
Пожалуй вышивай, — но только по канвѣ.
А если ты хотя и золотою ниткой
Начнешь по воздуху свой ковырять узоръ.

Ты только насмѣшишь, мой другъ, своей попыткой,
И твой прогрессъ — есть пуфъ и вздоръ!..

КУЗЬМИНЪ.

Да, вѣско!

САРАЕВЪ.

То-то.

КУЗЬМИНЪ.

Да. Какъ хороша погода!
Пойти бы погулять.

САРАЕВЪ.

Окончимъ разговоръ.

КУЗЬМИНЪ.

Ну что! Сужденія вѣдь всѣ такого рода,
Что пользы намъ отъ нихъ немного до сихъ поръ.

САРАЕВЪ.

Но мы вѣдь не дошли еще до заключенья.

КУЗЬМИНЪ.

Но врядъ ли и дойти намъ этакимъ путемъ.

САРАЕВЪ.

Побольше прямоты, спокойствія, терпѣнья, —
Тогда, быть можетъ, и дойдемъ.
Будь искрененъ. Скажи, — какъ вѣрный сынъ отчизны, —
Ужель не проклянёшь ты этакихъ людей?..
Ужели-жъ и дѣла, и мысли ихъ твоей
Не заслужили даже укоризны?..
(*Кузьминъ молчитъ.*)
Ну, что-жъ молчишь, мой другъ? Иль это — ничего?

Иль, можетъ статься, самъ, тѣ-жъ замыслы лелѣя,
Ты видѣть на Руси желалъ ихъ торжество?
Скажи. Я не agent provocateur. Смѣлѣе!..

КУЗЬМИНЪ.

Да что̀ мнѣ вамъ сказать?

САРАЕВЪ.

Какъ—что?.. Ты любишь Русь?

КУЗЬМИНЪ.

Другъ друга понимать такъ трудно зачастую...

САРАЕВЪ.

Да Русь ты любишь?

КУЗЬМИНЪ.

Я вотъ и теперь боюсь...

САРАЕВЪ (*все съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ*).

Ты любишь Русь?

КУЗЬМИНЪ.

Русь?

САРАЕВЪ.

Да!

КУЗЬМИНЪ.

«Святую», что-ли?

САРАЕВЪ.

Святую!

Я сынъ святой Руси! любовью къ ней горжусь!
И это всѣмъ скажу! А ты какъ?

КУЗЬМИНЪ.

Я скажу ли?
Нѣтъ!.. развѣ напередъ взобравшись на ходули.
Я паѳоса въ дѣлахъ подобныхъ не терплю.
Во-первыхъ, что̀ за Русь? Россію я люблю.
Вотъ къ ней любовь сильна. Но не къ «святой», конечно;
А къ той, какая есть на дѣлѣ, — къ многогрѣшной.
Притомъ къ нѣмой, къ слѣпой, къ глухой... Вотъ, вмѣсто фразъ,
Къ ней подходящіе эпитеты какъ разъ.
Дѣйствительность любить дѣйствительной любовью —
Не то, что вяло млѣть предъ призракомъ пустымъ.
Я родину люблю и нервами, и кровью,
И мозгомъ... всѣмъ, что̀ есть, всѣмъ существомъ моимъ.
Дѣлю я горе съ ней и радость — коль случится.
Когда — ей поклонюсь; когда — ее ругну.
Какъ равный равную люблю свою страну.
А вы насъ учите: святой Руси — молиться.
Мы лишь поклоны класть да ей кадить должны...
Какая-жъ тутъ любовь!.. Роль вашего кумира
Съ восторгомъ смѣнитъ Русь на роль живой страны
Среди живого міра!

САРАЕВЪ.

Прекрасно! Ты правдивъ, не любишь фразъ,
Ты любишь родину гораздо лучше насъ, —
Тѣмъ любопытнѣе мнѣ знать, какого рода
Ты наконецъ мнѣ дашь отвѣтъ.
Я спрашивалъ тебя: сочувствуешь ты?..

КУЗЬМИНЪ — *рѣзко и нетерпѣливо.*

Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Гм!.. Ты не думаешь, что польза для народа
Отъ нихъ могла бы?..

КУЗЬМИНЪ.

Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

Такъ эти господа
Подъ категорію преступныхъ?..

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ — *помолчавъ*.

Еще одинъ вопросъ: со мною откровенно
Ты говоришь объ этомъ?

КУЗЬМИНЪ.

Совершенно.

САРАЕВЪ.

Ну, вѣрю. Почему-жъ, почтеннѣйшій Кузьминъ,
Такъ долго мялся ты? Какая же причина...

КУЗЬМИНЪ.

Я объясню вамъ. Есть здѣсь русскій господинъ,
Такихъ же лѣтъ, какъ вы, того-жъ, быть можетъ, чина,
Но нѣтъ сомнѣнія, что общества того-жъ.
Ужъ очень онъ на васъ манерами похожъ.
За общимъ онъ столомъ, какъ слѣдуетъ сосѣду
Притомъ соотчичу, повелъ со мной бесѣду.
Но такъ какъ есть всему и мѣра, и предѣлъ,
Я, кончивъ мой обѣдъ, прервать ее хотѣлъ.
«Куда вы?» говоритъ. «Сегодня очень жарко,
Пойдемте погулять въ тѣни прохладной парка».
Пошли. Вдругъ видитъ онъ ползетъ большой червякъ.
«Ишь, пресмыкается», онъ говоритъ, «бѣднякъ
«У самыхъ нашихъ ногъ, безсиленъ, безоруженъ.

«Пускай живетъ! Почемъ я знаю», говоритъ,
«Быть можетъ, онъ еще въ системѣ міра нуженъ.
«Природа мудрая безъ цѣли не творитъ.
«Я», говоритъ, «всегда — червя или козявку
«Съ дорожки подыму и отнесу на травку».
Смотрю: дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ —
Червя, поднявъ съ земли, на травку положилъ.
Вотъ, думаю, душа любовная какая!
Вѣдь сущій ангелъ во плоти!..
И такъ болтаемъ мы, все рядышкомъ шагая;
Но вздумалъ отъ червей онъ къ людямъ перейти.
И лишь коснулась рѣчь вотъ этого процесса, —
Соотчичъ-ангелъ вдругъ преобразился въ бѣса.
И голоса его ласкающій напѣвъ,
И мягкость тучныхъ формъ, и взоры съ поволокой —
Исчезло это все въ одно мгновенье ока.
Онъ словно похудѣлъ, трясясь и поблѣднѣвъ.
На мѣсто барственной развалистой походки,
Какъ лошадь съ норовомъ прыжками онъ пошелъ.
То, шляпу сдернувши, взъерошитъ свой хохолъ,
То тростью загрозитъ; а между тѣмъ изъ глотки
Импровизація ругни такъ и лилась.
Смотрю, ужъ публика сбирается вкругъ насъ;
А онъ, подъ тѣнію общественнаго сада,
Оретъ: «Казнить ихъ всѣхъ! Ихъ перевѣшать надо!..»
Неловко стало мнѣ и стыдно за него.
Я началъ укрощать... Куда! Взамѣнъ того,
Чтобъ отнестись къ моимъ внушеньямъ благодарно, —
«Вся молодежь», кричитъ, «вся съ ними солидарна!»
Такъ вотъ чтò! Эта злость тупая мнѣ мерзитъ.
О массѣ юныхъ силъ погибшихъ я жалѣю.
Они преступны, да! но мнѣ — я думать смѣю —
Преступниковъ жалѣть никто не воспретитъ.
Ихъ пожалѣть могло-бъ и ваше поколѣнье.

Отвѣтственность должны за многое вы несть.
Ужъ вамъ ли не понять, судя ихъ преступленье,
Что обстоятельства смягчающія — есть!
Не правда-ль? Вы-жъ, отцы, подъ страхомъ бѣдствій мни-
мыхъ.
Такъ начали пещись о дѣтяхъ горячо,
Что ужъ считаете ихъ всѣхъ за подсудимыхъ;
Для васъ — преступникъ тотъ, кто не созрѣлъ еще.
Хотѣлось вамъ узнать: зачѣмъ я долго мялся,
Зачѣмъ не отвѣчалъ? Вотъ я ужъ вамъ признался.
Напрасно, можетъ быть; а все-жъ, при видѣ васъ,
Червяколюбецъ тотъ мнѣ вспомнился тотчасъ.

САРАЕВЪ — *нѣсколько сконфуженный.*

Напрасно!.. Ежели и грѣшенъ я въ чемъ-либо
Передъ твоимъ судомъ за старостію лѣтъ,
То къ юношамъ во мнѣ ужъ вовсе злобы нѣтъ.

КУЗЬМИНЪ.

Ну, добрый человѣкъ. За это вамъ спасибо.

САРАЕВЪ.

Однако возстаю я противъ кой-чего.
Не все мнѣ нравится.

КУЗЬМИНЪ.

Вы въ правѣ. Ну, такъ что же!
Изъ пожилыхъ людей я знаю одного
Довольно близко. Онъ хоть васъ и помоложе,
Эпохи все-таки годовъ сороковыхъ, —
И онъ вѣдь въ юношахъ худого много видитъ,
Порою ихъ коритъ, порой скорбитъ о нихъ;
Но вы не скажете, что онъ ихъ ненавидитъ.
Онъ знаетъ молодежь и съ выгодныхъ сторонъ;
Стремленью къ цѣльности желаетъ онъ успѣха.

И больше все за то насъ упрекаетъ онъ,
    Что сами мы себѣ помѣха.
Въ душѣ идеалистъ и не ровесникъ намъ,
За новой жизнью вслѣдъ онъ двигается самъ...
Вотъ новый духъ для васъ, мнѣ мнится, не приманка.

САРАЕВЪ.

Духъ демократіи.

КУЗЬМИНЪ.

А вы — аристократъ?
Чтó дѣлать! Крайности другъ съ дружкой идутъ въ рядъ.
    Гдѣ есть лицо, тамъ есть изнанка.

САРАЕВЪ.

Я, признаюсь, — лицо.

КУЗЬМИНЪ.

Ну, очень радъ.

САРАЕВЪ.

Какъ членъ сословія.

КУЗЬМИНЪ.

Зовитесь какъ угодно.

САРАЕВЪ.

Но мы, о сторонѣ радѣя лицевой,
Блюдемъ и интересъ изнанки. Намъ онъ свой,
Хоть не зовемъ себя мы партіей народной.

КУЗЬМИНЪ.

Не выйдетъ ничего, себя какъ ни зови,
Коль ни понятья нѣтъ, ни сердца. Скорби, нужды,
Страданья — лишь тому, скажу я вамъ, не чужды,
Кто самъ бѣднякъ; иль весь, исполненный любви

И правды, посвятилъ свой умъ и силу воли
На облегченіе людской тяжелой доли.

САРАЕВЪ.

Да... но у насъ мужикъ имѣетъ свой надѣлъ;
Межъ тѣмъ вѣдь и о немъ скорбятъ иные очень.

КУЗЬМИНЪ.

Желаютъ, чтобы онъ еще сытнѣе ѣлъ.

САРАЕВЪ.

А за него желать имъ кто-жъ уполномоченъ?
Что-жъ, развѣ онъ просилъ вступиться за него?

КУЗЬМИНЪ.

Такъ если человѣкъ при насъ, положимъ, тонетъ —
Его спасать не надо, оттого,
Что онъ о помощи не проситъ, — только стонетъ
Да выбивается изъ силъ въ своей борьбѣ?

САРАЕВЪ.

Имѣетъ свой надѣлъ, я говорю тебѣ.
Всю землю, что-ль, отдать? Благодарю покорно!

КУЗЬМИНЪ.

Къ подобной щедрости не приглашаю я.

САРАЕВЪ.

Объ этомъ кончено. Еще предметъ есть спорный.

КУЗЬМИНЪ.

Какой?

САРАЕВЪ.

Вашъ реализмъ. Коробитъ онъ меня.
Сквозитъ онъ въ женщинѣ, не только что въ мужчинѣ.

Какъ, словно сговорясь, всѣ начали вы вдругъ
Значенье восхвалять естественныхъ наукъ.
Вѣдь ты не лѣкарь?

КУЗЬМИНЪ.

Нѣтъ.

САРАЕВЪ.

А смыслишь въ медицинѣ!
Зачѣмъ?

КУЗЬМИНЪ.

Сперва я былъ юристъ,
Но бросилъ эту часть и сталъ...

САРАЕВЪ.

Сталъ нигилистъ!..
Мой другъ, мнѣ жаль тебя; вѣрь моему участью!
Наукъ естественныхъ какъ яду берегись!

КУЗЬМИНЪ.

Вотъ какъ! Я ими-то и занимаюсь съ страстью.
А чѣмъ ихъ замѣнить?

САРАЕВЪ.

Ну, что глядѣть все внизъ!
Въ міръ сверхъестественный ты духомъ возносись.

КУЗЬМИНЪ.

Куда мнѣ! Грѣшный умъ чуждается святыни;
Все бродитъ по землѣ, все занятъ злобой дня.

САРАЕВЪ.

Безъ дисциплины умъ, какъ странникъ средь пустыни,
Идущій наугадъ иль ночью безъ огня.

Вамъ концентраціи доселѣ недоставало!
Латынь — вотъ школа вамъ!

КУЗЬМИНЪ — *иронически.*

Работать я привыкъ.

САРАЕВЪ.

Такъ что же?

КУЗЬМИНЪ.

Для ума латыни вашей мало.

САРАЕВЪ.

А мало, такъ прибавь къ ней греческій языкъ.

КУЗЬМИНЪ.

Я жить хочу!

САРАЕВЪ.

Живи! О смерти нѣтъ и рѣчи.

КУЗЬМИНЪ.

Да не по силамъ грузъ кладете вы на плечи.
Устройте такъ, чтобъ жизнь возможна намъ была.

САРАЕВЪ.

Что!.. жизни нынѣшней вамъ ноша тяжела?
Существованіе для васъ теперь есть бремя?
Въ эпоху всѣхъ реформъ?

КУЗЬМИНЪ.

Я знаю: «Въ наше время,
«Когда...» и прочая. И слышалъ, и читалъ.
Довольно времени я нашему похвалъ.

САРАЕВЪ.

И не напрасно ихъ читаемъ мы и слышимъ.
Когда сравнишь ты жизнь въ былыя времена
Съ теперешней — поймешь, какъ двинулась она.
Теперь и судимъ мы, и безъ цензуры пишемъ...
Но льготы и права оставь на этотъ разъ.
Скажи мнѣ: въ чемъ нашъ долгъ? Чтò требуютъ отъ насъ—
Не власть, но общество, но духъ нашъ современный?
Вотъ и увижу я: подъ тяжестью согбенный,
Какой же это грузъ ты хочешь сбросить съ плечъ?
По мнѣнью моему, быть надо очень хилымъ,
Чтобы о немъ сказать, что намъ онъ не по силамъ.
Ну, вотъ хоть напримѣръ: когда ведется рѣчь
О древнихъ языкахъ, то мыслію какою
Всѣ руководятся? какихъ послѣдствій ждутъ?
Что уподобишься ты древнему герою?
Что будешь доблестей цивическихъ сосудъ?
Ничуть! Принадлежимъ мы къ русскому народу —
Во-первыхъ; а потомъ — не къ древнимъ временамъ;
Такъ, значитъ, незачѣмъ насиловать природу,
Античный героизмъ навязывая намъ.
Да и никто, мой другъ, объ этомъ не хлопочетъ.
Своя у насъ есть цѣль, и къ ней — свои пути.
Чтò нужно намъ теперь? Чего Россія хочетъ?
Вздохнуть маленько. Ну, ее ты не мути.
Пускай покоится. Вѣдь это не отъ лѣни.
Чтò можетъ ей вредить? — Шатаніе умовъ.
Ну, надмевающихъ остерегайся словъ
И субверсивныхъ направленій.
Чтò нужно ей отъ насъ? — Любовь къ ней. Ну, люби!
Какъ? — Будь врагомъ интригъ, подпольныхъ козней, таинъ;
На обрусѣніе окраинъ
Патріотизмъ употреби.
А если до войны дойдетъ, положимъ, дѣло, —

Тогда что?—расширяй отечества предѣлы.
Вотъ все! я болѣе не знаю ничего;
Но, можетъ быть, тебѣ еще кой-что извѣстно?

КУЗЬМИНЪ.

Мнѣ? Нѣтъ.

САГАѢВЪ.

Такъ ропщешь ты на тягость отчего?
Вѣдь это—извини—не честно!
Теперь-то и легко тому, кто патріотъ.
Вотъ прежде вѣялъ духъ средь насъ небезопасный;
Но этотъ миновалъ тяжелый періодъ:
И мы гражданскій долгъ уразумѣли ясно.
Печать на честный путь вступила чуть не вся.
О, пусть же этотъ стражъ хранитъ насъ неотлучно,
Намъ утро каждое свой рапортъ поднося:
«Все обстоитъ благополучно!»

КУЗЬМИНЪ.

Изъ спорныхъ есть еще какой-нибудь предметъ?

САГАѢВЪ.

Есть. Нравственность. У васъ...

КУЗЬМИНЪ.

Приличій внѣшнихъ нѣтъ!

САГАѢВЪ.

Ужъ нигилисты такъ приличья всѣ попрали,
Что въ нихъ ни внѣшней нѣтъ, ни внутренней морали
Что свято намъ, имъ—вздоръ иль, какъ сказалъ ты—звукъ:
Семья, и долгъ, и честь, и святость брачныхъ узъ.

Ужъ коль не нравственность, такъ опасенье срама
Могло-бъ...

(Проходитъ черезъ сцену очень красивая, статная и полная дама, одѣтая особенно нарядно и изысканно. Сараевъ обращаетъ на нее все свое вниманіе и замолкаетъ съ открытымъ ртомъ. Кузьминъ, который въ это время чертилъ, нагнувшись, тросточкой по песку, вдругъ обращается къ Сараеву, удивленный его молчаніемъ.)

КУЗЬМИНЪ.

Что-жъ вы?

САРАЕВЪ—*слѣдя глазами за дамой, отвѣчаетъ съ притворнымъ равнодушіемъ.*

Какъ бы узнать, кто эта дама?
Какой античный бюстъ! Узнаю-жъ наконецъ!..

КУЗЬМИНЪ.

Она—француженка.

САРАЕВЪ—*все болѣе и болѣе измѣняя своему равнодушію.*

А!

КУЗЬМИНЪ.

Русскій тутъ купецъ
Знакомъ съ ней.

САРАЕВЪ.

А!

КУЗЬМИНЪ.

Она передъ осадой
Покинула Парижъ. Сказали, видно, ей,

Что барынь этакихъ покамѣстъ тамъ не надо.
Она перебралась къ врагамъ земли своей,
Да и не думаетъ обратно путь направить.
Живетъ, гдѣ дѣло есть. А здѣсь затѣмъ она,
Чтобъ мяса лишняго лѣченьемъ поубавить:
Эфирнѣй хочетъ быть: находитъ, что жирна.
Вотъ вамъ исторія прекрасной этой дамы.
Мнѣ разсказалъ ее вчера купецъ тотъ самый.

САРАЕВЪ — *съ волненіемъ.*

Но это варварство!.. Нельзя ли какъ-нибудь
Сказать ей, что ея намѣренье безбожно!..
Что ей пока худѣть не слѣдуетъ!.. Какъ можно
На эту посягать классическую грудь!..
Будь дѣвочка она, иль небольшого роста —
Ну, нѣжность томная была бы ей къ лицу...
Что-жъ твой купецъ молчитъ? Я вижу, глупъ онъ просто...
Что впрочемъ и простительно купцу...
Позволить ей худѣть безъ всякаго резона!..
Такою мощью формъ роскошною владѣть!..
Такимъ сокровищемъ!.. и — хочетъ похудѣть!..
Помилуй! Вѣдь она — вакханка, не мадона!..

КУЗЬМИНЪ.

Да и купецъ, какъ вы, объ этомъ же споритъ,
Но формулируетъ иначе мысли ваши.
По мнѣнію его: не портитъ масло каши,
А тучность — бабѣ не вредитъ.

САРАЕВЪ.

Не тучность — красота! Такія формы рѣдки!
А знаешь ты, куда она поѣдетъ?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

За несомнѣнною получкой у рулетки
Въ Висбаденъ.

САРАЕВЪ.

Боже мой! Да вѣдь и я туда.

КУЗЬМИНЪ—*помолчавъ*.

Позвольте, наконецъ, и мнѣ обезпокоить
Васъ любопытствомъ: вы—вдовецъ иль холостой?

САРАЕВЪ.

Гмъ!.. Любопытствуешь ты, другъ мой, съ мыслью той,
Что я француженкѣ сбираюсь куры строить.
Что дѣлать! Признаюсь: женатъ я; не вдовецъ.
Кутежъ съ француженкой, пожалуй, не у мѣста.

КУЗЬМИНЪ.

Есть дѣти?

(*Сараевъ утвердительно киваетъ головой*.)

Взрослые?

САРАЕВЪ.

Да. Сынъ ужъ молодецъ.
Кавалергардъ.

КУЗЬМИНЪ.

Есть дочь?

САРАЕВЪ.

И дочь уже невѣста. (*Молчаніе*.)
Ну, что-жъ молчишь? Брани! Теперь чреда твоя.

КУЗЬМИНЪ.

Чтò васъ бранить? А вотъ узнать желалъ бы я:
За чтò обруганы такъ вами нигилисты?

Не всѣ слывущіе за новыхъ, правда, чисты.
Иные, какъ товаръ съ подложнымъ ярлыкомъ,
Неподходящую себѣ присвоивъ кличку,
На нивѣ, вспаханной съ любовью и трудомъ,
Разводятъ вашу же клубничку:
Все такъ,— но вѣдь они не хуже прочихъ всѣхъ.
Дурить на новыхъ ли, на старыхъ ли основахъ —
Не все-ль равно? Межъ тѣмъ есть нравственный успѣхъ:
Есть много честности, есть правда въ мысляхъ новыхъ.
Вѣдь черная пока работа все идетъ, —
Такъ какъ же безъ возни, безъ пыли и безъ сора?
Постойте! Будущность весь мусоръ подмететъ
И зданье чистое откроется для взора.

САРАЕВЪ—*отрицательно качая головой.*

Нѣтъ, нѣтъ!

КУЗЬМИНЪ.

Ну, все равно. Положимъ, что подчасъ
Мы, юноши, грѣшимъ и, съ вашей точки зрѣнья,
Свершаемъ даже преступленья, —
Но въ этомъ дѣлѣ чѣмъ безнравственнѣй мы васъ?
Мишенью вашихъ стрѣлъ вѣдь служимъ съ давнихъ поръ мы.
За что-жъ такая злость?

САРАЕВЪ.

За необычность формы.
Замѣтны слишкомъ вы. Повѣрь, что оттого...
И въ этомъ случаѣ сужденье наше вѣрно.
Ты скажешь, напримѣръ: гражданскій бракъ... ну, скверно!
Безъ брака просто — ничего.
Я грѣшенъ самъ... да что! Зовутъ насъ лицемѣромъ.
Невѣрность женъ мужьямъ, мужей невѣрность женамъ —
У насъ все это есть; все явно... Дѣло въ томъ,

Что святость брачныхъ узъ мы, другъ мой, признаемъ.
Въ принципѣ весь вопросъ; не въ томъ, чтобъ быть аскетомъ.
Ужъ началъ говорить, такъ все тебѣ скажу:
Хотя въ ущербъ семьѣ, хоть нѣтъ нужды по лѣтамъ —
Вѣдь я любовницу держу.
Да, другъ мой! И о томъ всѣ въ Петербургѣ знаютъ...

(Слышно, какъ оркестръ играетъ извѣстный русскій романсъ: «Скажите ей».)

Ты слышишь? Вонъ—романсъ: «Скажите ей!» играютъ...

(По выраженію его лица видно, что музыка его умиляетъ и разнѣживаетъ. Когда, послушавъ нѣкоторое время въ молчаніи, онъ начинаетъ говорить, оркестръ еще продолжаетъ играть.)

Мы всѣ невольники страстей...
Въ насъ кровь кипитъ, въ насъ сердце млѣетъ, —
И всѣ поемъ, какъ кто умѣетъ:
Скажите ей! Скажите ей!

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Ахъ, другъ мой!.. Съ юныхъ лѣтъ я былъ слугой мамонѣ...
Служу ей и теперь! Ей жертвую на склонѣ
Земного бытія остаткомъ бренныхъ силъ...
Сегодня же я такъ мамону угобзилъ!
И снѣдью, и питьемъ!.. Мнѣ даже скверно, тѣсно,
И трудно говорить,—хотя и говорю...
Обѣдъ отличный былъ! Но Богу лишь извѣстно,
Какъ я его переварю...

КУЗЬМИНЪ.

А богомольны вы? узнать позвольте.

САРАЕВЪ.

Тайный
Совѣтникъ я. Отецъ твой только былъ штатсрать,
А вѣровалъ вѣдь?

КУЗЬМИНЪ.

Да.

САРАЕВЪ.

Лишь рѣдко и случайно
Сановникъ выдается безбожный, какъ вашъ братъ.
Нашъ кругъ совсѣмъ иной: мы, другъ мой, не студенты.
Компрометировать мой санъ не стану я;
Имѣю ордена—не крестики, а ленты,—
Такъ упражняться мнѣ въ безвѣріи нельзя.
Притомъ теперь въ ходу,—конечно, въ высшей сферѣ,
Не въ вашей, нѣтъ!—вопросъ о церкви и о вѣрѣ.
Я въ обсужденіи его не отстаю.
Напротивъ! На предметъ взглянувъ яснѣй и шире,
Я даже написалъ солидную статью...

КУЗЬМИНЪ.

Какъ называется?

САРАЕВЪ.

«О православномъ клирѣ».

КУЗЬМИНЪ.

Я вижу васъ съ одной служебной стороны

САРАЕВЪ.

А прочія для всѣхъ закрыты быть должны.
Опять тебѣ скажу: болтаете вы много
О томъ, чего и знать не надо никому.
Про васъ кричать, что вы не вѣруете въ Бога;
А обо мнѣ кричать не станутъ. Почему?
Хожу во храмъ,—и тамъ молюсь Ему.
Да! внутренній нашъ міръ хранимъ мы безъ огласки
Насъ опытъ научилъ, что искренность есть вздоръ.

Коли не пагуба; и мы надѣли маски.
Ты скажешь: ложь! Ну, да! Мы лжемъ и съ давнихъ поръ...
А что есть истина? Ее встрѣчалъ ты въ жизни?..
Пусть ложь! Она и намъ полезна, и отчизнѣ.
Устроить сносно жизнь лишь можетъ компромиссъ.
Въ насъ—внѣшній человѣкъ и человѣкъ интимный
Подъ видомъ двоицы въ одномъ лицѣ слились—
И покупаютъ миръ уступкою взаимной.

КУЗЬМИНЪ.

Идей двѣ серіи подмѣтилъ я у васъ:
Вотъ, кодексъ доблестей гражданскихъ—это разъ.
Его-то понялъ я.

САРАЕВЪ.

А понялъ—честь и слава!

КУЗЬМИНЪ.

Да вѣдь рецептъ простой: не мудрствуя лукаво,
Будь патріотъ, да словари
Латинскій съ греческимъ зубри.
Тутъ нѣтъ неясностей; вся суть видна отлично.
Другая-жъ серія—о нравственности личной—
Темнѣе. Вотъ объ ней растолковать нельзя-ль
Хоть вкратцѣ: въ чемъ тутъ суть? Въ чемъ времени мораль?

САРАЕВЪ.

За эту суть должна быть юность благодарна.
Я съ точки зрѣнія смотрю утилитарной.
Быть нравственнымъ, какъ мы—удобно. Наконецъ
Безвредно и грѣшить на нашъ же образецъ.
Въ обоихъ случаяхъ вамъ правила готовы
И путь ужъ проложёнъ. Къ чему-жъ вамъ нуженъ новый?
Вотъ все! Но я еще прибавлю пару словъ:

Вы мыслью задались, отъ чтенія Дарвина,
Что человѣкъ, среди скотовъ,
Есть самъ не болѣе какъ высшая скотина.
Намъ смуту эта гниль готовитъ впереди.
Нѣтъ! человѣка не своди
Съ его священнаго подножья!..
Но плоти немощной, какъ мы, животнымъ будь,
Но чти въ себѣ — подобье Божье.
Вотъ времени мораль, и вотъ тебѣ вся суть.
Ну! высказалъ я все, всю душу! И не скрою,
Что не былъ я ни съ кѣмъ, любезнѣйшій Кузьминъ,
Такъ откровененъ, какъ съ тобою.
Ты мнѣ понравился. Почтительный ты сынъ...

КУЗЬМИНЪ.

Какая-бъ ни была довѣрія причина,—
Благодарю я васъ.
(*Взглянувъ въ сторону, встаетъ*).
А вотъ и мать моя;
Знать ищетъ своего почтительнаго сына.

САРАЕВЪ.

А! такъ задерживать тебя не смѣю я.
(*Беретъ руку Кузьмина и дружелюбно держитъ ее въ своей.*)
Ну, до свиданія. Желаю, мой любезный,
Чтобъ были для тебя хоть нѣсколько полезны
Мои совѣты.

КУЗЬМИНЪ.

Что-жъ! Совѣты хороши
Прощайте. Ухожу.

САРАЕВЪ.

Иди и не грѣши.

КУЗЬМИНЪ—*уходя.*

Какой оригиналъ!..—Онъ—нагрузился-ль плотно,
Иль ужъ дѣйствительно такъ искрененъ и милъ?

(Уходитъ.)

САРАЕВЪ—*одинъ.*

Я, можетъ быть, пересолилъ,
Разоблачась предъ нимъ со стороны животной...

(Помолчавъ.)

Чтó, если было мнѣ сегодня суждено
Спасти заблудшаго?.. Едва-ль!.. Надежды мало!.
Я думаю—мое зерно
На почву тощую упало!..
Безъ древнихъ языковъ нельзя...

(Француженка, возвращаясь, проходитъ черезъ сцену.)

Назадъ идетъ!..
Какая поступь!.. Грудь!.. И похудѣть желаетъ!
Взглянула... Господи! Какъ этотъ взглядъ зоветъ!
И какъ онъ много обѣщаетъ!..

(Встаетъ со скамьи и, напѣвая мотивъ романса: «Скажите ей», уходитъ вслѣдъ за француженкой.)

1872 г.

СКАЗКА О ГЛУПОМЪ БѢСѢ

И

О МУДРОМЪ ПАТРІОТѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Замыселъ борьбы.

I.

Разъ выходилъ тайкомъ изъ спальной
Съ побѣдой легкой и пустой
Одинъ изъ демоновъ, спецьяльно
Соблазномъ женщинъ занятой.
Онъ былъ не въ духѣ. Пресыщенный
Паденьемъ чистыхъ женъ и дѣвъ,
И самъ себѣ ужъ надоѣвъ
Своей фигурою влюбленной,
Бѣсъ разсуждалъ: «Все-жъ нѣтъ причинъ
Мнѣ измѣнять своей задачѣ.
Я въ жертвы выберу мужчинъ —
Опять невинныхъ, не иначе.
Но дѣло не хотѣлъ бы я
Имѣть съ какой-нибудь дубиной.

Мужъ съ чистотою голубиной
Быть мудрымъ долженъ какъ змѣя».
И вдругъ онъ струсилъ. «Я рискую,
Задачу выбравши такую.
Тутъ не до клятвъ и жалкихъ словъ.
Мужчину не погубишь лаской.
Съ нимъ поединокъ такъ мнѣ новъ
Что потерпѣть могу фіаско».
И онъ рѣшился къ сатанѣ
Пойти просить благословенья:
«Пусть дастъ совѣтъ владыка мнѣ
И разрѣшитъ мои сомнѣнія!»

II.

Съ вниманьемъ выслушавъ его
Такъ отвѣчалъ ему владыка:
«Коли усердіе велико,
Достигнуть можно до всего.
Но робкимъ, вялымъ и унылымъ,
Когда мечтаешь о борьбѣ,
Быть не годится. Трудъ тебѣ
Я впрочемъ отыскалъ по силамъ.
Къ себѣ таинственность влечетъ
Тебя приманкой вѣчно новой;
Въ искусствѣ совлекать покровы
Ты изощрилъ себя. Такъ вотъ:
Есть на землѣ такой народъ,
Въ которомъ встрѣтилъ бы ты много
Весьма загадочныхъ сторонъ.
Какъ бы нарочно созданъ онъ
Для наблюденій психолога.
Его извѣдать и постичь —
Вотъ чѣмъ задачу ограничь
На первый разъ. Трудъ—не тяжелый

А между тѣмъ нѣтъ лучшей школы
Для новичка, какъ этотъ трудъ.
Россіей ту страну зовутъ,
Куда сперва на испытанье
Тебя я шлю. Безъ колебанья
Направься, сынъ мой, въ этотъ край.
Ты, слава Богу, бѣсъ не глупый.
Смотри, бесѣдуй, наблюдай
И почву, такъ сказать, ощупай.
Россія-жъ именно теперь
Переживаетъ трудный кризисъ;
Вотъ смыслъ его ты и провѣрь,
Съ людьми различныхъ мнѣній сблизясь.
Потомъ, явясь, мнѣ дай отчетъ.
Представь докладъ на данныхъ точныхъ:
Чтó это нынѣ за народъ?
О свойствахъ добрыхъ и порочныхъ,
Невольно къ правдѣ иль ко лжи
Его влекущихъ, доложи.
Чтó въ немъ сильнѣе: тѣ ли, эти-ль?
Къ чему онъ слабъ? Въ чемъ твердъ и строгъ?
Какой упорнѣй въ немъ порокъ?
Какая выше добродѣтель?
Итакъ, сперва поди: учись!»
— «Твои исполню я велѣнья»,
Отвѣтилъ бѣсъ; но самомнѣнья
Въ немъ чувства снова поднялись.
И разсуждалъ онъ втихомолку:
«Не всё-жъ учиться! Я хочу
Тамъ и мужчинъ совсѣмъ сбить съ толку,
Лишь только нравы изучу!»

И вотъ, летя надъ нивъ,
Пылая жаждой темныхъ дѣлъ,

На крыльяхъ снѣговой метели
Въ Россію демонъ прилетѣлъ.

III.

Сконфуженъ бѣсъ. Давно ужъ бродитъ
Въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ,
Но выдающихся сторонъ
Въ народѣ русскомъ не находитъ.
А потому рѣшить не могъ,
Хоть былъ всѣхъ дѣлъ его свидѣтель:
Какой упорнѣй въ немъ порокъ,
Какая выше добродѣтель?
«Престранный—думалъ онъ—народъ!
Онъ тѣмъ лишь словно и живетъ,
Что рядъ вопросовъ, какъ загадка,
Для разрѣшенья задаетъ.
Что-жъ! въ періодѣ-ль онъ упадка,
Иль расцвѣтанія въ порѣ?
Какихъ онъ—злыхъ иль добрыхъ правилъ?
Иль ни о злѣ, ни о добрѣ
Совсѣмъ понятья не составилъ?
Таитъ ли онъ избытокъ силъ,
Хворая нравственно лишь къ росту;
Иль заключить придется просто,
Что онъ хоть взбалмошенъ, да хилъ?
Міровоззрѣнія мы знаемъ
Другихъ народовъ; что̀ же—онъ?
Какою мыслью управляемъ?
Въ какихъ началахъ убѣжденъ?
И что̀ потомъ всѣ эти значатъ
Противорѣчья у него?
Вѣдь, право, чорта самого
Изъ нихъ иныя озадачатъ!
И какъ состряпалъ онъ въ себѣ

Свойствъ несовмѣстныхъ совмѣщенье:
Духъ миролюбія—въ борьбѣ,
И верхъ тщеславія—въ смиреньи?
Межъ тѣмъ какъ высшихъ силъ подъемъ
Родитъ благихъ реформъ эпоха
Въ другихъ народахъ,—очень плохо
Реформы выразились въ немъ.
Ну, чѣмъ же жизнь онъ проявляетъ?
Чтобъ разогнать ея тоску,
Онъ меледу перебираетъ
Да вьетъ веревки изъ песку!..
Нѣтъ, я его не понимаю!
И ужъ какой придется мнѣ
Отчетъ представить сатанѣ —
Вотъ, хоть убей меня, не знаю».

IV.

Сталъ бѣсъ бродить по городамъ,
И по дорогамъ, и по селамъ, —
Но въ духѣ также здѣсь и тамъ
Онъ былъ далеко не веселомъ.
Все изучалъ онъ большинство;
Въ его средѣ все обращался;
То, льстя хвалой, ласкалъ его;
То разозлить его пытался;
Читалъ газеты; говорилъ
И даже дѣйствовалъ не мало;
И самъ учился, и училъ —
Но ничего не помогало.
И онъ твердилъ себѣ, тихомъ,
Тоской безвыходной своею:
«Я чувствую, какъ съ каждымъ днемъ
Все постепенно я глупѣю»
Но разъ, — ведя, безплодно, долгъ,

Средь Петербурга жизнь пустую,—
Онъ вдругъ рукой по лбу провелъ
И произнесъ: «Нашелъ! И чую
Уже побѣды ореолъ!
Да, доблесть самую большую
Въ народѣ русскомъ я нашелъ!
Патріотизмъ!.. Хоть есть въ урокѣ:
Найти порокъ... но ничего!
Я поклянусь, что у него
Равно велики всѣ пороки!
Зато есть доблесть! Наконецъ!
О, ликъ ея какъ чистъ и свѣтелъ!
А я ищу ее, слѣпецъ!
Слона-то я и не примѣтилъ!..
Но не одна тутъ слѣпота:
Въ свое скажу я извиненье,
Что этой доблести черта
Такъ пронизала всѣ явленья,
Что мной за актъ лишь принята
Простого жизни отправленья.
И впрямь: радѣетъ патріотъ
Здѣсь такъ же просто объ отчизнѣ,
Какъ просто спитъ, и ѣстъ, и пьетъ.
Въ другихъ дыханье—признакъ жизни;
Въ немъ доблесть—знакъ, что онъ живетъ.
Итакъ, всѣхъ выше добродѣтель —
Патріотизмъ! Открытъ секретъ.
Теперь тебѣ спасенья нѣтъ,
Земли печальникъ и радѣтель!
Довольно ждалъ я! Въ сѣть мою
Тебя я, вѣжливо и ловко,
Красивымъ словомъ заманю,
Какъ вкуснымъ саломъ въ западню
Мышонка манитъ мышеловка.

Но, можетъ быть, Москву сперва
Сбить съ толку было бы прилично..
Нѣтъ! Петербургъ или Москва —
Для дѣла это безразлично.
Рознь ихъ дѣлила прежде; но —
Съ патріотизмомъ плохи шутки.
Въ своемъ горнилѣ онъ давно
Расплавилъ въ массу всѣ разсудки
Такъ блюда разныя въ желудкѣ
Перерождаются въ одно.
Гдѣ-бъ ни работать, все равно, —
Лишь стадо было бы Панурга.
Я не покину Петербурга».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленіе къ борьбѣ.

I.

Однажды, въ поздній часъ ночной,
Какъ смолкнулъ грохотъ городской,
Шелъ демонъ улицей пустынной.
Рядъ фонарей тянулся длинный,
Мигавшихъ сквозь валившій снѣгъ,
И — ни души. Любовныхъ нѣгъ
Искатель прежній шелъ угрюмый,
Весь поглощенъ иною думой.
Однако все жъ онъ слышать могъ
И отдаленный лай собаки,
И гдѣ-то хриплый монологъ
Неугомоннаго гуляки...

Но, впрочемъ, вскорѣ подошелъ
Онъ къ дому и, взглянувъ на нумеръ,
Сказалъ: «Ну вотъ я и нашелъ.
Онъ здѣсь живетъ, коли не умеръ».

II.

И точно: дѣятель тутъ жилъ
(По справкамъ, бѣсомъ наведеннымъ),
Который въ общемъ мнѣньи слылъ
Благонадежно-просвѣщеннымъ.
О немъ такъ отзывался бѣсъ:
«Хоть объ умѣ своемъ мечтаетъ
И много онъ, но не съ небесъ,
Конечно, звѣзды онъ хватаетъ.
Да, Русь узнавъ, я и не ждалъ,
Чтобъ здѣсь высоко тотъ леталъ,
Кто дѣлъ земли своей касался.
А впрочемъ экземпляръ попался
Хорошій. Обществомъ онъ чтимъ,
Къ идеямъ времени привыченъ,
Къ его условьямъ примѣнимъ,
И потому—весьма типиченъ.
Вотъ и хочу сойтись я съ нимъ.
Къ тому-жъ, трудолюбивъ какъ нѣмецъ
(Но отъ его ехидства чистъ),
Себя явилъ онъ и какъ земецъ,
И какъ юристъ, и финансистъ,
И бюрократъ-администраторъ,
Обильно сѣющій добро,
И замѣчательный ораторъ,
И даровитое перо.
Нельзя прилежнѣй и упорнѣй
Служить, чѣмъ онъ, землѣ своей.

Онъ—дубъ, который прочно въ ней
Пустилъ разросшіеся корни,
И охранительный шатеръ
Надъ ней вѣтвей своихъ простеръ.
Онъ, чуждый страсти афериста,
Себя ведетъ отмѣнно чисто;
Ничуть не воръ, совсѣмъ не плутъ;
И граждан современный судъ
Къ передовымъ его причислилъ
Весьма причинно ужъ за то,
Что онъ, живя межъ ними, мыслилъ
И такъ былъ честенъ, какъ никто».

III.

Особъ такого же разряда
Бѣсъ выбралъ съ дюжину; но онъ
Нашелъ, что ихъ сближать не надо,—
Знать, опытомъ ужъ наученъ,
Что пропаганды всенародной
У насъ сомнителенъ успѣхъ.
Онъ совратить рѣшилъ ихъ всѣхъ,
Не торопясь, поочередно,
Начавши съ этого. Но такъ
Былъ этотъ высоко поставленъ,
Что темный бѣсъ не могъ никакъ
Быть кѣмъ-нибудь ему представленъ.
«Какъ дѣлу—думалъ онъ—помочь?»
И разъ, по Невскому гуляя,
Онъ слышитъ: «Масса дѣлъ такая,
Что, право, ужъ и мнѣ не въ мочь
И для гостей лишь только ночь
До трехъ съ двѣнадцати свободна.
Такъ ночью—всѣмъ, кому угодно!»

Бѣсъ оглянулся: это онъ,
Толпой согражданъ окруженъ,
Такъ говоря изъ нихъ кому-то,
Въ поклонѣ общемъ шляпу снялъ.
И бѣсъ съ улыбкой прошепталъ:
«Приду!»
«Въ счастливую минуту
Однако я сюда попалъ!»
Гуляя, радовался демонъ;
И, шмыгая въ толпѣ людей,
Сталъ планъ обдумывать межъ тѣмъ онъ,
Какъ съ жертвой справиться своей.
И вотъ въ его бѣсобскомъ взорѣ
Какъ будто выглянулъ испугъ
И мыслей ходъ прервался вдругъ...
Но овладѣлъ собой онъ вскорѣ:
«А если мой ночной визитъ
Его такъ сильно поразитъ,
Что, въ видѣ грубаго протеста,
Онъ пригласить слугѣ велитъ
Городового для ареста,—
Тогда слугѣ я крикну: стой!
А цыцъ!—ему. Чтобы пустой
Тревоги поднимать не смѣли!
Скажу, что рѣчь идетъ о дѣлѣ,
Гдѣ безусловна власть моя!
Что ихъ сопротивленье—тщетно!
Что я—законъ! Что, словомъ, я—
Агентъ полиціи секретной!..
Не правда-ль: выдумка проста?
Но заградитъ она уста
Слугѣ и господину сразу!»

IV.

Теперь вернемся мы къ разсказу,
Какъ бѣсъ нашелъ желанный домъ.
Онъ отперъ дверь своимъ ключомъ
(Хотя, пожалуй, могъ бы даже
Пройти и такъ, насквозь). Потомъ
У двери во второмъ этажѣ
Остановился, чтобъ прочесть,
Какая значится фамилья
Тутъ на дощечкѣ. Такъ и есть:
Она. И, снова безъ усилья
Переступивъ и эту дверь,
Онъ былъ въ восторгѣ что, теперь,
Подобно жулику-пронырѣ,
Хлопочетъ на чужой квартирѣ.
Темно. Лишь въ отдаленьи свѣтъ.
«Коль онъ ужъ въ спальнѣ, очень кстати,
Что есть лампадка у кровати».
И бѣсъ—туда. Анъ, кабинетъ!
Онъ тотчасъ, времени не тратя,
Вошелъ. Ужъ потухалъ каминъ...
Свѣтъ лампы изъ-подъ абажура...
Все тихо... «Гдѣ же господинъ?»
И вдругъ замѣтилъ, что фигура,
Въ него вперивъ недвижный взглядъ,
Сидитъ, закутана въ халатъ.
Бѣсъ поклонился; но отвѣта
Не получилъ на свой поклонъ.
Нимало не смутясь, и онъ
Усѣлся въ кресла, убѣжденъ,
Что такъ ли, иначе ли, это
Все объяснится до разсвѣта.

V.

Хозяинъ, тощъ и некрасивъ
(Мнѣ очень жаль, но я правдивъ),
Напоминалъ собою лица,
Опасный вынесшія тифъ
И лишь недавно изъ больницы.
И тусклый взглядъ, и мертвый носъ,
И кожи зелень, и волосъ
Прямыя, высохшія пряди,
Висящія съ боковъ и сзади,—
Все это—слѣдствіе того,
Что онъ для края своего,
Силъ не щадя, трудился очень,—
Бывъ уже съ дѣтства худосоченъ.
И демонъ, глядя на него,
Подумалъ: «Вѣдь бѣднякъ непроченъ!
Тѣлесной силѣ россіянъ
И даже твердости ихъ духа
Наносятъ двойственный изъянъ
Патріотизмъ и золотуха»,
И онъ—хоть бѣсъ, а пожалѣлъ,
Что такъ печаленъ нашъ удѣлъ
И такъ зловредно для здоровья
Сложились всѣ почти условья
Людского быта.
Между тѣмъ
Хозяинъ былъ, какъ прежде, нѣмъ
И неподвиженъ. Середь носа
Очки сидѣли, покосясь;
Поверхъ глядѣлъ одинъ изъ глазъ,
Въ рукѣ погасла папироса.
И вотъ скучать ужъ демонъ сталъ;

Сердиться даже начинаетъ...
«Европа зависть къ намъ питаетъ» —
Вдругъ кто-то въ комнатѣ сказалъ.
Такъ этотъ голосъ былъ нечаянъ,
Что бѣсъ вздрогнулъ. Взглянувъ кругомъ,
Онъ тотчасъ убѣдился въ томъ,
Что возгласъ выпустилъ хозяинъ,
Сидѣвшій ужъ съ открытымъ ртомъ...
«Да!» — вновь тотъ началъ — «всѣ державы
Слѣдятъ за нами, господа,
И не простятъ намъ никогда
Значенья нашего и славы!
Къ нимъ каждый годъ доходитъ вѣсть,
Что постепенно Русь шагаетъ,
И — какъ сказать имѣлъ я честь —
Европа зависть къ намъ питаетъ!»
Такъ говорилъ онъ. Объяснить
При этомъ случаѣ мнѣ надо,
Что приведенная тирада
Собою продолжала нить
Той рѣчи умной и прекрасной,
Что позднею ночью, громогласно,
Россіи лучшій гражданинъ
Импровизировалъ одинъ.
Лишь передъ демона прибытьемъ,
Чтобъ отдохнуть, онъ замолчалъ.
Онъ въ этой рѣчи воздавалъ
Хвалу послѣднихъ лѣтъ событьямъ
И крѣпости родныхъ началъ,
На коихъ зиждется издавна
Твердыня Руси православной.
Свою пересыпая рѣчь
Обильемъ мыслей и примѣровъ,
Собранье акціонеровъ

Онъ ей готовился увлечь.
Теперь онъ перешелъ къ внушеньямъ
Средь злобы дня не позабыть,
Что надо-жъ кончить разрѣшеньемъ
Вопросъ всегдашній: *чѣмъ намъ быть*?
Мнѣ трудно съ точностью правдивой
Всѣ мыслей передать извивы...
Воскликнувъ: «Русскіе впередъ!»
Онъ тутъ же рѣзкій оборотъ
Смягчилъ, прибавивши игриво:
«Но не гони и въ хвостъ, и въ гриву,
А попридерживай за хвостъ!»
Тутъ смѣхъ и взрывъ рукоплесканья
Онъ предвкушалъ среди собранья.
Потомъ провозгласилъ онъ тостъ
За нашъ гражданскій духъ, который
Покончилъ всѣ межъ нами споры
И дружбою враговъ связалъ.
«Плоды же связи сей»,—сказалъ,
Рѣчь заключая, нашъ ораторъ:—
«Консервативный либералъ
И либеральный консерваторъ».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Борьба.

I.

Что-жъ дѣлалъ демонъ? Съ нимъ, по мнѣ,
Необъяснимый казусъ вышелъ.
Рѣчь патріота, въ тишинѣ,
Онъ слушалъ и, казалось, слышалъ:

Вдругъ усомнился: «Что за чушь
Онъ, близъ меня, сквозь зубы цѣдитъ?..
Не боленъ ли почтенный мужъ?..
А!.. Понялъ!.. Онъ—заснулъ и бредитъ!»
Но глазъ, глядѣвшій какъ-то вверхъ
Черезъ очки, рождалъ сомнѣнье;
И дерзко этотъ органъ зрѣнья
Бѣсъ испытанію подвергъ.
А именно: совсѣмъ у глазу,
Присѣвши, пальцемъ повертѣлъ.
Но въ ту же точку глазъ глядѣлъ,
И даже не моргнулъ ни разу;
А рѣчь попрежнему лилась.
И бѣсъ рѣшилъ тогда ужъ смѣло:
«Спитъ! Мнѣ порукой этотъ глазъ!
Съ лунатикомъ имѣю дѣло!»
Но штука тутъ совсѣмъ не та:
Нѣтъ лунатизма никакого;
Въ немъ просто, такъ душа чиста,
Что онъ не чуетъ духа злого.
А бѣсъ межъ тѣмъ ужъ думалъ такъ:
«Ну, спитъ, такъ спитъ! Пускай! Ему же
Теперь, конечно, будетъ хуже.
Во снѣ самъ Соломонъ—дуракъ.
Въ его я глупенькую душу
Войду, какъ въ домъ безъ сторожей,
Расположусь спокойно въ ней
И чистоту ея нарушу.
Труднѣе съ бдящимъ оттого,
Что онъ умнѣй, грубѣй, тѣлеснѣй..
А съ соннымъ ночью—ничего!
Прельщу, какъ дѣвочку, его
Стихами, музыкою, пѣсней»...
И только лишь хозяинъ смолкъ,

Какъ бѣсъ, въ рѣшимости упрямой
Идти, не медля, къ цѣли самой
И свой скорѣй исполнить долгъ,—
Къ нему подсѣлъ и въ ухо прямо:

II.

«Голубчикъ, тяжекъ твой удѣлъ!
О, какъ тебя мнѣ жаль, мой милый!
Средь груды многотрудныхъ дѣлъ
Ты съ каждымъ днемъ теряешь силы.
Чтобы развлечь твой духъ унылый,
Тебѣ бы пѣсенку я спѣлъ...

Мыслей доблестныхъ тревога
Жизнь измучила твою.
Въ хиломъ тѣлѣ силъ немного;
И когда-бъ не милость Бога,—
Былъ бы ты уже въ раю!

Хоть мила твоя Россія,—
Не легко живется въ ней.
Государства есть другія,
Гдѣ, политикъ и витія,
Ты пожить бы могъ вольнѣй.

Если средства есть въ запасѣ,
Дѣло сладится какъ разъ;
Паспортъ взялъ, билетъ взялъ въ кассѣ,
Да, по чину, въ первомъ классѣ
И кати, благословясь.

Вѣрь: не будешь ты въ изъянѣ,
Посравнивъ, какъ тамъ и тутъ.

О, ручаюсь я заранѣ:
Учрежденья и граждане
Умъ твой пылкій привлекутъ.

Тамъ — культурой край богатый,
Независимость и честь;
Тамъ — не только адвокаты,
Тамъ — палаты, депутаты,
Оппозиція тамъ есть.

Пусть укоръ абсентеизму
Ты услышишь, — нужды нѣтъ!
Вѣренъ будь патріотизму,
Но взгляни въ иную призму
На людей, на Божій свѣтъ.

Новой мыслью, новымъ словомъ
Отзовется бытіе.
Самъ воспрянувъ духомъ новымъ,
Ты почувствуешь здоровымъ
Тѣло дряблое свое.

Тамъ — ни вьюги, ни морозы;
Солнце тамъ людей хранитъ.
Какъ въ волшебномъ царствѣ грезы,
Тамъ мгновенно смѣнятъ розы
Резеду твоихъ ланитъ!..»

III.

Онъ пѣлъ съ чувствительностью тайной,
Какъ прежде женщинамъ пѣвалъ,
Когда грѣхомъ ихъ соблазнялъ.
Замолкъ. Взоръ жесткій и пытливый

Пронзаетъ жертву. Бѣсъ глядитъ
И ждетъ. Не измѣнясь нимало,
Безмолвно патріотъ сидитъ,
Храня свой многодумный видъ.
Въ душѣ обидно бѣсу стало.
«Спитъ!» онъ ворчалъ. «И крѣпче спитъ!
А смыслъ вѣдь пѣсни, полагаю,
Былъ далеко не баю-баю...
Не измѣнить ли средствъ борьбы?..»
Но тотъ открылъ уста, какъ бы
Давая знать: я начинаю.
«А!—бѣсъ воскликнулъ—говори!»
И тотъ, прождавъ секунды три:
«Европа зависть къ намъ...»—«Ну, знаю!..
Питаетъ!»—бѣсъ прервалъ его.
«А ты къ Европѣ что̀ питаешь?
Какое чувство?.. Ничего?..
Хулишь?» Молчитъ. «Такъ уважаешь?..
Что̀ головой качнулъ? Зачѣмъ?
Молчитъ. «Въ знакъ, что-ли, отрицанья?..
Иль ты доволенъ?.. Чѣмъ же?.. Всѣмъ?..
Скажи хоть что-нибудь!..» Молчанье.
И бѣсъ отчаянно вздохнулъ.
«Нѣтъ,—молвилъ онъ,—я обманулся,
Когда былъ радъ, что онъ заснулъ;
Теперь желалъ бы, чтобъ проснулся».
И снова онъ пускаетъ въ ходъ
И ласки тонъ, и тонъ задорный,
Отвѣтъ чтобъ выманить; но тотъ
Хранитъ безмолвіе упорно.
Бѣсъ видитъ: дѣло—дрянь. И вотъ,
Свой грѣшный санъ забывъ въ досадѣ,
Бѣсъ началъ умолять его:
«Проговори, святыхъ всѣхъ ради

И ради Бога самого!»
Благочестивое воззванье
Осталось также втунѣ. Чортъ
Со злобой выронилъ признанье:
«Ну, русскій патріотъ, ты твердъ!
Но козни ада не изсякли.
Людскому-ль слабому уму
Съ моимъ тягаться? Такъ-ли, сякъ ли —
А ужъ тебя я, другъ, пройму!»
Былъ прежде сдержанъ бѣсъ, хоть пылокъ,
Но тутъ взбѣсился онъ совсѣмъ:
Вдругъ закричалъ: «Ты глухъ иль нѣмъ?»
И сталъ кулакъ сжимать, межъ тѣмъ
Какъ взоръ намѣтилъ ужъ затылокъ...
Однако собственный вопросъ
Охолодилъ въ немъ пылъ суровый.
Удара, къ счастью, не нанесъ
Онъ патріоту. Мыслью новой
Его глаза озарены:
«Что̀, если съ правой стороны
Есть въ самомъ дѣлѣ тугость слуха?
Тогда несправедливъ мой гнѣвъ!..»
И, съ лѣвой стороны подсѣвъ,
Онъ началъ такъ въ другое ухо.

IV.

«Предъ Богомъ праведникъ — не тотъ,
Кто все твердитъ: о, Боже, Боже!
Вѣдь такъ, любезный? Отчего же
Тотъ предъ Россіей — патріотъ,
Кто съ фарисейской рѣчью тоже
Къ ней неотвязно пристаетъ?»
Хозяинъ обернулся къ гостю,

Поднявъ съ достоинствомъ плечо.
И бѣсъ подумалъ: «Видно, злостью
Пройму его. Вопросъ еще
Ему задамъ. Хоть онъ глупенекъ —
(Мудрецъ онъ вѣка!)—но зато
Въ немъ самолюбье развито́.
Скажи: любовникъ изъ-за денегъ
Вѣдь гадокъ и тебѣ, и всѣмъ?
А что̀-жъ никто изъ васъ, межъ тѣмъ,
Того презрѣньемъ не покроетъ,
Кто родинѣ и куры строитъ,
И вмѣстѣ, какъ ближайшій другъ,
Къ ней лазитъ за́просто въ сундукъ?
Какъ завелось у васъ однажды,
Такъ, видно, будетъ и впередъ:
Хоть грабитъ патріотъ не каждый,
Но что́ ни воръ, то — патріотъ.
Какого ты объ этомъ мнѣнья?»
Хозяинъ нѣсколько часовъ
Ужъ погруженъ былъ въ размышленья.
Онъ въ это самое мгновенье
Съ толпою внутреннихъ враговъ —
Конечно, мнимыхъ — кончилъ пренья;
И всталъ, на бѣса посмотрѣвъ.
И, вмѣсто умственныхъ усилій,
Теперь презрѣніе и гнѣвъ
Его черты изобразили.
Бѣсъ принялъ на свой счетъ опять
Въ лицѣ такую перемѣну.
«Постой! Ты хочешь мнѣ сказать,
Что я тебя, молъ, не задѣну,
Казня воровъ. Твоя, молъ, честь,
Какъ патріота, безупрёчна.
Садись и слушай!» Какъ нарочно,

Тотъ въ самомъ дѣлѣ вздумалъ сѣсть
И сѣлъ — по приглашенью словно.
Едва скрывая свой восторгъ,
Что ужъ сонливости безмолвной
Онъ узы наконецъ расторгъ, —
Бѣсъ продолжалъ: «Вотъ что̀ скажу я.
Быть дрянью можно, не воруя;
И можно вреднымъ быть весьма.
Прибѣгнемъ къ ясному примѣру:
Возьмемъ чуму, возьмемъ холеру.
Вѣдь ужъ не честность ли сама?
Про нихъ не слышно обвиненій,
Чтобъ воровали. Тѣмъ не менѣе
Онѣ — холера и чума.
И патріотъ вотъ такъ, любезный:
Иной не выучился красть,
А все-жъ его къ Россіи страсть
Не меньшей мѣрѣ безполезна
Не меньшей мѣрѣ, говорю:
Когда свой пылъ я ограничу
Ну, тѣмъ, что Русь святую кличу,
Къ ея тамъ гдѣ-то алтарю
Валя, какъ къ старому забору,
И чувства, коими горю,
И кучи умственнаго сору...
Но ты не обуздалъ себя
Лишь платоническою страстью,
Россію пламенно любя.
Ты вѣдь и дѣятель, къ несчастью:
Средь дѣлъ, заботъ, трудовъ, тревогъ
Весь вѣкъ работалъ ты какъ лошадь,
И все никакъ досель не могъ
Себя работой успокоить.
Напротивъ! Въ наши времена

Твоей любовію Россія
Вся до костей заражена,
И вянутъ силы молодыя.
Прилипчивъ, какъ эпидемія,
Ты и нещаденъ, какъ она.
Вашъ строй обширный и могучій
Налегъ на жизнь родной земли...
Такъ саранча, зловѣщей тучей
Все надвигаясь издали,
Вдругъ опускается на нивы,—
Край плодородный и красивый,
Тебѣ подобно, *облюбивъ*...
И вотъ—пустыня вмѣсто нивъ!
Про наши села и деревни
Издавна также ходитъ слухъ,
Что красный *любитъ* ихъ пѣтухъ,
Какъ ты же пламенный, хоть древній.
И грязь, *любя* Россію, къ ней
Со страстью льнетъ; и, видно зная,
Что страсть глубокая прочнѣй,
Стоитъ вездѣ, невылазная...
О, Господи!.. Любовь и трудъ!..
Вотъ эти люди чѣмъ живутъ!
Вѣдь выше ничего нѣтъ въ жизни—
Любви къ труду, любви къ отчизнѣ!..
Звукъ величавый этихъ струнъ
Въ ихъ рѣчи слышенъ неизмѣнно...
Ты богохульствуешь, кощунъ!
Глумишься ты, шутникъ презрѣнный!..
Глупцовъ и внѣ Россіи—тьма;
И тамъ глупца усердье гложетъ;
И тамъ иначе онъ не можетъ
Свой край любить, какъ безъ ума;
Но, умнымъ людямъ уступая,

Глупитъ безвредно онъ для края.
А ты, путями плутовства
Всѣмъ навязавъ свою бездарность,
Еще пытаешься права
Намъ предъявлять на благодарность.
«За то, молъ, я Россіи милъ
И заслужилъ рукоплесканья,
Что, не щадя трудовъ и силъ,
Вездѣ, какъ знамя, водрузилъ
Свое во всемъ непониманье!
Но мало этого. Вѣдь ты,
Какъ подобаетъ патріоту,
Мѣшалъ другимъ стать на работу,
На нихъ ты сыпалъ клеветы,
Слѣдилъ ты ревностно и зорко,
Чтобъ всякій, кто тебѣ не другъ,
Безъ языка былъ и безъ рукъ.
А вѣдь родная поговорка:
Умъ — хорошо, а лучше — два,
Смыслъ особливый получаетъ,
Когда изъ двухъ одинъ вмѣщаетъ
Твоя пустая голова...»

Хозяинъ тихо улыбался,
А бѣсъ чѣмъ дольше говорилъ,
Тѣмъ больше сердцемъ разгорался
И возмутительнѣй язвилъ.

«Любви къ отечеству личина
Еще могла имѣть успѣхъ;
Но ты надулъ, задумалъ всѣхъ,
Взявъ на себя роль гражданина.
Ужъ это слишкомъ! Ты одной
Могъ пробавляться бы любовью

Не всякій гражданинъ — герой;
Но одному зато условью
Тутъ непремѣнно мѣсто есть.
Условье это, братецъ, — честь!
Слыхалъ я: случаи бываютъ,
Что подлость изъ любви свершаютъ;
Но чтобы подлость кто свершалъ
Изъ чувства чести — не слыхалъ.
Въ нашъ вѣкъ открытій міръ обязанъ
Тебѣ открытіемъ такимъ...
Но Западъ предразсудкомъ связанъ
И не воспользуется имъ.
Ну, а у васъ какъ? Ужъ пристало
Твое гражданское начало?
Что-жъ, развѣ здѣсь того, кто плутъ,
Теперь не плутомъ, какъ бывало,
А гражданиномъ ужъ зовутъ?..
Но если край твой не повѣрилъ
Еще тебѣ, онъ въ томъ неправъ,
Что, чести новой не признавъ,
Уже старинную похерилъ...
Ты — гражданинъ?.. ха, ха, ха, ха!..
Герой — буфонъ для оперетки!
Такая чушь и чепуха
У Оффенбаха даже рѣдки!..
Съ успѣхомъ бо́льшимъ могъ бы ты,
Прибѣгнувъ къ меньшему обману,
За типъ античной красоты
Вселенной выдать обезьяну!..
Ты — гражданинъ?.. Ну, разскажи:
Чѣмъ это званье ты прославилъ?
Мнѣ плодъ твоихъ гражданскихъ правилъ —
Доносъ послѣдній покажи!
Должно быть, въ немъ сказалась полно

Душа холопа...»

Все безмолвно
Сидѣлъ хозяинъ; тутъ онъ всталъ
И такъ рѣчь бѣса перервалъ
На словѣ именно *холопа*:
«Питаетъ зависть къ намъ Европа!»
Никакъ бѣсъ этого не ждалъ.
Онъ, будто громомъ пораженный,
Замолкъ и руки опустилъ.

V.

Тебѣ, читатель благосклонный,
Уже я прежде объяснилъ,
Что бѣсъ хозяина дразнилъ
И силы напрягалъ — напрасно.
Нашъ патріотъ — пока сильнѣй.
Онъ защищенъ отъ стрѣлъ соблазна
Броней невинности своей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Возобновленіе борьбы

I.

Изсякъ потокъ грѣховной рѣчи
Межъ тѣмъ хозяинъ отошелъ
Отъ бѣса. Засвѣтивши свѣчи,
Онъ сѣлъ за письменный свой столъ.
Но бѣсъ не отставалъ. Сталъ сзади
У стула, безтѣлесный врагъ.

«Вотъ кипы писемъ и бумагъ.
Вотъ ваши, Петръ Ѳомичъ, тетради».
Хозяинъ такъ съ самимъ собой
Бесѣду началъ: «Не мѣшаетъ
Заняться родины судьбой.
Отъ васъ Россія ожидаетъ
Совѣтовъ, мнѣній, чувствъ, идей,—
Не откажите въ нихъ вы ей.
Отдѣлки ждутъ два-три этюда.
Ночнымъ безмолвьемъ дорожа,
Присядьте. Васъ ко сну покуда
Не клонитъ. Голова свѣжа
И успокоилися нервы...
Вотъ, Петръ Ѳомичъ, этюдъ вашъ первый:
Нашъ новый судъ. Этюдъ второй:
Чѣмъ долженъ быть воинскій строй?
Вотъ третій: *Земство*. Вотъ четвертый:
Флотъ и морскіе наши порты.
Вотъ пятый: *Школа и печать*.
Чѣмъ рядъ реформъ намъ увѣнчать?—
Этюдъ шестой. Вотъ сколько! Ну-те,
Займитесь-ка теперь вы симъ
Этюдомъ, стало быть, седьмымъ:
О нашей денежной валютѣ».
Тутъ, подмигнувъ себѣ хитро,
Онъ взялъ перо не безъ отваги,
И чрезъ минуту по бумагѣ,
Скрипя, забѣгало перо.
«Каковъ!.. Ужъ безмятежно пишетъ!..»
Бѣсъ думалъ, стоя позади.
«А вѣдь давалъ понять, что слышитъ!
Вѣдь даже злился!.. Погоди!
Твои гражданственныя бредни
Сейчасъ разсѣются какъ дымъ

Предъ новымъ натискомъ моимъ!
Предпринимаю бой послѣдній!»

II.

Былъ демонъ крайне возбужденъ.
Забылъ онъ — праведникъ иль грѣшникъ
Тотъ человѣкъ, предъ коимъ онъ
Безъ пользы лѣзъ изъ кожи вонъ.
Ему лишь чудился — насмѣшникъ.
Да и притомъ еще какой!
Съ какимъ достоинствомъ онъ личнымъ
Умѣлъ подчасъ хранить покой
Въ отвѣтъ нападкамъ неприличнымъ!..
И бѣсъ рѣшилъ: «Чтобы предѣлъ
Мнѣ положить его гордынѣ,
Чтобъ хоть сомнѣніе отнынѣ
Я въ правоту свершенныхъ дѣлъ
Забросить въ умъ его успѣлъ, —
Призвать теперь мнѣ въ помощь надо
Всѣ силы тьмы, всѣ чары ада,
Ложь, правду, грезы, естество,
Земной природы всѣ три царства,
И царство мертвыхъ сверхъ того!»
Не позабылъ онъ ничего,
Исполненъ злобы и коварства.

III.

Представить надо мнѣ теперь
Планъ кабинета. Въ немъ простора
Довольно для ходьбы и взора.
Направо и налѣво — дверь.
Столъ — близь стѣны, посрединѣ.

Рабочій стулъ передъ столомъ
Поставленъ къ комнатѣ лицомъ.
Къ ея свободной половинѣ
Теперь хозяинъ обращенъ,
На стулѣ сидя; такъ что онъ
Ее могъ видѣть съ трехъ сторонъ.
Бѣсъ на средину плавно вышелъ
И, предъ столомъ остановясь,
Такъ началъ: «Мнѣ не удалась
Моя попытка, хоть и слышалъ
Мою ты рѣчь на этотъ разъ.
Причину грустной неудачи
Я долженъ приписать тому,
Что обращался все къ уму.
Теперь я поступлю иначе:
Прибѣгну къ сердцу твоему,
Къ нему найти вѣдь доступъ можно?
Въ немъ страсть ко злу не глубока?
Оно еще не безнадёжно?
Оно не камень вѣдь пока?
Быть можетъ, даже нѣтъ злой воли
Въ твоихъ безсовѣстныхъ дѣлахъ?
Въ тебѣ лишь дремлетъ Божій страхъ
И ты лишь ослѣпленъ,—не болѣ?..
Ну, такъ прозри же, Петръ Ѳомичъ!
Пусть совѣсть голосъ укоризны
Возвыситъ честно!.. Ты вѣдь бичъ,—
Не сынъ, а бичъ своей отчизны!..
Положимъ, ты изъ доброты
Отчизну бьешь, грѣша невольно;
Но неужель не слышишь ты,
Какъ вопіетъ она: «Довольно!
«Меня терзаешь ты давно!
«Ты глупъ иль золъ—мнѣ все равно.

«Тотъ и другой бьютъ такъ же больно!»
Я на себя ужъ не возьму
Теперь труда горячей рѣчью
Тебя язвить. Я своему
Не довѣряю краснорѣчью.
Но вотъ сейчасъ толпа людей
Къ тебѣ придетъ безъ зова въ гости.
То жертвы явятся твоей,—
Не знаю: легкости иль злости.
Когда ты вправду—не злодѣй,
То,—эти лица лишь увидишь,—
Объятый ужасомъ, поймешь
Своихъ дѣяній зло и ложь
И жизнь свою возненавидишь!
И такъ, предъ тѣмъ, что̀ будетъ здѣсь,
Вниманью ты предайся весь,
Коль не глухимъ рожденъ и зрячимъ!»

IV.

И вотъ раздалась криковъ смѣсь—
Безумный хохотъ съ горькимъ плачемъ...
Писать хозяинъ пересталъ
И думалъ, голову поднявши:
«Бумажки-ль лучше, иль металлъ?..
Чему насъ учитъ курсъ упавшій?»
А бѣсъ ему: «Я твой вопросъ
Предупрежу. Въ аккордѣ дикомъ,
Гдѣ все несвязное слилось
И разразилось общимъ крикомъ,—
Представленъ нравственный хаосъ.
Тутъ все: печаль, веселье сдуру,
Проклятья, сумасшедшій бредъ...

Все! Смысла здраваго лишь нѣтъ.
Ты слышалъ къ драмѣ увертюру.
А драму разыграютъ тутъ
Твои соотчичи... Идутъ!»

V.

Толпа мужчинъ и дамъ вбѣгаетъ
Изъ двери слѣва. Между тѣмъ
Оркестръ невидимый играетъ
Одну изъ гривуазныхъ темъ
Изъ новомодной оперетки.
Бѣсъ: «Это—люди, а совсѣмъ
Не куклы и не марьонетки,
Какъ, увлекаясь черезчуръ,
Подумать можно-бъ. Группа эта
И не взята изъ кабинета
Глупѣйшихъ восковыхъ фигуръ
Съ миганьемъ глазъ, съ дыханьемъ груди,
Съ движеньемъ ногъ и головы...
А впрочемъ, гости! Сами вы
Намъ докажите, что вы—люди!»
Мужчины поклонились всѣ;
И дамы всѣ, склонясь, присѣли
Свой бюстъ, прикрытый еле-еле,
Преподнося во всей красѣ.
Затѣмъ мужчины такъ запѣли:

«Мы, свершая жизни путь,
Ничего не замышляемъ.
О, за насъ спокоенъ будь
Тотъ, кто мыслію смущаемъ:
Нѣтъ ли гдѣ чего-нибудь?

«Что-нибудь рождаетъ скука.
Намъ же весело! Смотри:
Эти дамы—намъ порука.
И зато у насъ внутри
Свято слово: la patrie!»

При этомъ словѣ, въ самомъ дѣлѣ,
Какъ будто бѣса чуя въ тѣлѣ,
Всѣ дамы, бюстомъ шевеля,
Пропѣли хоромъ: «Тру-ля-ля!»

«Мы подъ модною прической
Размягченные мозги:
Такъ язвятъ насъ бранью плоской,
Критикуя всѣ шаги,
Благоденствія враги.

«А спроси ихъ—вѣдь не знаютъ:
Отче нашъ, иже еси..
И властей не уважаютъ...
Мы же—Боже упаси!
О, мы любимъ la Russie!»

И дамы, стоя наготовѣ,
Такъ увлеклись при этомъ словѣ,
Что, всѣмъ ужъ тѣломъ шевеля,
Пропѣли: «Тру-ля! Тру-ля-ля!»

Танцуя, всѣ уходятъ вправо.
Оркестръ смолкаетъ. Бѣсъ глядитъ.
Хозяинъ пишетъ. Строгій видъ
Съ улыбкой косой, какъ бы лукавой.
Бѣсъ: «Видно, слишкомъ тонко. Что-жъ!
Коль золотая молодежь,

Съ своею свитой не успѣла
Тебя смутить, то это дѣло
Другой разрядъ золотарей
Исполнитъ, можетъ быть, скорѣй».

VI.

Тутъ съ наглымъ хохотомъ и съ шумомъ
Гулякъ ватага ворвалась.
Они сперва, своимъ костюмомъ
Фигуры карточной кичась
И занятые разговоромъ,
Слонялись въ уголъ изъ угла;
Потомъ, кобенясь, у стола
Расположились, за которымъ
Сидѣлъ хозяинъ; и одинъ
Изъ нихъ такъ началъ: «Дворянинъ,
Мы повѣсть нашей родословной
Тебѣ подносимъ. Удостой
Насъ выслушать. Разсказъ—простой,
Правдивый и немногословный.

Тузъ бубновый—русскій плутъ
Собирался чтить на тризнѣ
Плутни старой русской жизни,
Убѣдясь, что верхъ въ отчизнѣ
Люди новые берутъ.

Плакалъ тузъ: «Охъ, времена!
Рѣчь—о чести да законѣ;
А ужь я совсѣмъ въ загонѣ;
И мой ликъ, пожалуй, нонѣ
Сброситъ русская спина.»

Не сберечь бы головы
Плуту старому; но—странно!
Помощь, словно съ неба манна
Низошла къ тузу нежданно
Отъ газеты, изъ Москвы.

Только лишь она грозу
Подняла на то, что̀ честно,
Иль рутинѣ неизвѣстно,
Какъ опять ужъ стало лестно
Жить бубновому тузу.

Русскій плутъ—бубновый тузъ
Сталъ ту грозную газету
Страсть любить за помощь эту,
И плодовъ ужъ много свѣту
Далъ любовный ихъ союзъ.

Ахъ, какія времена!
Взятки, кражи да шантажи;
Тузъ бубновый въ авантажѣ,
И его со чванствомъ даже
Носитъ русская спина.

«Плюнь, кто честенъ, намъ въ глаза!
Честный мужъ! Откликнись! Гдѣ ты?
Мы—червонные валеты,—
Порожденье той газеты
И бубноваго туза.

«Вотъ все».
Ушли. Хозяинъ пишетъ.
Онъ и не видитъ, и не слышитъ;
Онъ весь теперь въ своей статьѣ.

А со стола, межъ тѣмъ, пропали,
Пока валеты тутъ стояли,
Часы, печать и прессъ-папье.
Волнуетъ бѣса нетерпѣнье:
Но онъ, принявъ спокойный видъ,
«А вотъ посмотримъ»,—говоритъ,—
«Что́ скажетъ третье появленье».

VII.

Попарно входятъ въ кабинетъ
Гостей степенныхъ вереница.
Бѣсъ: «Вотъ несутъ тебѣ привѣтъ
Благонадежнѣйшія лица.
Они о родинѣ всегда
Имѣли нѣжную заботу.
Кто посмышлёнѣй, господа,
Рекомендуйтесь патріоту,
Произнося приличный спичъ!»
И кто-то выступилъ изъ ряда
Съ такою рѣчью: «Петръ Ѳомичъ!
Тебѣ представиться намъ надо.

«Прямо къ дѣлу. Мы хищники. Каждый изъ насъ
Уподобленъ быть можетъ герою
Передъ разной, судомъ обвиненной не разъ,
Мелюзгою.

«Наша цѣль, говорятъ, черезчуръ широка...
Но вѣдь время зато ужъ не оно;
Стала жизнь дорога,—вотъ и ищетъ рука
Милліона.

«Мы притомъ же не дрянь по душѣ и уму.
Несомнѣнно, гдѣ можно мы слушимъ;
Но въ любви-то къ Руси и тебѣ самому
Не уступимъ.

«Эстетическихъ чувствъ не чужда у насъ грудь:
И по образу мыслей мы чисты.
Мы — не грубая чернь иль какіе-нибудь
Нигилисты.

«А къ хищенью въ насъ вкусъ развился не вотще:
Всѣ за собственность стать мы готовы;
И, конечно... за вѣру, семью... Вообще —
За основы!»

Ушли и эти господа,
Оставивъ то же впечатлѣнье.
И бѣсъ, сгорая отъ стыда,
Воскликнулъ: «Эй! Скорѣй сюда!
Скорѣе новое явленье!..»

VIII.

Вступаетъ новая толпа
Бѣсъ: «Это — тѣ, кого судьба
Средь насъ не даромъ возвышаетъ.
Изъ этихъ каждый роль играетъ
Коль не устоя, такъ столба
Въ нихъ наша доблесть воплотилась;
Въ нихъ — первый сортъ патріотизма,
И что ни слово — афоризмъ,
Гдѣ мудрость вѣка отразилась.
Твои знакомцы — всѣ. Взгляни
Къ тебѣ ужъ близятся они».

И вотъ дѣйствительно хозяинъ
На нихъ взглянулъ. Бѣсъ очень радъ...
Но радъ напрасно. Этотъ взглядъ
Былъ, разумѣется, случаенъ.
И, взоръ къ столу перенеся,
Тотъ — не прошло еще минуты —
Опять прилежно занялся
Судьбою денежной валюты.
А гости двигались гуськомъ,
Какъ при парадахъ представленья;
И всѣ почти безъ исключенья,
Остановясь передъ столомъ,
Произносили изреченья
И уходили.
— «Третій часъ!
Все пишите?» — «Да онъ у насъ
Одинъ вѣдь пишущій въ синклитѣ»,
— «Пишите, Петръ Ѳомичъ, пишите!»
— «Вы такъ писанью предались,
Что къ внѣшней жизни стали глухи».
— «Пиши, пиши; но только *въ духѣ*,
И вообще не заносись!»
— «Такъ, такъ! Вотъ этого совѣта
Не забывать бы никогда».
— «Вѣдь слово, братецъ, знаешь — это
Une arme à deux tranchants». — «Да, да!
Со словомъ надо осторожно!»
— «Ухъ! осторожность какъ нужна!»
— «О, осторожнѣе какъ можно!»
— «Еще бы въ наши времена...»
— «Когда заумничали люди».
— «И мысль гуляетъ безъ узды».
— «О, Боже, милостивъ къ намъ буди!»
— «Ужъ мы домыслимъ до бѣды!»

— «Пишите въ этомъ смыслѣ, ваше
Превосходительство!» — «Смотри!
Довольно съ насъ наличной каши;
Другой еще не завари!»
— «Вѣдь ты ужъ прозванъ либераломъ»..
— «Ce qui n'est pas flatteur du tout».
— «Заставь замолкнуть клевету,
Коль служишь истиннымъ началамъ!»
— «Вѣдь корень зла сидитъ еще.
Ты корень вытрави чѣмъ-либо!»
— «Получишь русское спасибо».
— «И болѣе: черезъ плечо!»
Сказавшій это — удалился.
За нимъ, безъ словъ, другіе вслѣдъ
Прошли. И никого ужъ нѣтъ.
На этотъ разъ хоть бѣсъ и злился,
Но больше былъ онъ изумленъ.
«Что-жъ это ты?» — воскликнулъ онъ.
«Зачѣмъ не всталъ? Не поклонился?
Невѣжа!.. Революцьонеръ!.
Къ нему пришли какіе гости,
Съ какимъ величіемъ манеръ,
И на какомъ все важномъ постѣ..
А онъ межъ тѣмъ... Ахъ, нигилистъ!
Соціалистъ!.. Пропагандистъ!..»

IX.

А все-жъ на дѣлѣ — тотъ же самый
Безплодный результатъ опять.
Но демонъ, въ гордости упрямой
Еще не хочетъ отступать.
«Меня усталость одолѣла..
Мнѣ лишь немножко бы вздохнуть, —

А тамъ опять примусь за дѣло...
Авось пройму же чѣмъ-нибудь!»
И въ кресло съ спинкой откидною
Онъ опустился тяжело.
Онъ сжалъ холодною рукою
Свое горячее чело;
И пріутихъ, лишь трудно дышетъ...
Настала тишина пока.
И только слышно, какъ слегка
Скрипитъ перо. Хозяинъ пишетъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Продолженіе и окончаніе борьбы.

I.

«Ну, что-жъ? Причина въ комъ изъ двухъ?
Вопросъ рѣшить необходимо.
Его-ль ужъ очень стоекъ духъ?
Мое-ль оружье мѣтитъ мимо?
Иль онъ ослѣпъ для тѣхъ сторонъ,
Къ которымъ въ жизни онъ пристрастнѣй;
Иль! какъ пѣтухъ въ извѣстной баснѣ,
Въ навозѣ жемчугъ видитъ онъ?..»
Все въ этомъ родѣ размышленьемъ
Былъ занятъ демона досугъ...
Но вотъ, какъ бы очнувшись вдругъ,
Онъ вскрикнулъ: «Вздоръ!.. Конецъ сомнѣньямъ!..
Вполнѣ увѣренъ я въ себѣ!»

И быстро онъ воспрянулъ съ креселъ,
И твердъ, спокоенъ, даже веселъ,
Опять готовится къ борьбѣ.
«Принадлежитъ онъ къ толстокожимъ:
Скользитъ иронія по немъ.
Пронять комедіей не можемъ,—
Ну, такъ трагедіей проймемъ!»

II.

И въ ходъ пустилъ онъ новый опытъ.
Уже въ дверяхъ толпа гостей.
Межъ ними странный смѣхъ и шопотъ.
Они то смотрятъ изъ дверей,
Хихикая; то, въ гнѣвѣ дикомъ,
Грозятъ оттуда кулакомъ.
Подвинутся впередъ и съ крикомъ
Бѣгутъ обратно. Но потомъ
Войти рѣшились. Можно было,
На нихъ взглянувъ, понять сейчасъ,
Что жизнь ихъ разумъ сокрушила,
Что свѣточъ мысли въ нихъ погасъ.
Умалишенныхъ полонъ вскорѣ
Былъ патріота кабинетъ.
Одинъ изъ нихъ ему привѣтъ
Поднесъ съ веселостью во взорѣ.

1.

«Ахъ, какъ легко!.. Честь имѣю представиться!
Такъ ужъ легка голова,
Будто успѣлъ отъ нея я избавиться —
Чувствую что-то едва.

«Прежде она у меня много вѣсила,
Полная думъ, словно гирь...
Нынѣ-жъ легка и торчитъ себѣ весело!..
Не голова, а—пузырь!

«Выбросивъ мысли, вопросы, сомнѣнія,
Я ей велѣлъ: замолчи!
И атрофировалъ о̀рганъ мышлѐнія,
Какъ бы сказали врачи.

«Ахъ, какъ пріятно безъ этого о̀ргана,—
Вы не повѣрите мнѣ!..
Вотъ только то, что̀ изъ книгъ понадергано,
Чудится все, какъ во снѣ...

«Скоро и этихъ слѣдовъ не останется...
Такъ ужъ я этому радъ!
Будетъ молчать да вотъ этакъ все кланяться
Мыслившій прежде снарядъ.

«Тутъ-то явлю я примѣръ человѣчеству,
Какъ ему слѣдуетъ жить;
Какъ предержащимъ властямъ и отечеству
Вѣрой и правдой служить!»

За нимъ другой сталъ говорить
Таинственно и важно вмѣстѣ:

2.

«Вотъ тебѣ благія вѣсти:
Свѣтъ похерить удалось.
На его вакантномъ мѣстѣ
Учреждается хаосъ.

«Но не прежній, безпредѣльный,
Хаотичный черезчуръ;
Этотъ новый будетъ дѣльный
И обдуманный сумбуръ.

«Горизонтъ одинъ убудетъ;
Міръ замкнется съ трехъ сторонъ;
Предъ востокомъ пусто будетъ,—
Западъ вовсе упраздненъ.

«Чтобъ не силонъ и осторожнѣй
Доходилъ къ намъ свѣтъ дневной,
Заведется родъ таможни
Между небомъ и землей.

«Глобусъ нашъ измѣнитъ форму,
Перегнувъ земную ось;
И отъ этакой реформы
Все придется вкривь и вкось.

«Такъ какъ передъ станетъ сзади,
Низъ очутится вверху,—
То и смыслъ, порядка ради,
Обернется въ чепуху.

«Прежнихъ истинъ въ новомъ мірѣ
Не найдется и слѣда.
Даже дважды-два—четыре
Въ немъ не выйдетъ никогда.

«Обростать начнемъ мы шерстью,
И хоть сможемъ ротъ раскрыть,
Но ужъ этому отверстью
Не придется говорить.

«Перемѣною крутою
Будутъ сбиты всѣ съ пути...
Только ты къ такому строю
Приспособленъ ужъ почти».

Въ то время третій сумасшедшій,
Безмолвно плакавшій въ углу,
Какъ бы очнулся. Подошедши
Пугливой поступью къ столу,
Онъ на хозяина украдкой,
Собравшись съ духомъ, посмотрѣлъ
И вдругъ смертельно поблѣднѣлъ
И задрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

3.

«Вотъ онъ гдѣ! Вотъ гдѣ, братцы, хирургъ обрѣтается!
Первый въ мірѣ хирургъ! я не лгу.
Въ вивисекціи онъ надъ людьми упражняется.
Онъ мнѣ выемку сдѣлалъ въ мозгу.

«Всѣ изъ черепа высшія вынулъ способности;
Говоритъ: онѣ вредны въ нашъ вѣкъ!
Только память сберегъ: пусть, молъ, помнитъ въ подробности,
Чѣмъ онъ былъ, когда былъ человѣкъ!

«Помню, братцы, судилъ обо всемъ такъ охотно я,
А вотъ нынчѣ никакъ не могу!
Тогда былъ человѣкъ, а теперь сталъ животное,—
Все отъ выемки этой въ мозгу.

«Сколько мысль выжимать изъ себя я ни пробую,—
Только горькую выжму слезу;
Или въ уголъ забьюсь и съ безсильною злобою
Мои бѣдные пальцы грызу.

«Въ пустотѣ, въ темнотѣ,—то тоска, то страданіе..
Изобрѣлъ же ты пытку, злодѣй!
Весь мнѣ мозгъ окарналъ и оставилъ сознаніе
Подлой немощи жизни моей!

«Долго-ль будешь ты длить это злое мучительство,
На посмѣшище жизнь мнѣ храня?
Вѣдь безвреденъ ужъ я... Ваше превосходительство,
Ради Бога, убейте меня!..»

До этихъ поръ толпою скрытый,
Четвертый выступилъ. Хоть онъ—
Въ халатѣ, съ головою бритой,
Но мрачный взоръ его уменъ.

4.

«Я въ полномъ разумѣ. Но только разъ я въ сутки
Бываю въ свѣтломъ промежуткѣ.
И такъ какъ длится онъ всего минутъ лишь пять,—
Мнѣ время некогда терять.
Я въ книгѣ жизни—опечатка.
Въ природѣ есть такой хозяйственный разсчетъ:
Она ненужнаго для жизни не даетъ.
И въ силу этого порядка,
Къ средѣ приноровясь, устроился весь свѣтъ.
Вдругъ—исключенье! Мнѣ дается умъ. Ну, кстати-ль?
Вѣдь познаваемаго нѣтъ.—
На кой же чертъ мнѣ познаватель?
О чемъ посудишь? Что поймешь?
Чѣмъ истина яснѣй, тѣмъ больше вѣры въ ложь!
Источникъ мрака—свѣтъ! Добро—виновникъ бѣдствій!
Явленья—безъ причинъ! Причины—безъ послѣдствій!..
Вѣдь я—скажу безъ хвастовства—

Былъ умница. Безъ перерывовъ прежде
Работала вотъ эта голова.
Бывало: думаю, все думаю—въ надеждѣ,
Что нашъ родимый бытъ осмыслю и пойму...
Нѣтъ, не совѣтую здѣсь думать никому!
Гасите умъ, коль есть!.. У насъ быть умнымъ—глупо!
Какъ не воротишь къ жизни трупа,—
Хоть самъ будь жизни полнъ—тàкъ изъ мозговъ идей
Не вызвать здѣсь, хоть сто умовъ имѣй!..
Ни думъ своихъ таить не могъ я, не страдая;
Ни уподобиться сознательно скоту...
И вотъ—въ бездонную нырнулъ я пустоту,
Гдѣ думъ ужъ нѣтъ; гдѣ только—ночь глухая.
Лишь изрѣдка мнѣ тамъ мелькаютъ огоньки,
Какъ будто бы на мигъ заглянетъ солнце въ щёлку...
Ахъ, промежутки-то какъ эти коротки!..
Я кончилъ. Отъ меня не будетъ больше толку.
Ужъ началось... Пора предупреждать бѣду...
Гдѣ-жъ сторожа?.. Не то—ха!-ха!—задамъ я страху!..
Ай, плохо мнѣ... Скорѣй!.. Льду! Льду! На темя льду..
Вязать меня!.. Крутить!.. Надѣньте мнѣ рубаху!..»

Онъ убѣжалъ. На этотъ крикъ
Явился пятый: нервный, скорый,
Съ лицомъ начальника, который
Давно командовать привыкъ.
На властолюбьи, знать, помѣшанъ,
Онъ сталъ передъ толпою, весь
Отличій знаками обвѣшанъ:
Стеклà, картона, фольги смѣсь.

5.

«Кто чуждъ въ Россіи счастью?
Кто смѣетъ тамъ кричать?..

Строптивость передъ властью?..
Не сѣтовать! Молчать!

«(Пожалуй, этотъ случай
Въ толпѣ возбудитъ бунтъ)...
Зачѣмъ стоите кучей?
Построиться во фрунтъ!

«(То хлѣба проситъ чрево,
То мыслей—голова...)
Направо! Нѣтъ! Налѣво!
Дружнѣе—маршъ!.. Разъ, два...

«Стой!.. (Въ моду входитъ право,
Всѣ разныхъ правъ хотятъ...)
Налѣво! Нѣтъ! Направо!
Бѣгомъ впередъ!.. Назадъ!

«(Я добръ; но врагъ протеста,
Рѣшителенъ и строгъ.)
Стой! нѣтъ! Пора ужъ съ мѣста.
За мною!.. Съ нами Богъ!..»

Толпа, не сѣтуя нимало,
Его команду исполняла;
И всѣ безумные за нимъ,
Съ повиновеньемъ нѣмымъ,
Теперь пошли, шагая въ ногу,
И такъ исчезли понемногу.

III.

Хозяинъ сдѣлался унылъ
Затѣмъ, что очень утомился.

А бѣсъ, межъ тѣмъ, вообразилъ,
Что духомъ патріотъ смутился,
И новой сценой торопился
Въ немъ доканать остатокъ силъ.
Вокругъ стола восходятъ тѣни
Сквозь полъ, какъ будто изъ гробницъ.
Въ безмолвіи могильной сѣни
Обрѣвшихъ миръ самоубійцъ.
Они ушли отъ жизни рано;
Почти весь путь былъ впереди.
Ихъ много съ огнестрѣльной раной
Въ вискѣ, во лбу или въ груди.
И—жертвы добровольныхъ пытокъ—
Тутъ съ петлей висѣльникъ стоялъ;
А тамъ, изъ прочихъ, кто держалъ
У губъ отравленный напитокъ;
Кто—ножъ, кто—бритву, кто—кинжалъ.
Средь нихъ утопленницъ не мало,
Русалокъ словно, собралось;
И по плечамъ вода сбѣгала
У нихъ съ распущенныхъ волосъ.
Одинъ изъ юношей собранья
(Онъ всѣхъ моложе и красивъ)
Такъ началъ, долгое молчанье
Гостей загробныхъ прекративъ:

«На свѣтѣ нѣтъ краше, нѣтъ благостнѣй дара,
Какъ жизни торжественный даръ.
Она и для тѣхъ, кто убоги и стары,
Полна обаятельныхъ чаръ.

«Но мы наслаждаться ужъ ею не будемъ,
Хоть начали только ее.
Покинули мы это милое людямъ
На милой землѣ бытіе.

«Когда наша юность впервые вкусила
Восторги и сладость любви,—
Въ природѣ, казалось, намъ все говорило:
Люби, наслаждайся, живи!

«Но думы, суровыя думы намъ вскорѣ
На сердце легли,—и съ тѣхъ поръ
Мы въ жизни узрѣли страданія, горе,
Неволю, обманъ и позоръ.

«Тоски безъисходной, гнетущей печали
Не вынесли, бѣдные, мы;
И въ вѣчный покой такъ отъ жизни бѣжали,
Какъ узникъ бѣжитъ отъ тюрьмы».

Лишь водворилось вновь молчанье,
Бѣсъ, къ тѣнямъ обратясь, спросилъ:
«Но кто же вамъ существованье
Въ расцвѣтѣ лѣтъ, надеждъ и силъ
Такъ безпощадно отравилъ?»
Тогда на патріота руки
Направилися со всѣхъ сторонъ,
И, съ горечью воскресшей муки,
Всѣ мертвецы вскричали: «Онъ!»
Тотъ въ это время улыбнулся,
Свой трудъ почти ужъ одолѣвъ,
И въ бѣсѣ злобы духъ проснулся,
И такъ онъ выразилъ свой гнѣвъ:
«Чѣмъ объяснить ульюки эти?
Вѣдь самъ Макбетъ, самъ Ричардъ Третій...
Да что! исконный врагъ людей,
Самъ чортъ передъ тобою—дѣти,
О, нераскаянный злодѣй!»

IV.

Межъ тѣмъ исчезли привидѣнья;
Они разсѣялись какъ дымъ.
Хозяину, на смѣну имъ,
Предстало новое явленье.
Вошли убогіе. Крестясь,
Вся ихъ толпа вздохнула громко:
«О, Господи!» Лохмотья, грязь
И нищихъ спутницы: котомка
Да суковатая клюка—
Необычайно такъ все это.
Такимъ гостямъ была пока
Дверь недоступна кабинета.
Всѣхъ обезсилила нужда,
Обезобразилъ лютый голодъ.
Взоръ различалъ не безъ труда
Въ толпѣ больной: кто старъ, кто молодъ
Межъ ними не было калѣкъ;
Но такъ черты ихъ отупѣли,
Что въ ихъ обличьи дикомъ еле
Былъ узнаваемъ человѣкъ.
Къ хозяину весь людъ убогій,
Ковры марая, подошелъ.
На нихъ взглянулъ онъ черезъ столъ;
Ему всѣ поклонились въ ноги.
И вышелъ изъ толпы тогда
Старикъ, невидимый сначала.
Его сѣдая борода
По поясъ на груди лежала.
Согбенный станъ; высокій ростъ;
Плѣшивый черепъ; носъ съ горбиной;
Густыя брови; взглядъ орлиный;
Угрюмъ и величаво-простъ.

Хоть онъ въ лаптяхъ дырявыхъ тоже
И тоже въ рваномъ зипунѣ,—
Но все на прочихъ непохоже
Казалось въ этомъ старинѣ.
Тѣмъ далъ бы каждый сердобольный —
Та́къ видъ ихъ жалость возбуждалъ:
Ему бы, можетъ быть, не далъ,
Но поклонился бы невольно.
Какъ смотритъ эта голова!
Какая чуется въ ней сила!
Душа, какъ въ юношѣ, жива,
И тѣла жизнь не износила.
И вотъ, съ клюкой стоитъ здѣсь онъ
Средь модныхъ вычуръ кабинета,
Какъ патріархъ, перенесенъ
Сюда изъ Ветхаго Завѣта.

«Баринъ добрый, Христа ради, нищимъ милостыньку дай!
Намъ твоя копѣйка скажетъ: погоди, не умирай;
Коль ужъ голодъ краше смерти,—поживи, поголодай!
Разрѣши мнѣ, баринъ умный, слово молвить предъ тобой;
Правду-истину скажу я: не хочу кривить душой.
Можетъ, здѣсь тебѣ не видно,—видно Богу съ небеси,
Какъ живется нашей братьѣ, тяглымъ людямъ, на Руси.
Разсуди обиду нашу, нашу горькую бѣду:
Пашемъ, сѣемъ, жнемъ и косимъ — а какую видимъ мзду?
Въ насъ не зависть али злоба, не хотимъ чужой мошны,
А сужу: коль намъ трудиться,—помирать мы не должны.
Ты, чай, все читаешь въ книжку да перомъ водить привыкъ,
Такъ, пожалуй, не смекаешь, что такое есть мужикъ?
Про него ужъ въ сказкѣ древней говорится, что одинъ
Могъ поднять земную тягу лишь Микула-селянинъ;
А другіе, какъ ни бились, хоть князья-богатыри,—
Мать-земля не поддается,—не хочу, молъ, хоть умри!

То-то много разговору: мужики, да мужики...
А заслуги ихъ не малы и труды ихъ не легки.
Въ нашемъ дѣлѣ совѣсть надо, разумъ добрый—скажемъ такъ.
Коли всѣхъ насъ голодъ сгубитъ, это, баринъ, не пустякъ.
Загруститъ земля-сиротка, плевелами порастетъ
И безъ насъ рожать не станетъ хлѣбца даже для господъ.
Ради русскаго народа и кормилицы-земли,
Выбивать съ насъ недоимку слугамъ царскимъ не вели.
Продается за безцѣнокъ лошаденка и соха...
Ковыряй ногтями землю... Шутка, батюшка, плоха!
Разыграться можетъ худо; такъ-то худо: не дай Богъ!
Если вздоръ языкъ мой мелетъ, чтобъ въ гортани онъ отсохъ!
И еще я молвлю слово: мужичокъ хотя и сѣръ,
А его не слѣдъ бы... то-есть... какъ скотинку, напримѣръ.
Не равны мы съ господами; руки точно что не тѣ;
А душа во всѣхъ насъ Божья; всѣ мы—братья во Христѣ.
Въ землю просятся на отдыхъ кости старыя мои;
Не себя стараюсь ради,—ради нищей всей семьи.
Будемъ сыты да обуты,—вѣрь мнѣ: правду говорю—
Всѣмъ вамъ легче заживется; будетъ весело царю.
И Господь за то, что людямъ нѣтъ неправедныхъ обидъ
Урожаемъ, миромъ, счастьемъ свой народъ благословитъ
Если что́ сказалъ нескладно,—не взыщи, не осерчай,
А покамѣстъ, Христа ради, нищимъ милостыньку дай.»

И до земли склонилъ онъ снова
Сѣдую голову свою.
Но тотъ дописывалъ статью;
Лишь заключенье—и готова.
Крестьяне ждутъ; а онъ—ни слова.
Еще пождали—ничего!
И не дождавшись отъ него
Ни подаянья, ни привѣта,—
Вздохнувъ, пошли изъ кабинета.

V.

У бѣса воля ужъ слабѣй:
А все есть мѣсто въ немъ надеждѣ...
Еще — явленье. Звукъ цѣпей
Послышался за дверью прежде;
Потомъ вошла толпа людей
Въ позорной каторжныхъ одеждѣ.
Опять все юноши!.. Таковъ,
Знать, планъ эффектами обильный:
Тѣхъ удручить землей могильной,
А этихъ — бременемъ оковъ.
И тутъ на сцену вновь явилось
Такъ много женщинъ молодыхъ.
Къ хозяину одна изъ нихъ
За всѣхъ со словомъ обратилась:

«Преступники пришли къ вамъ, патріотъ.
Но вы, я думаю, по нашимъ лицамъ
И молодымъ лѣтамъ, ужъ догадались,
Что мы къ преступникамъ принадлежимъ
Лишь политическимъ. Мы — нигилисты
И нигилистки. Такъ, по крайней мѣрѣ,
На родинѣ сперва насъ окрестили.
Послѣдній политическій процессъ
Имѣлъ такой исходъ какъ вамъ извѣстно:
Ужъ четверо повѣшены изъ насъ
Вчера. А остальныхъ приговорили
Къ работамъ каторжнымъ на долгій срокъ,
За исключеньемъ, впрочемъ, двухъ вотъ этихъ:
Имъ каторга назначена безъ срока.
Мы въ дальній путь уже снаряжены.
Но было намъ разрѣшено начальствомъ

Зайти сюда затѣмъ, чтобъ вамъ по дѣлу
Дать важное отъ всѣхъ насъ показанье.
Подъ строгимъ мы пришли сюда конвоемъ;
За этой дверью—съ ружьями солдаты.
Вотъ наше показанье: есть возможность
Заставить насъ смириться и сложить
Опасное оружіе крамолы.
Возможность есть освободить Россію
Отъ скрытой сѣти тайныхъ заговоровъ,
Которою опутана она;
И вмѣстѣ съ тѣмъ отъ страховъ, подозрѣній,
Доносовъ, ссылокъ, каторги и казней—
Отъ этихъ всѣхъ придатковъ нашей жизни,
Всѣмъ сдѣлавшихъ ее невыносимой.
Для достиженья этой честной цѣли
Есть самое дѣйствительное средство.
Оно во власти вашей, патріотъ:
Отъ дѣлъ отсторонитесь. Перестаньте
Заботиться о благѣ, да о славѣ
Любезной сердцу вашему Россіи.
Умрите... умственно. И вотъ вамъ слово:
Лишь только вы съ своимъ патріотизмомъ
Исчезнете съ лица родной земли,
Какъ нигилизмъ послѣдуетъ за вами».

Рѣчь кончена. И всѣ ушли,
Гремя ножными кандалами.

VI.

И кончена статья, межъ тѣмъ,
О нашей денежной валютѣ.
Вопросъ ужъ выясненъ совсѣмъ;
Разобранъ въ частностяхъ и въ сути.

Съ патріотизмомъ сочетавъ
Финансовъ трудную науку,
Хозяинъ оказался правъ.
Онъ выкинулъ такую штуку
(Тутъ роль сыгралъ и ясный слогъ):
Побѣдоносно, безъ натяжки
Рутинѣ доказать онъ могъ,
Что лучше золота — бумажки.
Трактатъ написанъ мастерски;
Но патріотъ не возгордился;
Онъ вверхъ взглянулъ черезъ очки
И — набожно перекрестился.
Не вѣдалъ демонъ никогда
Такой обиды и безчестья!
Его трудовъ нѣтъ и слѣда:
А тутъ, межъ тѣмъ, — успѣхъ труда,
Еще съ прибавкой благочестья.
И бѣсъ, не знающій стыда,
И переполненъ злобной местью,
Отмстилъ... какъ школьникъ-гимназистъ
Вдругъ увидавъ упавшій на полъ
Вѣдомостей московскихъ листъ,
Онъ изъ него колпакъ состряпалъ
И на хозяина надѣлъ.
И что же?.. Тотъ его не скинулъ,
Оставилъ. Бѣсъ остолбенѣлъ
И въ удивленьи ротъ разинулъ.
Прочесть хозяинъ захотѣлъ
Послѣднюю въ трактатѣ фразу
И началъ вслухъ: «Европа за...»
Но бѣсъ ему, схвативши сразу,
Колпакъ надвинулъ на глаза
И что жъ? Тотъ все же продолжаетъ
Впотьмахъ, попрежнему, читать.
И бѣсъ не могъ не услыхать

Конца той фразы... «къ намъ питаетъ»...
—«Лунатикъ!.. Да еще какой!..»
Такъ бѣсъ теперь ужъ не съ тоской,
А даже съ радостью подумалъ;
И на него махнулъ рукой:
Имѣть съ нимъ дѣло не хочу-молъ.
Хозяинъ письменный свой столъ
Привелъ, межъ тѣмъ, уже въ порядокъ;
И, вставши: «Сонъ мой будетъ сладокъ!»
Сказалъ и въ колпакѣ ушелъ.
Хоть демонъ отъ попытки дальной
Ужъ отказался, но во слѣдъ
За нимъ оставилъ кабинетъ,
И оба очутились въ спальной.
Здѣсь патріотъ напредь всего
Молиться сталъ усердно Богу;
(Бѣсъ отвернулся отъ него);
Потомъ раздѣлся понемногу,
Задумчивъ и неторопливъ;
Потомъ, колпакъ свой сохранивъ,
Залѣзъ въ постель подъ одѣяло,
Задулъ свѣчу, зѣвнулъ устало
И захрапѣлъ. Вновь ослѣпленъ
Первоначальною ошибкой,
Бѣсъ молвилъ съ дьявольской улыбкой:
«Ну, богатырскій же твой сонъ!»
Затѣмъ обитель патріота
Въ безмолвный погрузилась мракъ,
И бѣсъ ее покинулъ...
Такъ
Пропала вся его работа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

—

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I.

Бѣсъ передъ тѣмъ, чтобъ къ сатанѣ
По службѣ съ рапортомъ явиться,
Самъ осуждалъ себя: «Нѣтъ! мнѣ
Борьба съ мужчиной не годится.
То-ль дѣло женщины! Онѣ
Такъ нѣжны сердцемъ, какъ ихъ лица.
Онѣ противятся съ умомъ.
Близъ нихъ не тратишь время праздно.
Онѣ не дрыхнутъ мертвымъ сномъ.
Натура—тоньше. И притомъ
Не долго ждать плода соблазна».
Бѣсъ сознавалъ, что виноватъ,
И искренняя его досада;
Но все отсрочивалъ докладъ,
Боясь насмѣшекъ безъ пощады.
Вѣдь сатану не проведешь!
И долго мялся онъ... А все-жъ
Явиться по начальству надо.

II.

Явился. Принялъ сатана
Его пріемная полна
Чиновъ большихъ и мелкихъ ада.
— «Ну, доноси!» Бѣсъ такъ и такъ;
О всемъ донесъ ему подробно
И сатана ему: «Дуракъ!»

Съ презрѣньемъ болѣе, чѣмъ злобно.
«Во-первыхъ, патріотъ не спалъ.
Покрылъ же, братъ, себя ты славой!
Какъ дурачекъ въ просакъ попалъ;
А называешься: лукавый.
Смѣшнѣе зрѣлище на видъ
Едва ли встрѣтить приведется;
Тотъ ночь работаетъ—не спитъ;
А этотъ ждетъ: когда проснется.
За дѣломъ ты къ нему залѣзъ!
Вѣдь согласись, что случай страненъ:
Самъ различить не знаетъ бѣсъ
Мертвецки спитъ ли россіянинъ,
Иль бодро двигаетъ прогрессъ!..
А во-вторыхъ, ты носъ повѣсилъ
По глупости. Взамѣнъ того,
Повыше подыми его.
Будь счастливъ, гордъ, доволенъ, веселъ!
Патріотическая блажь
Тебя въ Россіи съ толку сбила.
Патріотизмъ!.. Вѣдь въ томъ и сила,
Что патріотъ твой—нашъ!»—«Какъ нашъ?!»
Бѣсъ, услыхавши это слово,
Воскликнулъ, къ пренію готовъ.
— «Такъ; нашъ. Для гостя дорогого
Въ аду обитель ужъ готова».
— «Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ?
Я ничего не понимаю...»
— «Твоя»—замѣтилъ сатана—
«Мнѣ откровенность не нужна
Я самъ смышленность оцѣняю,
Ты слушай. Не за то-жъ въ раю
Онъ поселится, торжествуя,
Что языкомъ, всю жизнь свою,

Вращалъ Господне имя всуе.
И вспомни, какъ себя ты велъ?
Ты былъ не чортъ, но — добрый геній,
А въ патріотѣ не нашелъ
Ни сожалѣній, ни сомнѣній,
Ни колебаній, ни стыда,
Ни ослабленія злой воли
И ни малѣйшаго слѣда —
Ну, хоть смущенія бы, что-ли.
Все то-же молчанье; гордость та-же;
Упорство то же. И дуракъ же! —
Ты самъ все это видѣлъ... Какъ же
Онъ послѣ этого не камень?
Но не тебѣ онъ тѣмъ обязанъ.
Мы понимать должны равно
Добро и зло, вѣдь сперва, но —
Вѣдь чортъ своимъ призваньемъ связанъ.
Ужъ началъ слишкомъ ты мудро
Съ добромъ изворачиваясь въ шутку,
А кончилъ тѣмъ, на его разсудку,
Что пропагандировалъ добро.
Иныя рѣчи бы и слышалъ
(Какъ знать!) другой твой патріотъ
И результатъ совсѣмъ не тотъ
По вѣроятности бы вышелъ.
Сперва бы ты подготовилъ, сказавъ,
Что міру нынѣ онъ полезенъ,
А тамъ и мы его стремглавъ
Внизъ по теченію прямо въ бездну.
Какая польза, что съ трудомъ
Противъ теченія ты плавалъ?
Вотъ и остался ни при чемъ.
Глупецъ! Еще зовешься дьяволомъ!
Вѣдь разстраивалъ свою игру.

О патріотѣ въ немъ сомнѣнья
Явились мрачныя: «А ну,
Какъ вдругъ измѣнитъ поведенье.
И душу грѣшную спасетъ
Противный этотъ патріотъ!»
Онъ мысль свою облекъ иначе
И такъ сказалъ обинякомъ:
«Я ниже былъ своей задачи,
И предъ владыкой каюсь въ томъ.
Зато я радуюсь сердечно,
Что патріоту моему
Вкусить придется муки вѣчной;
И будетъ скоро онъ, конечно,
Въ кромѣшную низверженъ тьму.
Такихъ, какъ онъ, въ Россіи—много.
Всѣхъ въ адъ! Туда имъ и дорога!
Но между тѣмъ теперь во мнѣ
Возникло нѣкое сомнѣнье,
Что патріоты въ той странѣ
Измѣнятъ образъ поведенья
И души грѣшныя спасутъ.
Тогда не имъ, а намъ—капутъ.
Владыка! Знать бы интересно:
Что ждетъ Россію»—«Неизвѣстно!..»
Вода во облацѣхъ темна.
Пришли такія времена,
Гдѣ разумъ ощупью блуждаетъ.
Хоть тамъ твердятъ теперь: чортъ знаетъ!
Но самъ не знаетъ сатана».

III.

Твоей предоставляю волѣ,
Читатель мой, судить о томъ,

Какъ въ сказкѣ: плохо-ль, хорошо ли
Съ моимъ я справился стихомъ.
Моя единая забота,
Чтобъ объяснить ты могъ себѣ
Неуязвимость патріота
Въ ночной съ нимъ демона борьбѣ.
Я повторяю слово въ слово:
Въ немъ до того душа чиста,
Что онъ не чуялъ духа злого.
Въ немъ мысль отчизной занята.
Онъ—патріотъ временъ послѣднихъ.
Россійскій любитъ онъ покой.
И въ разныхъ европейскихъ бредняхъ—
Печать, права̀, весь жизни строй—
Не видитъ пользы никакой.
Судя, читатель, неумытно,
Признай же, что не только онъ
Самостоятельно уменъ,
Но что и честенъ самобытно...

1883 г.

ЗАГРОБНАЯ ТОСКА.

Посвящается гр. Л. Н. Толстому.

Ты разлюбилъ душой суровой
Красу земного бытія
И строго мудрствуешь, готовый
Съ себя совлечь его оковы,—
Но не таковъ далёко я.
Я жизнь люблю любовью страстной,
Любовью, можетъ быть, слѣпой;
И отдаюсь ей ежечасно
Я весь, и тѣломъ, и душой.
Мнѣ страшно смерти приближенье,
И страшно больше потому,
Что, какъ ни бьюсь, все не пойму
Души моей исчезновенья.
Не странно-ль это? А межъ тѣмъ
Кто скажетъ мнѣ, что мыслю ложно?
Загробный міръ предъ нами—нѣмъ.
Все неизвѣстное—возможно.
О, еслибъ знать, что цѣликомъ.
Истлѣвъ въ могилѣ, я исчезну;
Что душу смерть въ пустую бездну

И въ тьму не выброситъ живьемъ!
Печально знать, что весь я стину
И буду чуждъ родной средѣ,—
Но умереть лишь въ половину
И все же быть, но быть нигдѣ;
Мечтать о прошломъ понапрасну;
Любить, и помнить, и страдать;
То пламенѣть, то потухать,
И ждать: когда-жъ совсѣмъ погасну?—
О, страшно!..
«Выражу мой страхъ
И замогильную истому»—
Такъ я сказалъ себѣ—«въ стихахъ,
И посвящу ихъ Льву Толстому».
И вотъ тебѣ—тѣнь мертвеца!
Еще блѣднѣй она—нѣтъ спора—
Чѣмъ призракъ Гамлета-отца
И чѣмъ статуя Командора:
Не разглядишь ее почти.
Но хоть межъ дѣломъ, для забавы,
А все же ты, мой другъ, прочти
Мной переложенный въ октавы
Теперь, на грустномъ склонѣ лѣтъ,
Меня преслѣдующий бредъ.

•▸ ◂•

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,—
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы...

Пушкинъ.

I.

Ненастна ночь осенняя была,
Смѣнившая день сѣрый и унылый.
Клубилась въ воздухѣ сырая мгла
И выла буря, съ бѣшеною силой
Носясь по темной улицѣ села...
Близъ церкви только надъ одной могилой,
Межъ тѣмъ какъ мракъ повсюду былъ глубокъ,
Все вспыхивалъ и бѣгалъ огонекъ.

II.

Въ могилѣ той тревожно тосковала
Со свѣта въ тьму ушедшая душа.
Ужъ много лѣтъ съ той ночи миновало,
Какъ онъ на грудь склонился, не дыша,
И сердце въ немъ навѣки замолчало;
Но жизнь ему была такъ хороша,
Такъ сильно онъ любилъ ее когда-то,
Что въ немъ еще болитъ ея утрата.

III.

Крестъ-на́-крестъ руки на груди сложивъ,
Но все въ борьбѣ съ судьбою неминучей,
Онъ тосковалъ по днямъ, когда былъ живъ,
Когда въ немъ кровь текла струей кипучей,
Когда, во цвѣтѣ лѣтъ, онъ былъ счастливъ
И не одной не омрачились тучей
Тѣ небеса, сіявшія надъ нимъ
Во дни, когда, любя, онъ былъ любимъ.

IV.

Всегда за человѣчныя начала
Онъ честно велъ упорную борьбу;
Постыдныхъ сдѣлокъ жизнь его не знала...
И, міру чуждъ, лежа теперь въ гробу,
Онъ своего не бросилъ идеала,
И проклиналъ жестокую судьбу
За то, что въ узахъ смерти молчаливой,
Былъ празденъ духъ его вольнолюбивый.

V.

Изяществомъ врожденнымъ одаренъ,
Въ себѣ онъ вкусъ развилъ и пониманье,
Теперь, во тьмѣ, порою грезитъ онъ
Созданьями то кисти, то ваянья;
То передъ нимъ мелькали, какъ сквозь сонъ,
Всѣ зодчества великія созданья...
Чудесъ онъ видѣлъ много — и рвался
Опять взглянуть на эти чудеса.

VI.

И музыки ему недоставало,
По ней грустя, онъ помнитъ до сихъ поръ.

Какъ сердце въ немъ когда-то замирало
И на эстраду устремлялся взоръ,
Когда, въ виду замолкнувшаго зала,
Передъ большимъ оркестромъ дирижеръ
Начало возвѣщалъ рукой подъятой
Симфоніи Бетховена Девятой.

VII.

Изъ геніевъ поэзіи — Шекспиръ,
Страстей людскихъ всевѣдущій историкъ,
Бывалъ съ нимъ чаще. Но хоть взглядъ на міръ
Былъ Гамлета его глубокъ и горекъ:
«Быть иль не быть?.. Червей могильныхъ пиръ...
Привѣтъ меланхолическій: poor Yorick!..»
Такъ можно — думалъ онъ — хандрить, живя,
А не лежа̀ въ сообществѣ червя.

VIII.

И началъ онъ въ гробу, на тѣ же темы,
Слагать стихи. Предъ воплемъ мертвеца
Всѣ вопли Гамлета живого — нѣмы.
Скорбями неземными безъ конца,
На языкѣ земномъ своей поэмы,
Заполонить онъ могъ бы всѣ сердца,—
Такъ пѣснь его тоской смертельной дышитъ...
Но чудныхъ строфъ ея никто не слышитъ.

IX.

Любилъ природу онъ, и видъ родной
Милѣе былъ ему всѣхъ видовъ свѣта.
И грезились ему — то садъ, весной;
То знойное, сверкающее лѣто,

То видъ задумчивый глуши лѣсной,
Ужъ красками осенними одѣтой;
То будто въ тепломъ домѣ изъ окна
Ему снѣговъ виднѣлась пелена.

X.

Онъ по семьѣ грустилъ, любимой нѣжно,
Въ ту ночь, которой начатъ мой разсказъ.
«Здорова ли, счастлива-ль?..» И мятежно
Его душа, тоскуя, къ ней рвалась,
Хотя мечтой не льстилась безнадежной
Ее увидѣть. Но на этотъ разъ
Онъ зовъ жены такъ явственно услышалъ,
Что онъ возсталъ и изъ могилы вышелъ.

XI.

Въ обличьи прежнемъ къ дому подходя,
Онъ могъ игру разслышать на роялѣ
Сквозь шумъ глухой деревьевъ и дождя.
И сталъ онъ пьесу ту, что исполняли,
Припоминать, за музыкой слѣдя.
Когда-жъ въ andante звуки зарыдали:
«Trio B-dur!» [1]) — воскликнулъ онъ. — «Мое
Любимое Бетховена trio!»

XII.

Тогда, припавъ къ стеклу оконной рамы,
Онъ заглянуть спѣшитъ въ свой домъ родной.
Видъ комнаты съ роялемъ — тотъ же самый.
Играютъ же на немъ, къ окну спиной,

[1]) Op. 97.

Двѣ дѣвушки иль, можетъ статься, дамы,
А слушаетъ мужчина молодой.
Зачѣмъ же здѣсь чужіе люди эти?
И гдѣ-жъ его жена? И гдѣ же дѣти?

XIII.

Межъ тѣмъ какъ онъ, печальный, у окна
Смотрѣлъ, ему видѣніе явилось...
Предъ нимъ въ дверяхъ—она! его жена!
Но, Боже мой, что̀ съ нею совершилось?
Ужъ въ волосахъ бѣлѣетъ сѣдина...
О, какъ состарѣлась! Какъ измѣнилась!
Не измѣнились лишь глаза одни,
И, кажется, заплаканы они.

XIV.

На юныхъ музыкантшъ она сначала
Глядѣла нѣжно, стоя у дверей,
Покуда темпъ игриваго финала,
Рѣзвясь, къ концу стремился все скорѣй;
А при концѣ ихъ такъ поцѣловала,
Какъ только мать цѣлуетъ дочерей.
Тѣ обернулись, и при первомъ взглядѣ
Онъ ихъ узналъ. Вотъ Маня, а вотъ Надя!

XV.

Его уму теперь разъяснены
И дочерей роскошный видъ расцвѣта,
И красота поблекшая жены.
Знать ужъ давно исчезнулъ онъ со свѣта,
Загробные давно ужъ видитъ сны;
И многія, полны событій, лѣта
Прошли съ тѣхъ поръ средь жителей земли
Какъ трупъ его, оплакавъ, погребли.

XVI.

Въ тотъ мигъ, когда онъ вышелъ изъ гробницы
И жизнію повѣяло ему,
Безвѣстны были времени границы
Блуждавшему въ мечтахъ его уму.
Онъ, въ міръ явясь изъ нѣдръ своей темницы,
Не понималъ, когда увидѣлъ тьму
И на часахъ церковныхъ семь пробило —
Въ исходѣ-ль ночь, иль только наступила.

XVII.

По осени онъ по признакамъ узналъ:
И по вѣтвямъ кладбищенской березы,
И по тому, какъ вѣтеръ бушевалъ,
То жалобы кидая, то угрозы;
А сводъ небесъ безъ умолку ронялъ
Свои неизсякаемыя слезы...
О времени узналъ онъ лишь потомъ,
Какъ увидалъ весь освѣщенный домъ.

XVIII.

А въ домѣ ужъ идетъ чредой обычной
Тотъ вечеровъ любимый имъ обрядъ,
Въ которомъ самъ участвовалъ онъ лично
Лѣтъ десять, можетъ быть, тому назадъ:
Всѣ, слѣдуя потребности привычной,
Вокругъ стола накрытаго сидятъ,
И посреди — жена у самовара
Порой заслонена клубами пара.

XIX.

Куда смотрѣть? И любоваться кѣмъ!
На комъ изъ нихъ остановить вниманье?

Онъ такъ ихъ всѣхъ любилъ! Такъ радъ имъ всѣмъ!
И, радостный, онъ сдерживалъ рыданья...
На нихъ глядя, онъ вспомнилъ, между тѣмъ,
Что вызванъ былъ женою на свиданье.
Она—лицомъ обращена къ нему—
Въ оконную все всматривалась тьму.

XX.

Сидѣла Маня отъ нея направо;
Близъ Мани—незнакомецъ молодой;
Налѣво—Надя. Всѣ черты ихъ нрава
Остались тѣ же. Съ доброй простотой
Держалась Маня; Надя же, лукаво
Переглянувшись съ старшею сестрой,
Ея сосѣда, кажется, дразнила;
При чемъ смѣялись обѣ очень мило.

XXI.

О, какъ близка теперь его семья!
Какъ онъ хотѣлъ бы съ ней быть снова вмѣстѣ!
Войти, сказать: «Не бойтесь. Это—я.
Хочу за столъ присѣсть на прежнемъ мѣстѣ
И слушать васъ. О, дайте мнѣ, друзья,
Подробныя о вашей жизни вѣсти!..»
И, все въ окно смотря, онъ встрѣтилъ взоръ
Жены, глядѣвшей на него въ упоръ.

XXII.

Тогда, всю власть утративъ надъ собою,
Онъ постучалъ въ окно. Вскочили вдругъ
Всѣ съ мѣстъ... Жена съ простертою рукою
Къ окну... На лицахъ дочерей—испугъ...
Изъ караулки тою же порою

Послышался доски чугунной звукъ,
И вторить ей, протяжно завывая,
Собака начала сторожевая.

XXIII.

Жена, очнувшись, къ Манѣ подошла
И къ юношѣ, стоявшему съ ней рядомъ,
И за руки къ окну ихъ подвела.
Она, глядя въ окно, молила взглядомъ,
И та мольба ему ясна была:
Благословить ихъ въ путь къ земнымъ отрадамъ.
Онъ понималъ, втроемъ увидѣвъ ихъ,
Что юноша былъ дочери женихъ.

XXIV.

И онъ благословилъ. Осталось тайной
Для всѣхъ благословенье его.
Жена, придя въ экстазъ необычайный,
Не видѣла, казалось, никого.
Женихъ же говорилъ: «То стукъ случайный,
Бываютъ стуки мало ль отъ чего!
И птица на огонь летитъ нерѣдко,
И кустъ въ окно стучитъ сухою вѣткой».

XXV.

И всѣ опять сидятъ вокругъ стола.
Сперва задумчивы, но Надя вскорѣ
Молчанье оживленно прервала.
И видитъ онъ, что въ общемъ разговорѣ
Жена участье также приняла,
Съ веселостью такою въ ясномъ взорѣ,
Какъ словно спалъ съ души тяжелый гнетъ
Ее недавно мучившихъ заботъ.

XXVI.

Онъ долго на нее глядѣлъ, но болѣй
Не уловлялъ ея привѣтныхъ глазъ.
Уже она успѣла силой воли
Нарушить сонъ его, чтобъ въ этотъ часъ
Онъ дочь свою увидѣлъ въ новой долѣ,—
И связь опять межъ ними порвалась.
На зовъ жены явился онъ изъ гроба,
И—кончено. Свой долгъ свершили оба.

XXVII.

Межъ тѣмъ желаньемъ жить онъ былъ томимъ,
Какъ—весь въ жару—больной томится жаждой.
Онъ наблюдалъ, какъ жизнь текла предъ нимъ,
И жадно мигъ ея ловилъ онъ каждый.
Тотъ знаетъ цѣну радостямъ земнымъ,
Кто сталъ имъ чуждъ, извѣдавъ ихъ однажды.
Несчастнѣе судьба не можетъ быть,
Какъ мертвеца, который хочетъ жить.

XXVIII.

Пусть въ немъ заснетъ всѣхъ высшихъ думъ тревога...
Вѣдь жизнь полна иныхъ, вседневныхъ чаръ
Тамъ, за чертой домашняго порога.
Ему теперь лишь нуженъ жизни даръ,
А жизнь сама пусть дастъ хотя немного:
Тепло, покой, рояль да самоваръ.
Отыщутся на этомъ свѣтѣ блага
Для каждаго мгновенія и шага.

XXIX.

Онъ наслаждался-бъ жизнію такой!
Безумцами она зовется—скука;

Но нѣтъ отрадъ блаженнѣй, какъ покой
И тишина. Есть рай въ «Орфеѣ» Глюка —
Какъ тотъ, могла-бъ и этотъ рай земной
Изобразить прозрачность та же звука.
Онъ лучшаго не хочетъ ничего;
Но рай живыхъ — уже не для него.

XXX.

А еслибъ даже съ нимъ свершилось чудо —
Онъ ожилъ бы — вѣдь было-бъ для семьи
Добра, пожалуй, менѣе, чѣмъ худа.
Привычки бы всѣ бросили свои;
И этотъ бытъ, уютный такъ покуда,
Съ возлюбленной сошелъ бы колеи.
Сама жена хоть не сказала-бъ громко, —
Подумала-бъ: «Какая въ жизни ломка!»

XXXI.

И онъ, взглянувъ въ послѣдній разъ на всѣхъ,
Уйти отъ нихъ рѣшился, гость незваный.
Онъ пожелалъ имъ счастья и утѣхъ,
Исполненъ самъ печали несказанной...
И въ этотъ мигъ раздался въ домѣ смѣхъ,
Его кольнувъ случайностію странной.
Онъ повернулъ за садъ, и за угломъ
Исчезъ на вѣкъ родной и милый домъ.

XXXII.

Онъ шелъ, во тьмѣ, по вспаханному полю.
Кругомъ тоскливой пѣсней вѣтеръ вылъ,
Какъ бы его оплакивая долю,
И мелкій дождь немолчно моросилъ.
И съ ними онъ стоналъ и плакалъ вволю.

Опять лежать въ землѣ, среди могилъ!
Опять тоска, которой онъ наказанъ
За то, что страстно къ бытію привязанъ!..

XXXIII.

И такъ взывалъ онъ къ силѣ міровой:
«Душа безъ тѣла мучится, больная;
И если есть за гробомъ міръ иной,
И тамъ насъ ждетъ, умершихъ, жизнь иная,—
О, прекрати тяжелый искусъ мой!
Дай мнѣ тотъ міръ увидѣть, оживая!
Ужъ не жилецъ на этомъ берегу,—
Зачѣмъ на тотъ вступить я не могу?..»

XXXIV.

Такъ ночь прошла. На небѣ забѣлѣло;
Туманная яснѣй виднѣлась муть.
Хотѣла-ль воля въ немъ, иль не хотѣла,
Но онъ къ кладбищу свой направилъ путь;
Въ немъ мысли гасли; голова слабѣла...
Онъ прошепталъ въ бреду: «Счастлива будь!»
И, потерявъ свою ночную силу,
Покорно легъ подъ памятникъ въ могилу.

1890 г.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Следует.*
3	2 сн.	черезъ	чрезъ
32	3 „	Назадъ письмо возьмите... Возьмите же... Ну, что же,	Назадъ письмо возьмите! Что же
43	6 св.	слова два,	слова два;
44	13 „	презрѣнье?	презрѣнье!
96	2 „	и вдова,	и вдова.
104	2 „	простыхъ	простыхъ.
109	8 св.	черной	черною